

ISSN 2073-8315

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А.А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (42)
2013

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я.В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А.Л. Пазнякоў*
Камп'ютарны набор і вёрстка *А.Л. Пазнякоў*
Карэктар *Г.В. Карпянкова*

Падпісана да друку _____ 2013 г.
Фармат 70x108^{1/16}. Папера афсетная. Гарнітура Petersburg.
Ум.-друк. арк. 9,1. Ул.-выд. арк. 8,1. Тыраж 100 экз. Заказ _____

Установа адукацыі "Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова", 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
ЛИ № 02330/278 ад 30.04.2004 г.

Надрукавана ў аддзеле аператыўнай паліграфіі
МДУ імя А.А. Куляшова. 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.

© МДУ імя А.А. Куляшова, 2013

ЗМЕСТ

ВИШНЕВСКИЙ М.И. Актуальность культурно-образовательного философского синтеза	5
РИЕР Я.Г. К проблеме возникновения неравенства, собственности и государственной власти	16
БУРАКОВ В.Н. Квартирная плата в БССР в межвоенный период	26
ПУШКИН И.А. Дзяржаўныя органы па рэгуляванні міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь (1991 – 2010 гг.)	32
ПАВЛОВ В.П. Могилевчане в движении Сопrotивления Польши и Чехословакии	37
ГРЕБЕНЬ Е.А. Налоги и повинности населения Беларуси в период нацистской оккупации	46
ЦУМАРЕВА Е.П. Белорусская проблематика на страницах газеты “Окраины России” (1906 – 1912 гг.)	52
ПОНУЖДАЕВ Д.Н. Советская рабоче-крестьянская милиция в устранении политической оппозиции на территории западных областей БССР в конце 1939 – первой половине 1941 г.	58
ГРОМЫКО М.В. “Вестник виленского православного Свято-Духовского братства” как представитель консервативной прессы в 1907 – 1916 гг.	65
САЎЧАНКА В.М. Кампазіцыйныя прыёмы разгортвання сэнсавых адзінстваў (на матэрыяле твораў беларускай мастацкай літаратуры)	70
КІСЛІЦЫНА Г.М. Актуальныя праблемы сучаснай беларускай прозы	77
БАШКИРОВ Д.Л. “Замогильный” контекст исповеди в русской литературе: метафора или художественная реальность	82
СЕРДЮКОВА Е.И. Интертекстуальное пространство поэзии Анатолия Аврутина	91
ЖЫРКЕВИЧ Т.І. Беларуска-паўднёваславянскія літаратурныя сувязі: гісторыя станаўлення і развіцця	97
ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ	102
SUMMARIES	103

Уважаемые читатели!

Редакционная коллегия журнала “Веснік МДУ імя А.А. Куляшова” сердечно поздравляет со 100-летием университета и желает всем творческих успехов и новых достижений на благо нашей страны, нашего народа.

Первый номер журнала был издан в ноябре 1998 г. За прошедшие годы увидели свет сотни статей по различным направлениям современного научного поиска. В номерах журнала публиковались также рецензии, аналитические обзоры, полемические и другие материалы. Развивался, рос Могилевский университет, в нем открывались новые специальности, развертывались перспективные научные исследования, создавались новые кафедры. Изменялся, преобразовывался и наш журнал. Расширялся состав редакционной коллегии, в который включались ведущие ученые не только нашего университета, но и других исследовательских центров региона, страны в целом. В настоящее время в составе редколлегии 57 ученых, в том числе 36 докторов наук. Начиная с 2010 г. журнал издается в четырех сериях (серия А – гуманитарные науки, серия В – естественные науки, серия С – психолого-педагогические науки, серия D – экономика, социология, право). “Веснік МДУ імя А.А. Куляшова” включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по 10 направлениям науки, журналу присвоен международный номер регистрации периодических изданий.

Активными авторами публикаций в нашем журнале являются ученые и общественные деятели Минска, Могилева, Витебска, Гомеля, Бреста, Гродно, других городов страны, а также ученые из России, Украины, Казахстана, Польши, США, Италии, Китая и других стран.

Являясь авторитетным научным и методическим изданием, наш журнал, вместе с тем, постоянно откликается на важнейшие события в жизни страны и мира в целом. Многие публикации посвящены актуальным проблемам идеологии, современной истории, экономики, социологии, правоведения.

В центре внимания редакционной коллегии стоят вопросы образовательной деятельности, которым посвящена специальная серия. Наши авторы освещали ключевые проблемы и задачи реформирования общеобразовательной средней школы, оптимизации и дальнейшего совершенствования высшего образования в Республике Беларусь с учетом передового опыта других стран, особенностей национальной модели социально-экономического развития, идеологии белорусского государства.

Жизнь ставит перед университетом, как и перед всем образовательным комплексом страны, новые задачи. Решая их, откликаясь на вызовы времени, мы стремимся постоянно быть на “гребне волны”, выступать трибуной для творческих научных дискуссий, местом апробации новых конструктивных идей. Уверены, что сотрудничество ученых нашего университета с коллегами из белорусских и зарубежных научных центров будет успешно развиваться, а результаты этого сотрудничества найдут отражение на страницах нашего журнала.

Главный редактор, первый проректор,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник образования
Республики Беларусь

М. И. Вишнеvский

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 14+37.01

М.И. ВИШНЕВСКИЙ

АКТУАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФИЛОСОФСКОГО СИНТЕЗА

Вопрос о культурно-образовательном философском синтезе рассматривается в статье в тесной связи с вопросом о месте и роли философии в системе культуры. Культурно-образовательный синтез толкуется как способ достижения определенного единства (в рамках образовательной деятельности) разнородных по исходным посылкам и взаимодействующих философских концепций, подходов к решению теоретико-мировоззренческих проблем.

Введение

Дискуссии относительно места философии в системе культуры ведутся уже давно. Так, начиная свою монументальную “Историю западной философии”, Бертран Рассел констатирует, что философия, как он ее понимает, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывается до сих пор недостижимым, но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. “Все определенное знание, по моему мнению, – пишет он, – принадлежит к науке; все догмы, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия” [1, с. 19]. Рассмотрим, какое место занимает философия в системе культуры и как это сказывается на организации философского образования.

Основная часть

Человеческое бытие в мире не сводится только к научным исследованиям и их практическим приложениям. Соответственно и вопросы, интересующие человека, склонного к мировоззренческим размышлениям, не исчерпываются лишь теми, которые в настоящее время доступны строгому научному исследованию. Теологические решения таких вопросов Рассел считает порождающими, в силу чрезмерной их самоуверенности, “некоторого рода дерзкое неуважение к Вселенной” [1, с. 21]. Поэтому он находит их малоубедительными для недогматически мыслящих людей. Теология и наука признаются здесь важными элементами культуры общества. Философия, очевидно, тоже входит в состав данных элементов, но место ее Рассел характеризует как промежуточное. Как это заключение можно было бы понимать и какие конструктивные выводы можно из него извлечь?

Отметим, прежде всего, что существует множество подходов к определению предмета философии и ее места в жизни общества, в культуре. Мы будем исходить из понимания философии как *теоретической формы мировоззрения*. Как мировоззрение философия направлена на охват мыслью всего мироздания, кото-

рое дано человеку в опыте его бытия, с включением также и его самого как особой части этой необозримой совокупности. Как теория философия выступает объяснительной схемой, выраженной в весьма общих понятиях и фиксирующей, а также обосновывающей свои исходные посылки и способы получения выводов. Никакой единой и общеобязательной философской теории не существует и, видимо, не может существовать, ибо даже претендуя на всеобщую значимость, каждое конкретное философское учение все же ограничено принятыми его создателем исходными посылками и основным замыслом, которые выражают не только его личностные особенности, но и отличительные черты социально-культурной ситуации, исторической эпохи.

Философские учения, как бы они ни различались, характеризует, вместе с тем, общая образовательная направленность. В принципе все учения, концепции, поскольку они обнародованы, предназначаются для изучения и, тем самым, для включения в процессы образования осваивающих их личностей. Своеобразие философских учений в данном отношении связано с их мировоззренческой сущностью. Это означает, что ни человек сам по себе, ни мир как таковой (безотносительно к человеку), ни, наконец, те или иные конкретные формы отношения человека и мира (деятельно-практические, гносеологические, аксиологические), взятые обособленно друг от друга, не исчерпывают социально-культурных функций философии. Все это определенные грани философии, но ни одну из них не следовало бы абсолютизировать.

Напомним в связи с этим высказывание Ричарда Рорти о том, что философию обычно рассматривают в качестве основания культуры “по той причине, что культура – это совокупность притязаний на знание, и философия выносит приговор по их поводу” [2, с. 3]. Цитируемая здесь работа Рорти посвящена критическому разбору подобного взгляда на философию, вытекающему, по существу, из абсолютизации ее гносеологической функции. Детали этой критики здесь невозможно, да и не нужно воспроизводить. Выводы же, к которым он приходит, представляются весьма поучительными и имеющими прямое отношение к теме культурно-образовательного философского синтеза.

Рорти высказывает общее одобрение эпистемологического бихевиоризма, или прагматизма, который утверждает, что “философии нечего предложить, кроме здравого смысла, относительно познания и истинности” [2, с. 130]. Достоинство прагматистской концепции познания американский философ усматривает в том, что она устраняет идущее от древнегреческой философии противопоставление размышления и действия. Он отмечает также, что различия между наукой, для которой поиски объективного знания полагаются неотъемлемой чертой, и другими областями человеческой деятельности суть различия между “нормальным дискурсом”, направляемым общепринятыми критериями достижения согласия, и “анормальным дискурсом”, не подчиняющимся таким критериям.

Разъясняя смысл данного различения, Юрген Хабермас указывает, что институционализированные науки используют нормальный дискурс в периоды, когда ими достигнут убедительный прогресс в теории и существуют общеизвестные способы решения проблем, улаживания спорных вопросов. “Такие виды дискурса Рорти называет соизмеримыми, и здесь можно положиться на критерии, обеспечивающие достижение согласия. Несозмеримым, или ненормальным, дискурс остается до тех пор, пока продолжается спор об основных ориентирах” [3, с. 24]. При этом Рорти вполне обоснованно считает, что неверно полагать нормальный дискурс определенной эпохи чем-то вневременным. Судя по всему, именно

такие или сходные с ними притязания он усматривает у той философии, которую намерен критиковать.

Характерную для Нового времени потребность в выдвижении философской теории познания Рорти связывает со стремлением к установлению некоторых ограничений познавательной деятельности, вытекающих из убеждения в существовании ее прочных оснований. Этой гносеологической позиции, которая, как он доказывает, обнаружила свою несостоятельность, противопоставляется герменевтика, понимаемая, однако, вовсе не как новая методология, восполняющая изъяны существующей теории познания. «Напротив, герменевтика есть выражение надежды, что культурное пространство, оставшееся после кончины эпистемологии, не будет заполнено, что наша культура должна стать такой, в которой требования противопоставления и сдерживания больше не будут ощущаться» [2, с. 233]. Эпистемология как философская теория, по Рорти, характеризуется утверждением существования постоянного нейтрального каркаса познавательной деятельности, общего для всех дискурсов. Отклонение от норм, задаваемых данным каркасом, есть следствие заблуждения или неумения следовать требованиям рациональности. Герменевтика, напротив, предполагает стремление понять собеседника и как бы питает надежду на достижение определенного согласия даже в случае расхождения занимаемых сторонами позиций, радикального несходства используемых ими понятий и способов аргументации.

Приобретаемое герменевтическим путем понимание больше похоже, по словам Рорти, на постепенное знакомство с человеком, нежели на доказательство теоремы. Герменевтическому представлению о познании ближе понимание культуры как разговора, нежели как структуры, имеющей твердые основания. Различия между эпистемологией и герменевтикой – это различия между нормальным и аномальным дискурсом, а в конечном счете между исследованием в основном знакомых явлений и постижением незнакомого. Герменевтика Гадамера понимается при этом как попытка «поместить классическую картину в картину большего масштаба» и, таким образом, «дистанцироваться» от стандартных философских проблем вместо того, чтобы искать их решения» [2, с. 265]. Отсюда вытекает проводимое Рорти различие «систематической» и «наставительной» философии.

«Систематическая» философия, как ее понимает Рорти, опирается на прочную научную традицию, состоящую в ориентации на установление объективно истинных знаний, имеющих неоспоримые основания. Революционные прорывы в научном познании стимулируют и следующие за ними философские революции, которые, в свою очередь, пролагают путь дальнейшим изменениям в культуре, вызванным открытиями в науке. Для этого создаются философские системы, выстраиваемые по образцу строгих научных теорий. Правда, «как только программа направления философии на безопасный путь науки начинает преуспевать, она просто обращает философию в скучную академическую специальность» [2, с. 285]. Кроме того, абсолютизация норм и образцов научной деятельности, характерных для определенной эпохи, путем выведения данных норм и образцов, например, из так или иначе истолкованной общей природы бытия не может застраховать от того, что на новом витке развития науки все эти красивые и стройные категориальные схемы окажутся устаревшими, и потребуются их радикальный пересмотр.

Термин «наставительная философия», введенный Рорти, имеет своим источником герменевтические идеи Гадамера, который акцентирует внимание не на по-

знании мира человеком, а на образовании как самотворении человека. Исходя из этой точки зрения, истины не самоценны, ибо они суть средства нашего формирования, развития, обеспечения всей нашей жизнедеятельности, включая сюда и общение с другими людьми. Поиск объективного знания – это лишь одно из многих человеческих дел, и оно не должно заслонять столь явственно обозначенную экзистенциализмом задачу выбора каждым из нас самого себя и ответственность за данный выбор. Образование не сводится к освоению “положительных”, или прочно установленных и удостоверенных знаний, которыми невозможно заменить, например, сказки или другие творения художественного вымысла. Познание сущностей вовсе не исчерпывает сущность человека. Для осознания этого простого факта полезно было бы расширить привычное понятие рациональности, избавив его от слишком жесткой привязки к критериям объективного научного исследования.

Широко используемое Гадамером понятие образования представляется Рорти немного скучным, и поэтому он отдает предпочтение термину, который в русском переводе звучит как наставление. Попытки наставлять себя или других он связывает с герменевтической деятельностью по установлению связей между нашей собственной культурой и какой-либо совершенно иной культурой или, равным образом, между нашей собственной научной дисциплиной и другой дисциплиной, которая представляется нам несовместимой с нашей. Наставительными могут быть все те виды деятельности, в которых осуществляемый дискурс аномален и, вместе с тем, призван своей непривычностью изменить наше Я. Правда, аномальный дискурс не предполагает вообще отсутствия каких бы то ни было правил, а лишь отмечен значительным несходством с тем набором правил, который как бы удостоверен современной наукой. Философы, мыслящие таким (анормальным) образом, считают, что словарь, составленный на основе самых новейших научных достижений, не может быть признан достаточным для того, чтобы выразить все многообразие широких, общих проблем, с которыми сталкивается человек в своей жизни, и помочь ему разобраться в самом себе.

Таких философов Рорти называет наставниками и полагает, что они действуют в целом на периферии истории современной философии. Более того, они вовсе не стремятся сделать свои построения общезначимыми. “Они высмеивают классическую картину человека, картину, которая содержит систематическую философию, поиск универсальной соизмеримости в окончательном словаре” [2, с. 272-273]. В отличие от философов-систематиков, которые строят для вечности, философы-наставники озабочены проблемами сегодняшнего дня и стараются сохранить чувство удивления тем, что в мире есть вещи, не поддающиеся на данный момент объяснению и исчерпывающему описанию. Эти и другие характеристики деятельности философов-наставников, даваемые Рорти, намеренно парадоксальны. Тем не менее, следовало бы внимательно отнестись к его утверждению о том, что нужно освободиться от представления о приоритетности для философии задачи открытия постоянного каркаса научного исследования, равно как и от мысли о том, что философия может объяснить все не объясненное наукой. Вместо этого он предлагает рассматривать философов-наставников как партнеров по разговору, как сократических собеседников, помогающих установлению взаимопонимания между людьми, представляющими разные виды деятельности и несходные мировоззренческие позиции.

Итак, рассуждения Рорти выявляют еще одно важное различие философских концепций, дополняющее уже известные нам оппозиции материализм –

идеализм, догматизм – диалектика, эмпиризма – рационализм, панлогизм – иррационализм и др. Когда мы ведем общий разговор о философии как феномене культуры, то явно или неявно допускаем, что она характеризуется некоторым существенным единством, которое должно как-то проложить себе дорогу через эти, нередко весьма глубокие, различия. Не является ли данное подразумеваемое единство следствием ее особого, “промежуточного” статуса в культуре, о котором говорил Рассел, и не он один? Отвечая на данный вопрос, нужно учесть и суждения, высказанные Рорти. Ведь если признать вместе с ним, что среди философов есть как “систематики”, так и “наставники”, то можно предположить, что и те и другие нужны культуре и без них философия как особая ее форма была бы неполна и недостаточно действительна.

В чем же, вообще говоря, заключается эта действительность философии? Надо думать, она напрямую связана с тем, что философия является теоретической формой мировоззрения, и в этом ей нет замены в системе культуры. Рассел поместил философию между наукой и теологией, но это, очевидно, не единственная характерная для нее “промежуточная” позиция. В определенном смысле философия выступает “медиатором”, связующим звеном между наукой и миром повседневности, наукой и искусством, наукой и идеологией. Все эти феномены культуры вносят значительный вклад в формирование и развитие духовного мира человека, становление его личности. Правда, ни искусство, ни религия, ни идеология, ни обыденное сознание не могут претендовать на построение отвечающей современным представлениям и задачам мировоззренческой теории. Не создает ее и наука, являющаяся специализированной познавательной деятельностью и состоящая из огромного ансамбля более или менее удаленных друг от друга конкретных отраслей, связи между которыми могут быть весьма опосредованными.

Попутно отметим, что следование образцам герменевтического мышления должно было бы побудить нас избегать неосмотрительной категоричности суждений. Например, Рорти рекомендует “отказаться от представления о философе как о человеке, который знает нечто о познании, чего никто, кроме него, не знает так хорошо” [2, с. 290], связывая подобное представление с требованием, чтобы звучание голоса философа в разговоре сразу же приводило к обесцениванию всех других точек зрения. Такое рассуждение представляется необсужденным. Ведь каждый из участников разговора может быть особенно сведущим в каких-то вопросах, которые другими не продуманы должным образом или которыми они не занимаются. Поскольку разговор идет о познании, нужно учесть, что оно вовсе не сводится к познанию строго научному, в обсуждении которого авторитетность суждений профессиональных ученых никто и не собирается оспаривать. Вместе с тем невозможно перечеркнуть особые познавательные возможности, например, искусства или же повседневной жизнедеятельности, которые науками не являются. Вот и философия, будучи теоретическим мировоззрением, выдвигает и обсуждает такие познавательные проблемы, которые выходят за рамки методического научного исследования, но от этого вовсе не утрачивают своей значимости. Кстати, именно об этом и повествует книга Гадамера “Истина и метод”, о которой с таким уважением отзывается Рорти.

Соглашаясь в принципе с Рорти в его критике претензий философии на роль указчика места и верховного судьи познания и культуры, Хабермас, тем не менее, отстаивает убеждение, что она “может – и должна – сохранить за собой притязание на разумность, выполняя более скромные функции местоблюстители-

ля и интерпретатора” [3, с. 12]. Более того, даже познав свои границы благодаря поучениям прагматизма и герменевтики, “философия в своих образовательных беседах никак не сможет оставаться *вне* наук, не попадая тут же снова в поток аргументации, то есть обосновывающей речи” [3, с. 25]. Не будучи “судебной инстанцией”, философия способна выступать (и неоднократно успешно выступала) в качестве посредника и толкователя смыслов, вырабатывающего мировоззренческие ориентиры в непрерывно ведущемся споре об истинах и ценностях, а также генератора идей и хранителя рациональности, связывающего воедино различные проявления, функции человеческого разума, обособляемые друг от друга постоянно углубляющейся специализацией духовной деятельности. Но для того, чтобы философия могла успешно выполнять эти сложные и ответственные функции в культуре, она сама должна заключать в себе определенное единство, осуществляющееся поверх очевидных и умножающихся расхождений в теоретико-мировоззренческих позициях и установках. Это единство реализуется в особой, весьма своеобразной форме, которую я называю *культурно-образовательным синтезом* [4; 5].

Данный синтез непосредственно не ведет к построению какой-то новой философской системы. Скорее он является реакцией на определенную обособленность и противопоставленность друг другу уже существующих авторитетных философских концепций, попыткой найти точки соприкосновения между ними или, по крайней мере, не упустить из виду их специфическое конструктивное содержание. Тем самым он способствует эффективному мировоззренческому самоопределению как отдельных образующихся личностей, так и более широких общностей людей.

Занятия философией, несомненно, требуют серьезной предварительной подготовки и не ограничиваются штудированием текстов профессиональных философов прошлого и наших дней. Они предполагают также расширение общего кругозора, без которого весьма трудно было бы выработать взвешенную оценку весьма разноплановых теоретико-мировоззренческих концепций. Получение высшего образования в нашей стране предусматривает основательное знакомство с философией, хотя учебного времени на это отводится очень мало. Людям, которые предполагают защищать кандидатские диссертации, предстоит также подготовка и сдача кандидатского экзамена по философии и методологии науки. Наконец, многие люди, занимающиеся самообразованием, включают в свои образовательные программы изучение философии, не без основания полагая, что это существенно повысит качество их общеобразовательной подготовки. Таким образом, круг людей, причастных к получению философских знаний, достаточно широк.

При этом интересы философов-профессионалов и дилетантов, по той или иной причине интересующихся философией, могут в чем-то не совпадать. Специальные занятия философией, как и любой из конкретных наук, должны вести к получению результатов, признанных в соответствующем профессиональном сообществе. Философия есть творческое дело, а это означает, что результаты теоретико-мировоззренческих исследований и размышлений должны содержать признаки существенной новизны и, по крайней мере, теоретической, а желательно также и практической значимости. Даже примкнув к какой-то школе, философ-исследователь стремится найти неизбитую тему либо новаторский подход к обсуждению ранее уже поставленных и обсуждавшихся вопросов. Предполагается, что основы философских знаний он уже освоил, иначе как он смог бы про-

дуктивно наращивать их совокупность? В рамках соответствующей профессиональной подготовки и последующей самостоятельной творческой деятельности он обращает серьезное внимание на разграничения и четкое определение рассматриваемых философских позиций и подходов, ибо размытость этих разграничений и определений может быть оценена рецензентами как свидетельство низкой квалификации.

Человек, знакомящийся с философскими работами в интересах общего развития или в предположении, что получаемые им соответствующие знания где-нибудь окажутся полезными, воспринимает многообразие философских концепций как определенную проблему, требующую непредвзятого обдумывания. Если философия является для него одним из целого ряда учебных предметов, то у него, как правило, возникает мысль о том, нельзя ли как-нибудь “свернуть” это многообразие, найдя скрывающиеся за различиями существенные сходства. У человека, занимающегося самообразованием, нередко появляется также желание сузить перечень работ, подлежащих изучению, оставив в нем только самое главное. Здесь ему на помощь могут прийти суждения философов-профессионалов, которые, как правило, имеют собственное видение “табели о рангах” в сфере их деятельности. Если мы спросим таких специалистов о том, работы каких философов они считают необходимым знать для того, чтобы можно было составить общее представление о философии в целом, то получим набор перечней имен, в котором обязательно будет немало совпадений.

Индивидуальные предпочтения составителей таких списков скажутся преимущественно на тех их частях, которые не совпадают. Знать эти части тоже весьма поучительно, но, во всяком случае, человек, приступающий к изучению философии, получает в конечном счете требуемые ему ориентиры и указания. Для нас же здесь важно то, что как бы поверх специальных пристрастий и особых теоретико-мировоззренческих позиций отдельных лиц в профессиональном сообществе философов, несомненно, существует определенное единство мнений относительно состава наиболее значимых философских учений и идей. Профессионалы в основном хорошо осведомлены относительно различий между ними, но это не мешает им высоко оценивать данные результаты и реализованные в них принципиальные установки.

Это обстоятельство позволяет нам утверждать, что на самом деле философы, как правило, не абсолютизируют расхождения между явно выраженными, текстуально оформленными концептуальными теоретико-мировоззренческими позициями. Тем самым по существу признается, что в философии нет ни монополии на истину, ни совершенно неоспоримых решений, а расхождение во взглядах скорее рассматривается как стимул для дальнейшего поиска, который в принципе может привести к большему, нежели нынешнее, согласию в их среде. Отметим, что реально имеющее место сходство оценок профессионалов относительно ранжирования известных философских учений по их значимости как собственно для философии, так и для культуры в целом отнюдь не обязательно повторяется более широким общественным мнением, складывающимся в среде просто образованных или в какой-то степени начитанных людей. Здесь могут “греметь” совсем не те имена и труды, которые привлекают особое внимание и получают безоговорочно высокую оценку профессионалов.

Для того чтобы работы определенного философа оказали заметное влияние на развитие культуры, они должны, по крайней мере, быть опубликованы, прочитаны и восприняты некоторыми или даже большинством читателей как инте-

ресные и важные. Таковую оценку получают, конечно, далеко не все философские публикации. Поучительны в данном отношении рассуждения Станислава Лема о роли случая в судьбе литературных произведений. Случай он рассматривает как “фактор, изменяющий на раннем этапе направление любого эволюционного процесса, когда возникающая система приобретает собственные системные свойства” [6, с. 27]. Имеется в виду, что литературное произведение как феномен культуры не является чем-то изначально данным и неизменным наподобие вещи с устойчивой структурой. Наоборот, структура литературного произведения эволюционирует в процессе его восприятия и истолкования читателями, выступая в качестве сложной функции, зависящей от связей между текстом и воспринимающим субъектом.

Текст, выполненный традиционно, в основном воспринимается и оценивается читателями по аналогии с другими ранее опубликованными текстами такого же рода. Вместе с тем разные читатели неодинаково толкуют новаторский, необычный текст, по-своему расставляют в нем смысловые акценты, интерпретируют авторскую позицию. Свойства такого текста раскрываются по мере того, как они “стабилизируются через не необходимые решения читателей” [6, с. 28], касающиеся истолкования и оценки тех или иных сторон произведения. И хотя Лем рассуждает о литературных произведениях, сказанное во многом приложимо также и к произведениям философской литературы. И в том и в другом случае читатели текста приступают к ознакомлению с ним, имея некоторые ожидания, которые задают предварительную схему восприятия и оценки читаемого.

Если ожидания не подтверждаются опытом, то данная схема переосмысливается, причем это может происходить неоднократно. Весь этот процесс действительно подвержен сильнейшему влиянию случая. Например, может оказаться важным то обстоятельство, с какими собственными творческими задачами связывает читатель изучаемый им в данный момент текст. Восприятие читателем этого текста может весьма заметно измениться при повторном ознакомлении с ним в какой-то иной ситуации. Суммарное же впечатление, складывающееся от его прочтения у разных людей, а также влияние этого впечатления на их деятельность, на состояния их сознания обуславливает то место, которое занимает данный текст в культуре. Лем утверждает, что это место во многом зависит от совокупности случайностей. Однако случайность, как известно, есть форма, в которой пролагает себе дорогу необходимость. В конечном счете речь идет о судьбе не просто отдельных произведений, а целых философских направлений, представленных соответствующими творениями. Можно полагать, что выдвижение некоторых таких направлений на первый план в культуре, происходящее в определенный период ее развития, как и случающийся впоследствии уход их в “тень”, отнюдь не вытекают лишь из простого стечения обстоятельств.

Параллельно с освоением данного философского текста читатель может изучать и другие такие тексты, неоднократно соотнося их между собой и заново интерпретируя как их содержание, так и общую ситуацию в философии, насколько она становится понятной ему. Формирование массива философских знаний и оценок, составляющих его личное достояние и причастных к его мировоззрению, имеет характер “многоструйного потока”. Разные струи в нем взаимодействуют друг с другом, порой сливаясь воедино или вступая в полосу турбулентности. Соответствующие процессы духовного развития личности постоянно соотносятся с реальными жизненными обстоятельствами, с приобретаемым жизненным опытом, чем и обуславливается протекание далеко не во всем осознава-

емого *личностного мировоззренческого синтеза*. Такой синтез, происходящий одновременно в сознании многих людей, имеет неоспоримую общекультурную значимость. Культура общества – это не склад готовых “духовных предметов”, а скорее весьма разноплановый, диалектически противоречивый процесс становления и трансформации духовных содержаний, охватывающих знания, ценности, смыслы человеческого бытия.

В этом интегральном процессе, обеспечивающем определенное упорядочение содержания культуры, а также его перенос из прошлого через настоящее в будущее и, вместе с тем, его обновление, развитие, особую роль играет образование. Оно значимо в данном отношении тем, что в нем фиксируется в систематизированном виде содержание культуры, признаваемое соответствующими экспертами необходимым для усвоения прежде всего новыми поколениями людей, вступающими в самостоятельную жизнь. При этом происходит довольно жесткий отбор содержания культуры, включаемого в образовательные программы. Непосредственно речь здесь идет об общем образовании, получаемом в школе. Для ученого, изобретателя, конструктора, писателя, художника, композитора особая степень общественного признания состоит в упоминании его имени и изложении его достижений в школьном учебнике. Это и есть одна из форм ранжирования по значимости достижений культуры и, вместе с тем, самоструктурирование последней посредством образования.

Конечно, суть этих достижений излагается в школьном учебном курсе в доступном детям, элементарном виде. Общеобразовательный и общепрофессиональный блоки учебных планов высшей школы предусматривают определенное приближение к переднему фронту развития в соответствующих отраслях познания и практической либо творческой деятельности. Для обеспечения же подготовки к осуществлению профессиональной деятельности в каждой из таких отраслей уровень детализации и углубления в профильные достижения культуры устремляется к пределу возможного (в наличных условиях функционирования системы образования) и целесообразного с точки зрения интересов дела. Во всяком случае, именно потребности осуществления образовательной деятельности в устанавливаемых обществом формах служат одним из основных факторов, побуждающих к упорядочению и ранжированию материалов культуры, приведению их в систему, причем система эта выстраивается по отраслевому принципу, будь то отрасль науки либо хозяйственной деятельности.

Внутриотраслевой систематизации и интеграции материалов культуры сопутствует, таким образом, межотраслевая дифференциация. Это создает определенную опасность расшатывания целостности культуры, которая выражается в невятности многих ее сегментов для непрофессионалов и утрате эффективного взаимопонимания между профессионалами, занятыми в различных ее отраслях. В этих условиях особое значение приобретает выработка и совершенствование универсального языка культуры, обеспечивающего результативное осуществление процессов коммуникации. Естественный язык составляет необходимую для этого базу, однако его недостаточно для общения между специалистами. Связи между “точными” науками, различными отраслями инженерно-технической деятельности отчасти обеспечиваются математикой; есть и другие средства преодоления отраслевых барьеров, возникающих на пути установления взаимопонимания между современными образованными людьми. Наиболее широкие возможности в данном отношении открывает философия, что в определенной степени подтверждают и приведенные выше рассуждения Рорти и Хабермаса. Применительно к филосо-

фии это позволяет нам осветить новые грани культурно-образовательного синтеза, понимаемого как процесс в культуре, важное значение в осуществлении которого имеет деятельность философского образования.

Обращаясь к уже упомянутому ранее разграничению “систематической” и “наставительной” форм философии, произведенному Рорти, можно отметить, что в обсуждаемом здесь аспекте, связанном с осуществлением культурно-образовательного синтеза, различия между ними не следует преувеличивать. Систематическая форма философского учения обеспечивает его концептуальную упорядоченность, последовательность, а значит, и возможность получения относительно определенных выводов применительно к тем или иным отраслям науки и практики. Вместе с тем определенности исходных позиций сопутствует известная их ограниченность, ведущая к отрицанию или игнорированию всего, что не укладывается в данную категориальную мировоззренческую схему или сеть. Если “наставительность” философии понимать как полное отсутствие основополагающей определенности теоретико-мировоззренческих, в том числе и гносеологических посылок, то это, строго говоря, выводит соответствующие воззрения за грань, за которой мы имеем дело с чем-то иным, нежели философия. Конечно, граница эта не очень строгая, но все же нас не покидает убеждение в том, что она есть. Из текста работы Рорти явствует, что он относит к представителям “наставительной” философии Кьеркегора, Дьюи, позднего Витгенштейна, Хайдеггера. Всех названных здесь мыслителей никак нельзя упрекнуть в отсутствии ясной философской позиции, исходя из которой, они и побуждают других к мировоззренческому диалогу.

Сегодня “для вечности”, насколько мне известно, философы уже не строят, деятельность по созиданию претендующих на всеохватность систем осталась в прошлом. Но это не означает, что великие философские системы былых времен в наши дни уже не представляют интереса. Наоборот, их с полным на то основанием называют классическими, то есть образцовыми, нередко отмечая, что при демонстративном отказе от философской классики современные западные философы сохраняют внутреннюю зависимость от нее [7, с. 29]. Поучительность этих классических философских систем многогранна. В частности, она состоит в наглядной демонстрации того, к чему ведет мировоззренческая абсолютизация достижений науки своего времени и стремление достичь последовательного категориального выражения “абсолюта”. Благодаря обширности классического философского наследия мы располагаем достаточным набором образцов такой возвышенной односторонности. Философская образованность немыслима без основательного знакомства с ними, хотя не исчерпывается этим, как, впрочем, не сводится она и к освоению работ, которые характеризуется такой степенью специализации, при которой мировоззренческим обобщениям уже не оказывается места.

Важным условием успешного выполнения философией ее миссии интегратора культуры, как уже отмечалось здесь, является знакомство образованных людей с разными и взаимодополняющими вариантами философских мировоззренческих обобщений, как “систематических”, так и “наставительных”. Поэтому философия как учебный предмет в наши дни не может ограничиваться изложением лишь какой-то одной концепции или направления в развитии теоретического мировоззрения. Учебный курс философии должен быть *репрезентативным*, то есть давать адекватное представление о современном состоянии философских знаний. Полный охват всех наиболее авторитетных философских учений в рамках отводимого учебными планами количества часов обеспечить невозможно.

Поэтому неизбежны дискуссии относительно оптимального отбора обязательного содержания данного курса. Безупречное со всех сторон решение данной проблемы пока не просматривается и вообще едва ли возможно.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на внешне непритязательную книгу Р.П. Вольфа “О философии”, переведенную в свое время с английского языка. Она невелика по объему и не устрашает читателей обширными списками имен философских знаменитостей, энциклопедической широтой обсуждаемых вопросов, другими атрибутами учености. Это вводный курс, знакомящий студентов с основными проблемами философии, и его автор озабочен тем, чтобы не оттолкнуть новичков от предлагаемых для рассмотрения материалов, заимствованных из классического фонда философии. “Наши студенты, – отмечает Вольф, – изучая философскую классику, испытывают большие трудности в понимании того, что такое философия в целом. Язык зачастую слишком сложен, шаги аргументации чересчур стремительны” [8, с. 7]. Поэтому каждую главу своего учебника он посвящает одной крупной философской проблеме, располагая эти проблемы в порядке перехода от самого понятного и близкого кругу интересов студенчества к более трудному для понимания. Каждая глава строится вокруг изложения идей какого-то одного великого философа с приведением биографических данных, проясняющих выбор философом его позиции. Вокруг центральной фигуры располагаются некоторые другие крупные философы, по-иному решающие рассматриваемую проблему, и на страницах учебника студенты находят изложение своеобразной дискуссии, продолжающейся порой в течение многих столетий. Данный пример показателен в отношении реализации еще одного требования, предъявляемого к учебному изложению философии, – требования *педагогичности*. Она понимается здесь как адаптированность материалов, предназначенных для изучения, к возрастным и иным особенностям учащихся, а также к той общей социально-культурной ситуации, в которой протекает становление и развитие их личности.

Заключение

Осуществление культурно-образовательного философского синтеза представляет собой творческую задачу, в ходе решения которой происходит переосмысление классического философского наследия и его соотнесение с современными формами теоретико-мировоззренческого поиска. От того, насколько успешно эта задача будет решаться, во многом зависит нахождение эффективных ответов на вызовы человеческому разуму, заключенные в современных условиях бытия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Рассел, Б.** История западной философии и ее связь с политическими и социальными условиями от античности до наших дней / Б. Рассел. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во ; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.
2. **Рорти, Р.** Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 320 с.
3. **Хабермас, Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.
4. **Вишневский, М.И.** Философский синтез как мировоззренческая основа образования / М.И. Вишневский. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 1999 – 252 с.
5. **Вишневский, М.И.** Культурно-образовательный философский синтез и “общая философия” / М.И. Вишневский // Вышэйшая школа. – 2012. – № 6. – С. 25–29.
6. **Лем, С.** Философия случая / С. Лем. – М. : АСТ, 2007. – 767 с.

7. **Мамардашвили, М.К.** Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии / М.К. Мамардашвили, Э.В. Соловьев, В.С. Швырев // Философия в современном мире. Критические очерки буржуазной философии. – М. : Наука, 1972. – С. 28–94.
8. **Вольф, Р.П.** О философии : учебник / Р.П. Вольф. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 415 с.

Поступила в редакцию 25.02.2013 г.

УДК 94/99

Я.Г. РИЕР*

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА, СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Государство, возникшее в глубокой древности и ставшее в процессе развития человечества основной, универсальной социально-политической организацией, является сложным регулирующим механизмом, функции которого переплетаются с многочисленными общественными структурами. Нередко оно вступает в противоречия с этими структурами. Определение рамок государственных компетенций можно вывести из истории государствообразования, в процессе которого изначальные социальные образования первобытных сообществ постепенно вытеснялись новыми, возвышавшимися над ними формами. В статье рассматриваются общие истоки этих новых для родового строя структур, основные причины их появления, этапы консолидации и превращения в императивные, обладающие средствами принуждения учреждения. Также подчеркивается, что социальное неравенство существовало в обществе извечно.

Государство – системообразующая структура, имеющая особые полномочия, или: “набор учреждений, созданный для того, чтобы обеспечивать функционирование общества...” [1, с. 57]. Существует множество определений государства, что, как справедливо заметил голландский исследователь Х.Дж.М. Классен, связано с идеологическими воззрениями¹. Сам он, стараясь быть нейтральным, назвал государство особым видом социальной организации, выражающим специфический тип общественного строя. Оно является отражением социальных, экономических и политических отношений, существующих в данном обществе, и идей, касающихся силы, власти, принуждения, правосудия и собственности [2, с. 72]. Но в стремлении максимального обобщения автор создал, по сути, оболочку, которую можно наполнять содержанием, исходя как из конкретного материала, так и из субъективных представлений. Вспоминается восходящая к Ф. Энгельсу формула государства (в современном изложении): “наличие регулярного, формального административного аппарата, искусственного территориального деления или регулярной системы налогообложения” [3, с. 255-266]. Но, как будет показано далее, это более конкретное определение тоже неточно, или, мягче говоря, неполно. То же относится к близкому определению современного американского социального антрополога Л. Карнейро, подразумевающего под государством “автономную политическую единицу, включающую многие общины в рамках своей территории и имеющую централизованное правительство с

* Выпускник исторического факультета 1969 г.

¹ Уже в 1931 г. их насчитывалось более 145 [5, с. 388].

полномочиями сбора налогов, призыва людей на работу или войну, а также издания и исполнения законов” [4, с. 55]. Показательно, что во вводной статье к сборнику, посвященному путям перехода к цивилизации, строгое определение государства отсутствует [6]. Немецкий историк Р. Гюнтер полагал, что государство есть исторически меняющаяся форма организации власти. Арабист А.О. Большаков заметил, в противоположность Энгельсу, что под государственным образованием не обязательно понимать такое, в котором сформировались аппарат подавления и система налогообложения [7, с. 18]. Рассматривая понятие государства, А.Д. Захаров обратил внимание на то, что при всех его формах и вариантах должны существовать неизменные основы, иначе нельзя вести речь об одном, хотя и меняющемся явлении [7, с. 7]. И далее он отталкивает данный вывод разбором концепции В.А. Якобсона, распространенной среди российских востоковедов в 90-е гг. прошлого века. Якобсон определяет государство как институт, возникший на определенной ступени усложнения общества, когда становится необходимым появление особых специалистов и начинается переход от обычая к закону [8, с. 6-7]. В принципе это логично. Но, поскольку исследователь имеет в виду самые ранние государства Месопотамии, Захаров отмечает известную недостаточность исходных данных о той эпохе [7, с. 9]. В целом концепция Якобсона признается внутренне несогласованной [7, с. 12]. Разбирая далее подходы некоторых других российских востоковедов, Захаров приходит к выводу об их нечеткости, прежде всего терминологической, и, отсюда, неполном соответствии рассматриваемым реалиям [7, с. 19]. Своего же представления о государстве Захаров при этом не формулирует.

Приведенная полемика – лишь малая часть современных дискуссий о государственнообразовании. Следовательно, необходимо внимательнее отнестись к самой категории *государство*, учитывая присущие гуманитариям вольности в понятийном аппарате. Впрочем, отмеченная нечеткость понятия *государства* отражает сложность самого явления, размытость его границ в соотношении с другими близкими формами общественной организации. На это обратил внимание социолог Л.Е. Гринин, подчеркнув необходимость учитывать динамику становления государственности [9, с. 127]. Для раннего государства, по мнению исследователя, наличие достаточно оформленного и специализированного аппарата управления вообще не является обязательным. При этом отличие раннего государства от негосударственных форм политической организации состоит “в росте значения верховной власти и в большей ее способности перестраивать традиционную структуру общества; в появлении или закреплении новых способов формирования управленческих кадров и новых способов управления обществом и контроле за ним; а также в большей формализации политических и управленческих решений...” [9, с. 126; 10]. Отсюда и более общее определение Гринина: государство обычно понимается как “...достаточно устойчивая политическая единица, представляющая отделенную от населения организацию власти и администрирования и претендующая на верховное право управлять (требовать выполнения действий) определенными территориями и населением вне зависимости от согласия последнего; и имеющая силы и средства для осуществления своих претензий” [10, с. 29]. Выделенное в цитате слово *претендующая* как бы подчеркивает динамику процесса возникновения государства и, в конце концов, сложность определения времени его появления. Очевидно, в разных конкретных условиях эти начальные признаки не будут одинаковыми.

Более того, уже цитированные авторы обращают внимание на то, что современные знания об архаических обществах свидетельствуют о необязательности сведения их *политоге́неза* исключительно к возникновению государственности. Политическая эволюция приводила и к другим формам (моделям) общественной организации. В современной политической антропологии появились представления о нелинейности человеческой истории в ее движении от плохого к хорошему, то есть о необязательности прогресса, ибо в разных культурах добро и зло понимается по-разному. Отсюда – критериев социального прогресса не существует, вернее, они субъективны² [6, с. 25-29, 75; 11, с. 5-10; 12, с. 27]. Иными словами, исторический *процесс* не обязательно является синонимом развития общечеловеческого *прогресса*, что подтверждается многими историческими примерами, в том числе упадком и исчезновением государств, народов и даже цивилизаций. Отсюда – признание неоднозначности социальной эволюции. Другое дело, что иные (негосударственные, альтернативные) модели в большинстве своем или уничтожались, или поглощались государствами, или сами трансформировались в таковые, отчего создание государственности следует признать основным направлением политогенеза, а альтернативные пути – *боковыми*.

Тем не менее, сосуществование таких моделей параллельно с государствами и сопоставимыми им по функциям и структурам формами позволяет исследователям выделять их как *аналогов раннего государства*. Имеются в виду общества с развитой торговлей, наличием частной собственности и имущественного неравенства, сложными религиозными культурами и т.д., но без административно-политических структур [10, с. 28-29; 13]. Отсутствие последних заменялось, очевидно, нормами коллективной ментальности, скреплявшими и дисциплинировавшими своим авторитетом соответствующие сообщества. Но, очевидно, такая организация могла существовать лишь в определенном вакууме, изоляции от других сообществ. Ибо соприкосновение с последними требовало уже более четкой, обычно военной, организации, что нарушало шаткое равновесие традиционного поведения. Потому такие общества оказались в историческом процессе неустойчивыми и даже тупиковыми ответвлениями в политической эволюции. В современной русскоязычной литературе их называют *вождествами*³.

Подводя итог анализу форм и путей политогенеза, Гринин сформулировал общее представление о государстве как категории, “с помощью которой описывается система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; <...> отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка” со “следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы” [14, с. 523].

Здесь хотелось бы особо обратить внимание на последнюю мысль пункта “в” – возможность *изменять* нормы данного общества. Представляется, именно эта возможность окончательно отрывает описываемую организацию от негосудар-

² Неизбежно субъективны [15, р. 420].

³ “Неуклюжая калька с англ. chifdom, но другого в русском языке нет, и некоторые просто пишут *чифдом*” [8, с. 82]. Предложил это название в 1955 г. американский этнолог К. Оберг, отнес его к форме политической организации, предшествовавшей образованию государств. Употребил его без перевода, как кальку с английского Л.С. Васильев [16, с. 88; 17, с. 153].

ственных, спаянных, как отмечалось выше, добровольно исполняемых традиционных, ментальных норм, обязательных, в силу их укорененности, и для рядового населения, и для верхов. Иными словами, “скрепой” негосударственной формы, как и в первобытности, должен быть общественный консенсус⁴. Возможность его нарушения и есть переход к той форме, которую и называют государственной. Отсюда – прав Якобсон – “наличие государства констатируется наличием законов” [8, с. 91].

Учитывая, что в исторических реалиях переходные формы формируются не только медленно, но и неотчетливо, Гринин, вслед за Классеном и П. Скальником, применяет категорию *раннего государства*, в котором рассмотренные признаки обнаруживаются не в полной мере, и относит к ним, в том числе, даже Европу XI – XIII вв., как Западную, так и Древнюю Русь, где огромные области с легкостью меняли владельцев “при браках и разводах правителей, по смерти короля и обретении наследника” [14, с. 527-531; 17].

Сложившееся (развитое, зрелое) государство может стоять над обществом, управляя им (авторитарные государства), или быть встроенным в общество в качестве организующего учреждения (демократические государства). В первом случае государство воспринимается его населением как явление высшего, сакрального порядка (в духе древнекитайских *легистов*⁵). Во втором – как рабочий орган гражданского общества⁶. Разнообразие форм и типов государственной организации складывалось исторически. В целом, появлением тех форм социальной организации, которые затем были названы государственными, заканчивается первобытность и начинается эпоха цивилизаций⁷.

В рамках рассматриваемой темы обратимся к сложившимся ныне общим представлениям о политической эволюции позднепервобытных обществ в потестарные и раннегосударственные. Прежде всего – о власти как основе любой организации. Как справедливо заметили Х.М. Думанов и Я.С. Смирнова, новейшие данные этнологии “показали существование власти и, шире, системы доминирования не только в человеческих обществах, но и в зоологических сообществах” [18, с. 33-34]. Но, вслед за указанными авторами, “не будем рассматривать здесь эту философскую проблему”. Заметим только, что она прямо связана и с более общей – наличием *неравенства*, которое в человеческом обществе также было всегда, ибо заложено в биологических законах существования животного мира. Соответственно, раз оно есть, то для упорядоченного существования в самых примитивных сообществах возникает иерархия, то есть *власть*⁸. Термин *потестарное общество* в 70-е гг. прошлого века использовали Ю.В. Бромлей, а вслед за ним Л.Е. Куббель для обозначения наличия власти в

⁴ Эта функция власти, организующая и консолидирующая, была основана еще на первобытных традициях, ранее выполнявшаяся потестарной организацией [17, с. 157].

⁵ Легизм – возникшее в III в. до н.э. учение о примате государственной силы, закона и наказания. Легисты утверждали, что государство – это хозяин, деспот. Ему, во имя обеспечения порядка все подчинены. В образцовом государстве власть правителя опирается на силу и никаким законом не связана [19, с. 291-294; 20, с. 86, 110-120]. Здесь прослеживается явное сходство с позднепервобытными, потестарными обществами.

⁶ В соответствии с разработанной в XVII – XVIII вв. теорией общественного договора Г. Гроция, Т. Гобса, французских просветителей.

⁷ Подробно о теоретических проблемах становления государственности и их изучении в современной политической антропологии см.: [14; 21; 22].

⁸ Даже в стаде (стае) есть вожак. Представление о первобытном равенстве – “очень серьезное заблуждение, от которого давно пришло время отказаться. Неравенство всегда существовало в истории человеческого общества” [22, с. 25-26].

первобытности⁹. Однако социальная иерархия и основанная на ней власть, по сути, и создавала человеческие сообщества. И эта власть формировалась обычаями, основывалась на них.

Обратимся к общему развитию процесса. Формирование вождеств началось около 7 тыс. лет назад. Примерно 5 тыс. лет назад вследствие внутреннего развития и конфликтов между ними возникают первые государства [23, с. 446]. При этом вождество, по мнению сформулировавшего это понятие К. Оберга, являлось формой политики¹⁰, промежуточной между автономными поселениями и государствами, и было выделено на материалах Центральной и Южной Америки, хотя вполне подходило, по мнению Карнейро, к другим народам и территориям. Затем другой американский исследователь, Э.Р. Сервис, рассмотрел вождество в предложенной эволюционной схеме между племенем и государством [16, с. 87-89]. По сути, то, что назвал Оберг вождествами – племенные единицы с местными вождями, имеющими судебную и военную власть, подчиненными верховному вождю, в отечественной литературе называется *племенными союзами*. Обычно различают *простые* и *сложные (высшие) вождества*. На первом этапе малые племена¹¹, состоящие обычно из объединений нескольких соседних, родственных по происхождению, а следовательно, по быту и языку, родов, объединяются в некую более крупную общность с признанием над собой власти вышестоящего в иерархии верховного вождя. Высшее вождество – уже более целостное образование с формирующимися дополнительными структурами управления.

Создание высших вождеств не обязательно завершается инкорпорированием простых вождеств (малых племен) в новую общность. Высшие вождества могут и разрушаться. Карнейро иллюстрирует это американским материалом [16, с. 92-93]. Можно указать и на судьбу “державы Само”, существовавшей в первой половине VII в. в Среднем Подунавье, распавшейся после смерти ее предводителя.

Соотнося традиционные представления о племенных союзах с вышерассмотренными теориями политогенеза, изучавший становление древнерусской государственности В.Р. Пузанов выделил “3 уровня (стадии) интеграции: 1) военный союз “племенных союзов” с целью противодействия общей внешней опасности; 2) объединение двух и более “племенных союзов” под эгидой сильнейшего, который представлял по отношению к ним зародыш публичной власти (зависимость устанавливалась, в основном, силовым путем, выражалась в уплате дани, порядок управления в подчиненных объединениях оставался прежним); 3) ликвидация местных институтов власти и замена их наместниками, посылаемыми из господствующего “племенного союза”. Достижение 3-го уровня интеграции предполагает далеко зашедший процесс распада родоплеменных отношений, известную степень деструкции родоплеменной обособленности и начальную стадию формирования системы территориальной организации общества, извест-

⁹ **Потестарное** – от лат. potestas – власть. Термин не совсем точный. Ведь отношения власти существуют не только в первобытности, а во всех стадийных типах общества. В 1979 г. Л.Е. Куббель предложил называть политическую антропологию термином “потестарно-политическая этнография”, а спустя десять лет им была написана первая (и пока, в сущности, единственная обобщающая) книга на русском языке на данную тему [17; 22, с. 5].

¹⁰ В настоящее время это понятие, введенное Аристотелем как название формы власти в Афинах, чаще используется для обозначения любой политической единицы.

¹¹ О малых племенах по археологическим материалам Восточной и Центральной Европы [24, с. 33-35].

ный отрыв публичной власти от основной массы населения и наличие аппарата принуждения (прежде всего, по отношению к подчиненным “племенным союзам”). Поэтому в образованиях данного типа уже просматриваются основные контуры ранней государственности” [25]. Отсутствие резкой грани между догосударственными формами и государством в политической антропологии констатировал и другой исследователь древнерусской истории – Е.А. Шинаков [26, с. 20].

Итак, следующий этап – государственная организация. Каковы внутренние движущие силы ее возникновения? Именно они делали устойчивыми происходившие в вождествах процессы общественной консолидации и постепенное создание стабильных иерархических структур. Внешние силы, прежде всего войны, способствовали этой консолидации. Но если не было внутренних “скрепов”, с исчезновением внешней опасности, то смерть лидера, что произошло с упомянутым выше объединением Само в 658 г., привела к ликвидации этого надплеменного сообщества.

Если же исходить из того, что “самые ранние государства возникли по внутренним причинам, то встает вопрос: почему люди, живущие сравнительно независимой жизнью, без институтов принуждения и эксплуатации, приняли навязанную им эксплуатацию и принуждение?” [27, с. 130]. Здесь, думается, Э. Саутхолл упростил ситуацию¹². Независимости в первобытной жизни не было – выживание требовало коллективных усилий, что создавало и сохраняло как родовые коллективы, так и их ассоциации – малые племена. В этих же коллективах изначально существовала определенная субординация, а значит, система подчинения.

Впрочем, как уже отмечалось, определенная *иерархия*, основанная на разделении функций и *субординации*, существует уже в животном мире, причем даже у насекомых (вспомним муравьев). Известна она у обезьян, в том числе, очевидно, была и в самих ранних человеческих коллективах. Есть *вожаки*, есть их приближенные, так сказать *ближний круг*, есть остальные – массы, *народ*. Вождь определяется по природным данным: сила и порождаемая ею наглость, а также, естественно, природная сообразительность, которая, как известно, встречается и у высокоорганизованных млекопитающих. Таким образом, иерархичность в самых примитивных коллективах – стадах – имеет природное, естественное происхождение и, очевидно, закреплялась в ходе эволюции лучшей выживаемостью и распространением тех сообществ, в которых вырастали наиболее успешные лидеры. Естественно, таковых в каждом коллективе не должно было быть много. Иначе – раздрай...

Люди естественным путем унаследовали соответствующую организацию из живой природы. Но для человеческих коллективов, где действовали не только инстинкты и рефлексы, наследованные и приобретенные, существует и интеллектуальное, мыслительное начало. То есть в человеческих сообществах формировался социум, который наследовал от тех же стад приматов природное, биологическое неравенство, принимавшееся как данность. И, соответственно, такое социальное неравенство можно считать естественным¹³, основанным не на осмысленном выборе, а на все том же рефлекторном и эволюционно обусловленном поведении.

¹² Классен заметил, что вопрос Саутхолла сформулирован не очень удачно. У первобытных людей не было выбора: “социально-политические феномены возникали как непредвиденные следствия предшествующего выбора и ранее принятых решений, большинство из которых были неизбежными ответами на большие или меньшие изменения в образе жизни людей” [28, с. 10]. Кратко это укладывается в известную формулировку А. Тойнби – *ответ на вызовы*.

¹³ Ср.: естественное право.

Среди современных антропологов бытует мнение, что социальные связи устанавливались с возникновением регулярного обмена, первым объектом которого стали женщины [29, с. 96]. Исходя же из вышеизложенных соображений, можно полагать, что социальные связи накладывались на уже имевшиеся стереотипы поведения, среди которых и были патриархальные инстинкты, основанные на роли самцов у высокоорганизованных млекопитающих¹⁴.

Представляется, однако, что обмен начинался не с этого и имел, надо думать, биологическую, физиологическую причину. Прямохождение, выделившее Homo erectus из других приматов усложнило процесс производства потомства: через сужившиеся тазовые кости мог пройти лишь неполностью сформировавшийся младенец, что породило необходимость его длительного выхаживания и зависимость самки от партнера. Так начали устанавливаться более прочные, чем у животных, семейные связи. Они и потребовали социализации, т.е. формирования отношений, основанных не на инстинктах, а на необходимости взаимопомощи, поддержки и *того самого обмена продуктами*. Таким образом, “очеловечивание” началось с создания относительно прочных брачных пар – прообраза семей. В них и стали накапливаться необходимые им продукты, что положило начало формированию представлений о собственности внутри рода. Обмен же женщинами – следующий этап социальных процессов, возникший уже после формирования брачных пар, очевидно, по причине необходимости продолжения рода при возникновении половозрастного деления и межродовых контактов. Впрочем, это особая тема. В нашем же случае важно констатировать этап возникновения обмена, сопровождавший и формирование представлений об индивидуальной собственности, которая в итоге стала накапливаться выделявшимися лидерами не только для престижного обмена, но и для закрепления достигнутого статуса за своими наследниками – детьми и их матерями, что и породило зарождение института частной собственности¹⁵.

Саутхолл, вслед за М. Годелье, считает, что в первобытных обществах господство и эксплуатация возникали постепенно и воспринимались как обмен за услуги лидеров, в том числе и за гарантию безопасности, и за защиту от сил высшего порядка. Последнее вело к сакрализации роли старейшин, в подчинении которым люди не видели угнетения [27, с. 130-131]. Здесь можно добавить, что такое изначальное подчинение воспринималось как естественное, ибо иных форм существования тогда не было, поэтому и не могло рассматриваться как неравенство в нашем понимании. Следовательно к данному явлению лучше применить термин *субординация*.

Таким образом, социальное неравенство не являлось продуктом человеческого развития, и уж тем более не было следствием возникновения неравенства

¹⁴ В литературе встречается мнение о *придуманности* распространенных представлений о существовании особого исторического периода – *матриархата* – времени господства женщин. Вероятно, материнский род был таковым лишь по отсчету родства и по статусу прародительницы. Во главе же коллективов все равно были мужчины...

¹⁵ Иными словами, не собственность породила семью (как утверждали Л. Морган и Ф. Энгельс), а семья привела к собственности [30]. Это доказывает и появление полигамии среди наиболее знатных и, следовательно, обеспеченных мужчин, что произошло при переходе к оседлости. Но многоженство не распространилось, так как при создании ранних государств кланы, основанные на полигамии, препятствовали самой идее государственности, то есть объединению вокруг одного правящего рода не на родственных, а на служебных обязанностях.

имущественного, а предшествовало ему, причем изначально в человеческой истории¹⁶. Поскольку *такое* социальное неравенство осознавалось как естественное и поначалу, очевидно, не сопровождалось имущественным расслоением, последнее, когда оно появилось, стало восприниматься как нарушение привычных, традиционных норм и обычаев. Судя по многочисленным историческим и этнографическим сведениям, первоначально вожди если и концентрировали какое-то богатство, то должны были определенным способом его раздавать остальным членам возглавляемого ими коллектива в виде религиозного ритуала, пира, взносов, раздач¹⁷ и т.п. Как заметил А.И. Першиц, “внутриобщинной эксплуатации непосредственно предшествовал порядок, названный К. Полаanyi редистрибуцией и состоявший в передаче части произведенного общинниками избыточного продукта в распоряжение вождей на различные общественные нужды, в том числе на содержание самих этих вождей. С усилением роли последних расширялись возможности как для злоупотребления общинными фондами, так и для постепенного увеличения доли вождей, все более превышавшей их непосредственные потребности. Одновременно зарождались и развивались права вождей на общинные земли и их власть над общинниками” [31, с. 26; 32, р. 9, 13, 153; 33, с. 15]. Соглашаясь с таким порядком, “простые люди” постепенно и сами привыкали к подчинению, т.е. создавали соответствующую традицию, и формировали у своих лидеров представление об их избранности, о праве на особые функции и место в обществе.

В итоге *естественное* социальное неравенство постепенно, с ростом опыта и организованности лидеров и их окружения, особенно в условиях столкновений с соседями, перерастало в имущественное. Причем именно те общества, в которых это происходило раньше, стали развиваться в ранние государства и даже империи. Иные, с патриархальным имущественным равенством, при котором накопленное через действовавших по обычаям вождей распределялось на всех, отеснялись на обочину истории. Происходил, так сказать, естественный эволюционный отбор, не прекратившийся и теперь¹⁸.

Собственность, переходя по наследству, стала концентрироваться в семьях лидеров. Так социальное неравенство стало дополняться имущественным. Формируется потомственная знать, отделявшаяся от рядового населения по мере усложнения условий жизни, что стало характерно при переходе к оседлости, особенно с началом освоения премудростей металлургии. Именно тогда, в наиболее благоприятных географических условиях, при концентрации соответствующих ресурсов в долинах Нила и в Месопотамии начинается переход к более сложной организации, не кланово-семейной, а к вождеству, затем и к государству. Владение и властью, и собственностью формирует сакральный образ вождя, что еще в большей степени возвышает и его самого, и его клан. Сакральность, в свою очередь, закрепляет и права на собственность, освящая ее. Имея в

¹⁶ Следовательно, левые идеи о первобытном равенстве, которое надо вернуть и восстановить изначально справедливость, основаны на ложной посылке и потому утопичны.

¹⁷ Как в Древней Греции (литургии) и Риме (муниципальные обязанности), что, кстати, позволяет некоторым исследователям не считать их на ранних стадиях подлинными государствами.

¹⁸ Если провалы попыток разных *коммунаров* в истории (те же табориты, анабаптисты, исмаилиты и др.) еще можно объяснить объединением против них богатых и власть имущих, то каковы “достижения” современных распределительных экономик типа Северной Кореи, Кубы, да и СССР? Вспомним, как богатели выросшие в средневековой Европе на идеях равенства францисканцы и тамплиеры и, в конце концов, все христианские церкви, а в странах советской системы – *номенклатура* [34].

виду восточные традиции, Л.С. Васильев подчеркивает подчиненность собственности правам власти [29, с. 98-101]. То есть на Востоке сакральной становится не собственность вообще, а только принадлежавшая правителям, которые, тем самым, становятся собственниками всего, чем управляют, в том числе и возникшими государствами.

Итак, изначальное, естественное социальное неравенство на определенном этапе перерастало в имущественное, что непосредственно было связано с генезисом государственности. Развитие института редирибуции, закрепление за выделенными “лучшими людьми” (знатью) и власти, и права распоряжаться общей собственностью постепенно привели к накоплению у знати ресурсов для принуждения. Его можно было осуществлять как косвенно – через возможность оказания дополнительной помощи нуждающимся общинникам, так и напрямую – с помощью формировавшегося вокруг правителей окружения – дружинников¹⁹. Последние, кстати, возникали не только из-за военных столкновений и грабежей чужаков, но и благодаря все тому же перераспределению части общего продукта. Так появился один из существенных элементов государственности – управление населением за его счет, но в интересах правящей верхушки, т.е. угнетения. Ведь слаб человек. Знатный, имея власть, даже при личной порядочности и нестяжательстве (таким людям порой достаточно самой возможности управлять) окружен и родственниками, и помощниками (теми же дружинниками), интересы которых тоже надо учитывать. Аппетит же приходит, как известно, во время еды. К тому же, и это принципиально важно, за счет накопления собственности властные кланы становятся наследственными. Сначала, как отмечалось, это происходило естественным путем: рядовое население добровольно отдавалось под начало лучших и даже соглашалось на то, чтобы звания вождей передавались их детям, как лучше подготовленным²⁰. Но ведь дети вождей не обязательно наследовали их положительные качества, а значит, могли и не иметь соответствующего авторитета. А привычки распоряжаться общим продуктом уже стали традицией, т.е. нормой. И незаметно добровольное подчинение превратилось в угнетение. Так “простые люди непреднамеренно способствовали медленному росту государства вокруг них и над ними до тех пор, пока уже не осталось ни возможности, ни выбора, ни сил, чтобы его отвергнуть” [27, с. 231]. Власть сублимировалась в собственность.

Вообще, “власть существует как отношение между людьми: теми, кто доминирует, и теми, кто позволяет над собой доминировать” [35, с. 317]. Отсюда вполне логична и такая точка зрения, навеянная современной постсоветской действительностью: “Власть родилась от вымогателя, ныне называемого красивым словом рекетир... Со временем власть стала самостоятельной и необходимой общественной функцией, а с появлением государств обрела сакральность. Народ уже не тяготился властью, то есть рекетиром, а уповал на нее. Власть стала необходимостью” [36]²¹.

При формировании собственности происходило и обособление, и укрепление власти как основы будущего государственного устройства. Процесс этот начался с возникновением оседлого земледельческого населения в неолите, но растянулся вследствие крайне медленного хозяйственного прогресса на несколько тысячелетий – до развитого бронзового века на Ближнем и Среднем Востоке

¹⁹ Вспомним Тацита: “никому не зазорно состоять их [вождей] дружинниками” [33].

²⁰ “Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя” [33].

²¹ Турецкая пословица: “Власть – это кормушка, и тот, кто от нее не кормится, – свинья”.

(конец III – II тыс. до н.э.), до начала и даже середины железного века в Средиземноморье, на Дальнем Востоке и в варварской Европе (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пиотровский, М.** Интервью / М. Пиотровский // Новое время. – 2005. – № 1–2.
2. **Классен, Х.Дж.М.** Было ли неизбежным появление государства? / Х.Дж.М. Классен // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 71–84.
3. **Коротаев, А.В.** Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена) / А.В. Коротаев // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 265–291.
4. **Карнейро, Л.** Теория происхождения государства / Л. Карнейро // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 55–70.
5. **Влит, ван дер Э.Ч.Л.** Полис: проблема государственности / Э.Ч.Л. ван дер Влит // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 387–412.
6. **Коротаев, А.В.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) / А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин, В.А. Лынша // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 24–83.
7. **Захаров, А.О.** Проблема понятия государства на традиционном Востоке в отечественной историографии (теоретические размышления) / А.О. Захаров // Восток. – 2005. – № 6. – С. 5–21.
8. **Якобсон, В.А.** Государство как социальная организация (теоретические проблемы) / В.А. Якобсон // Восток (Oriens). – 1997. – № 1.
9. **Гринин, Л.Е.** Государство и исторический процесс / Л.Е. Гринин. – М., 2007. – Т. 1.
10. **Бондаренко, Д.М.** Альтернативы социальной эволюции / Д.М. Бондаренко, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 15–36.
11. **Коротаев, А.В.** Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции / А.В. Коротаев. – М., 2003. – С. 5–10.
12. **Миницкий, Н.И.** Методы построения научного и образовательного исторического знания : автореф. дисс. ... доктора исторических наук. – М., 2007.
13. **Гринин, Л.Е.** Раннее государство и его аналогии / Л.Е. Гринин // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006а. – С. 85–163.
14. **Гринин, Л.Е.** От раннего к развитому государству / Л.Е. Гринин // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 523–556.
15. **Wittfogel, K.A.** Oriental Despotism / K.A. Wittfogel. Yale university Press. – Massachusetts, 1957.
16. **Карнейро, Л.** Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства / Л. Карнейро // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 84–95.
17. **Куббель, Л.Е.** Очерки потестарно-политической этнографии / Л.Е. Крадин. – М., 1988.
18. **Думанов, Х.М.** Правовое сознание. К уточнению понятия “обычное право” / Х.М. Думанов, Я.С. Смирнова // Восток. – 2000. – № 1. – С. 32–39.
19. Духовная культура Китая: энциклопедия. – М., 2006. – Т. 1 : Философия.
20. **Кульпин, Э.С.** Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке / Э.С. Кульпин // Серия “Социальноестественная история”. – Вып. XII. – М., 1999.
21. **Гринин, Л.Е.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации / Л.Е. Гринин // Философия и общество. – 2005. – № 4. – С. 5–29.
22. **Крадин, Н.Н.** Политическая антропология [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/187525/read>. – Дата доступа : 9.01.2012.
23. **Холл, Т.Д.** Монголы в мир-системной истории / Т.Д. Холл // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 442–467.
24. **Риер, Я.Г.** Сельское общество Могилевского Поднепровья X – XIII вв. по археологическим данным / Я.Г. Риер. – Могилев, 2010.
25. **Пузанов, В.В.** Становление древнерусской государственности: социально-политические и этнокультурные трансформации общества в контексте восприятия современников (VIII – начало XII в.) : дисс. ... доктора ист. наук. – Ижевск, 2009. – <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-drevnerusskoi-gosudarstvennosti-sotsialno-politicheskie-i-etnokulturnye-transfor>

26. **Шинаков, Е.А.** Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект / Е.А. Шинаков. – М., 2009.
27. **Саутхолл, Э.** О возникновении государств / Э. Саутхолл // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 130–136.
28. **Классен, Х.Дж.М.** Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х.Дж.М. Классен // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 6–23.
29. **Васильев, Л.С.** Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) / Л.С. Васильев // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 96–114.
30. **Херлихи, Д.** Биология и история: к постановке проблемы / Д. Херлихи // Цивилизация. – М., 1993. – Вып. 2.
31. **Першиц, А.И.** У истоков эксплуатации / А.И. Першиц // Восток. – 2005. – № 1. – С. 25–29.
32. Primitive, Archaic, and Modern Economics // Essays of K. Polanyi. – New York. 1968.
33. **Тацит, Корнелий.** Сочинения в двух томах / Корнелий Тацит. – Т. 1 : Анналы. Малые произведения. – Л., 1969.
34. **Восленский, М.** Номенклатура / М. Восленский. – М., 2005.
35. **Бойцов, М.А.** Архиепископ Трирский объезжает свои владения / М.А. Бойцов // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. – М., 2004. – С. 317–359.
36. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.echo.msk.ru/blog/spb_msk/885409-echo/. – Дата доступа : 5.05.2012.
37. **Дэвис, Н.** История Европы / Н. Дэвис. – М., 2006.

Поступила в редакцию 12.02.2013 г.

УДК 94 (476)

В.Н. БУРАКОВ

КВАРТИРНАЯ ПЛАТА В БССР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье проведен анализ жилищной политики в БССР 1920 – 1930-х гг. в сфере платы за пользование жильем. Представлена динамика формирования принципов и механизмов вземздного предоставления квартир, которые основывались на государственном регулировании жилищных отношений. Обоснован тезис о влиянии на размер квартиплаты целого ряда факторов: расходов по содержанию дома, места расположения жилища, уровня благоустройства, классовой принадлежности и размера доходов плательщика. Выявлены причины убыточности коммунального хозяйства и нерешенности жилищной проблемы.

Введение

Предоставление жилья и коммунальных услуг на принципах оплаты в первые десятилетия советской власти прошло несколько этапов. Механизмы этого процесса к концу 1930-х гг. сложились в четко определенную систему. Квартирная плата заняла важное место в жилищной политике. Ее положения были определяющими в развитии некоторых направлений, а также явились одной из причин, обусловивших неспособность правительства решить жилищную проблему.

Характерный для капиталистической экономики принцип рентабельности эксплуатации жилья первоначально рассматривался советским правительством как средство обогащения домовладельцев за счет трудящихся. После установления советской власти на территории Беларуси плата за жилье не отменялась. Но в связи с историческими перипетиями и инфляцией она практически не осуществлялась. С 1919 г. квартирная плата была вовсе отменена.

Основная часть

С переходом страны к новой экономической политике были внесены изменения в область жилищных отношений, связанных с оплатой помещений. С 15 сентября 1921 г. восстанавливалась плата за услуги, оказываемые предприятиями коммунального характера (водопровод, электричество, газ, бани, очистка дымовых труб) [1]. С 1 мая 1922 г. восстанавливалась плата за пользование жилыми помещениями [2].

Определяющим положением жилищной политики в сфере оплаты за пользование помещениями стало ее государственное регулирование. Это способствовало обеспечению сохранности и рациональной эксплуатации жилищного фонда, оптимальному распределению имеющейся жилплощади, также направлениям социальной политики советской власти. Однако перед правительством встал вопрос о принципах и механизме взимания платы. Было необходимо определить ее размер и слагаемые элементы, дифференциацию этого размера в зависимости от характеристик жилища и плательщика, сохранения позиций защиты интересов рабочего класса.

При этом правительство оказалось перед дилеммой: с одной стороны, восстановить и развивать жилищное хозяйство возможно при условии его рентабельности; с другой стороны, установление соответствующего размера оплаты обострило бы тяжелое положение рабочих масс, что шло вразрез с общегосударственными принципами советской идеологии. Поэтому квартирная плата формировалась на основе многих составляющих и была разной не только в пределах одного населенного пункта, но и в пределах одной квартиры.

Согласно законодательству 1921 – 1922 гг. в основу определения тарифа коммунальных услуг были положены “расходы по содержанию и ведению предприятий” [1], то есть власть исходила из принципов возмещения себестоимости услуги. В инструкции по применению постановления ВЦИК и СНК РСФСР “Об оплате жилых помещений в поселениях городского типа” от 13 июня 1923 г. [3] указывалось, что квартплата помимо затрат на содержание должна включать средства для выплаты налогов за строение, то есть предусматривала оплату, превышающую возмещение расходов. Постановление правительства СССР “О жилищной политике” 1928 г. фактически признало товарный характер предоставления жилья. В соответствии с постановлением предусматривалось “максимальное накопление средств самого жилищного хозяйства, в частности, за счет квартирной платы” [4]. Таким образом, положения о квартирной плате исходили из полной самоокупаемости и прибыльности жилищного хозяйства.

С другой стороны, установленный принцип рентабельности являлся не результатом, а целью, которую необходимо было достичь. Разовый переход на принцип самоокупаемости жилища означал повышение квартирной платы до 24,5% заработка рабочего, что поставило бы его в тяжелое материальное положение. Квартирная плата по отношению к основной категории плательщика – рабочему – первоначально была нерентабельной. Она покрывала лишь часть затраченных средств, остальные компенсировались из бюджета, что препятствовало восстановлению и развитию жилищного фонда.

В соответствии с законодательством размер квартирной платы не должен был превышать 10% бюджета рабочего. Доля квартирной платы в бюджете данной социальной группы была незначительной. К примеру, в 1922 г. она составила 1,7% бюджета, в 1924 г. занимала от 4 до 6% заработной платы рабочего. В 1930-е гг. доля квартплаты сохранила уровень 5–7% среднего бюджета трудящихся.

Процесс формирования принципов квартирной и коммунальной платы завершился в конце 1920-х гг. До 1928 г. система начисления, механизмы осуществления, тарифы квартирной и коммунальной платы изменялись почти ежегодно, одновременно корректировалась система и порядок ее начисления.

Итак, с 1 мая 1922 г. восстанавливалась плата за пользование жилыми помещениями. Нормы и ставки устанавливались и вводились в действие постановлениями местных Советов на основании общих постановлений и инструкций, издаваемых ЦИК и СНК БССР. Решения местных Советов распространялись на все дома, расположенные в городских поселениях. За единицу исчисления устанавливался размер жилой площади в соответствии с нормой в 8,25 кв.м на человека.

В июне 1923 г. было принято постановление “Об оплате жилых помещений в поселениях городского типа” [3]. Законом определялась норма жилой площади на человека в размере не менее 9 кв.м. Декретом были обозначены критерии размера квартирной платы. Он устанавливался в зависимости: 1) от расходов по содержанию дома; 2) степени благоустройства; 3) расположения жилища; 4) размера занимаемой жилой площади в пределах или свыше нормы; 5) классовой принадлежности жилища; 6) социального положения плательщика.

В зависимости от территориального расположения, состояния и степени благоустройства квартиры местные Советы устанавливали процентные скидки или надбавки. При исчислении полезной жилплощади из нее исключались комнаты, не имеющие естественного освещения, кухни, коридоры, ванные комнаты, выступы стен, печей. Жилая площадь проходной комнаты определялась в 2/3 ее общей площади. Если занимаемая площадь превышала установленную норму, то ее излишек оплачивался в двойном размере тарифа в соответствии с категорией плательщика.

Зависимость квартирной платы от степени благоустройства и расположения жилища устанавливалась следующим образом: полуподвальные, темные и чердачные помещения оплачивались в половинном размере. Городские исполнительные комитеты определяли границу центральной и периферийной части населенного пункта для определения льготного тарифа проживающим на окраине гражданам. Для указанных категорий квартирная плата снижалась на 10%.

При определении квартплаты использовался классовый принцип. Все плательщики были разделены на категории: рабочие; лица свободных профессий; “нетрудовой элемент”.

К первой социальной группе были приравнены рабочие, служащие, красноармейцы, безработные, зарегистрированные на бирже труда, лица, находящиеся на государственном обеспечении, и учащиеся. Писатели, художники, скульпторы и научные сотрудники в отношении квартирной платы были приравнены к категории рабочих лишь в сентябре 1927 г.

К категории свободных профессий относились врачи и другие лица медицинского персонала, акушерки, юристы, инженеры и иные лица, источником существования которых служило оказание специальных услуг на платной основе по соглашению за отдельные работы не в качестве наемных работников.

К “нетрудовым” категориям относились лица, источником существования которых являлся нетрудовой доход. К ним приравнивались частные торговцы, владельцы, арендаторы торговых и промышленных предприятий, лица, выполняющие посреднические, маклерские, кредитные и биржевые операции, лица, проживающие на доходы с денежных и процентных бумаг, кустари, имеющие более 3 наемных рабочих, служители религиозных культов.

Для рабочих и служащих в соответствии с имущественной дифференциацией были установлены тарифы в зависимости от заработной платы. В 1923 г. квартирная плата варьировалась от 10 копеек за квадратную сажень при заработной плате в 30 рублей до 1 рубля 20 копеек при месячной зарплате свыше 100 рублей. Плата за комнату, занимаемую несколькими жильцами, не принадлежащими одной семье, исчислялась пропорционально размеру занимаемой площади и по ставкам соответствующей категории.

Также законом была установлена специальная такса для категории “нетрудящиеся”. Тарифы квартирной платы для рабочих и служащих были меньше тарифов для остальных категорий граждан в 10 раз. Например, для лиц, живущих на “нетрудовые доходы”, устанавливалась плата от 3 до 10 рублей за квадратную сажень в месяц, для лиц свободных профессий, кустарей и ремесленников – от 1 до 2 рублей, а для рабочих, получающих заработную плату до 30 рублей, тариф составлял 10 – 20 копеек.

Рабочие и служащие должны были вносить квартирную плату не позднее 10 числа следующего месяца, остальные категории граждан – до 15 числа текущего месяца. Как видим, власть внесла классовый принцип не только в размер оплаты, но и в механизм ее осуществления. С 1925 г. в БССР был введен целевой налог для поддержания рабочего строительства, которым облагался “нетрудовой элемент”.

Началом следующего этапа формирования механизмов и положений начисления квартирной платы является 1926 год. Постановление правительства СССР “О квартирной плате и мерах к урегулированию пользования жилищами в городских поселениях” от 4 июня 1926 г. [5] с целью устранения разногласий и принятия общих принципов в области формирования квартирной платы предлагало союзным республикам к 15 июля этого же года пересмотреть ее исходные положения. Согласно постановлению обращалось внимание на следующие особенности: ставка квартирной платы включала в себя: стоимость эксплуатации и нормальную амортизацию жилищ, исчисляемую в 35 копеек за 1 кв.м жилой площади в месяц с соответствующим понижением в зависимости от удобств в квартире; оплату процентов, в зависимости от стоимости строений, на нужды восстановления и расширения жилищного фонда.

В свою очередь, квартплата включала 4 составляющих элемента. Исходной была основная ставка, то есть тариф за единицу жилой площади в данном населенном пункте. Затем основная ставка корректировалась исходя из расценок жилого помещения, которая предусматривала льготы и скидки с учетом территориального расположения и состояния квартиры или надбавки за наличие удобств. Так образовывалась квартирная такса. После этого, с учетом категории плательщика, в зависимости от социального положения, классовой принадлежности, доходов, определялась квартирная ставка плательщика, которая формировалась в рамках предельной ставки данной категории.

На основании постановления ЦИК и СНК СССР правительством БССР 23 октября 1926 г. был принят Закон “Об оплате жилых помещений в городах БССР” [6]. Согласно закону, с 1 ноября 1926 г. вводились новые ставки квартирной платы. Стоимость эксплуатации и нормальной амортизации исчислялась в размере 35 копеек за кв.м, для Минска – 37,4 копейки. Законом подтверждалась жилищная норма на одного человека в 9,1 кв.м.

Для трудящихся, получающих до 125 рублей в месяц, предусматривались скидки квартирной платы. Они составляли от 10 до 85% от тарифа. Для трудя-

щихся, получающих свыше 125 рублей в месяц, устанавливались надбавки на каждый рубль сверх этой суммы.

Лица свободных профессий оплачивали жилплощадь из расчета не менее 1 рубль 10 копеек за кв.м. Для лиц “нетрудовых категорий” ставка квартирной платы устанавливалась в размерах от 1 рубля 32 копеек до 3 рублей 30 копеек за кв.м. Расчет на восполнение разницы расходов за счет категории “нетрудящиеся” не оправдал себя в связи с малочисленностью последних и выселением их из домов государственного фонда.

В июле 1927 г. ставки квартирной платы для “нетрудовых категорий” были изменены. В зависимости от имущественного положения они были разделены на 2 группы: облагаемые налогом на доход не свыше 3000 рублей в год и свыше указанной суммы. Правительство оставило прежние принципы ее регулирования: в зависимости от состояния жилища, дохода и классовой принадлежности плательщика. В частности, минимальная ставка квартирной платы для “нетрудовых элементов” Минска была в 2 раза выше, чем для категории лиц свободных профессий, в 5 раз больше максимальной ставки для трудящихся при заработной плате 125 рублей и в 33 раза – для лиц, пользующихся льготной скидкой в 85%.

4 января 1928 г. ЦИК и СНК СССР приняли Закон “О жилищной политике” [4], который утвердил основные принципы и направления в жилищной политике советских республик. Также была установлена единая система формирования квартирной платы. Закон признавал необходимым максимальное накопление средств за счет квартирной платы и приближение ее к себестоимости эксплуатации жилищ. С 1 апреля 1928 г. вводились новые нормы оплаты на основе: учета при установлении квартирной таксы всех аспектов, характеризующих качество и территориальное расположение жилища; пересмотра размера скидок в зависимости от размера квартплаты таким образом, чтобы в течение 1928 – 1929 гг. ставки квартирной платы с лиц, платящих ниже себестоимости жилища, были повышены не менее, чем на 10 копеек в месяц за кв.м. При этом размер квартплаты по-прежнему не должен был превышать 10% заработка трудящегося. Квартирная плата во вновь возведенных домах должна была формироваться на одинаковых основаниях с квартирной платой в старых домах, что не отражало реальной стоимости и качества жилища.

С 1 апреля 1929 г. в БССР устанавливались новые ставки оплаты жилых помещений [7]. Данным постановлением были внесены изменения в стоимость эксплуатации и нормальной амортизации квадратного метра жилой площади. К городам, в которых стоимость эксплуатации и нормальной амортизации не превышала 37 копеек, были отнесены Минск, Гомель и Витебск, для остальных городов стоимость оставалась прежней – 35 копеек.

Законом также предусматривалась система скидок и надбавок в зависимости от классовой принадлежности, материального дохода, благоустройства и удобств квартиры. Был установлен минимальный предел тарифа в размере не ниже 5,5 копейки за квадратный метр. Остальные положения закона о квартирной плате не вносили изменений в систему и механизмы квартирной платы, подтвердив ранее установленные правила.

В 1930-е гг. в отношении квартирной платы были приняты два основных закона. Это Постановления ЦИК и СНК БССР “Об оплате жилых помещений в городах, местечках, районных центрах и рабочих поселках” от 9 июня 1934 г. [8] и “Об изменении постановления “Об оплате жилых помещений в городах, местечках, районных центрах и рабочих поселках” от 5 июля 1936 г. [9]. Закон

повысил стоимость эксплуатации и нормальной амортизации жилых помещений в Минске, Гомеле и Витебске до 44 копеек за кв.м; в Бобруйске, Могилеве, Орше, Полоцке, Борисове, Речице и Слуцке – 42 копеек, в остальных городах – 37 копеек, в рабочих поселках и местечках – 30 копеек за кв.м. Рабочим, имеющим месячный доход свыше 125 рублей, устанавливалась надбавка к основной квартплате в 3,3 копейки за каждый кв.м. Скидки при начислении квартплаты предусматривались в следующих случаях: отсутствие водопровода – 10%; за проживание в проходных для посторонних людей комнатах – 30%; за мансардные квартиры – 20%. К лицам, занимающим жилплощадь более нормы, плата устанавливалась в тройном размере тарифа.

В течение 1920-х гг. приняты нормативные акты, которые определяли механизм взимания платы за коммунальные услуги. Сумма оплаты устанавливалась согласно показаниям счетчиков, а при их отсутствии – по количеству жильцов в доме и нормам потребления. Тариф оплаты также зависел от степени благоустройства жилого помещения и классовой принадлежности плательщика. Плата в домах с центральным отоплением исчислялась пропорционально уплачиваемой нанимателем квартирной платы, но в пределах не свыше 40% квартирной платы. Плата за электроэнергию исчислялась контролером электрической станции по установленному тарифу, по показаниям счетчика или по лампочкам, патронам или штепселям.

Заключение

В течение 1920 – 1930-х гг. были сформированы принципы оплаты за пользование жильем, которые зависели от: 1) размера занимаемой площади; 2) состояния и качества жилища; 3) статуса городского поселения; 4) классовой принадлежности; 5) уровня дохода плательщика. Жилищная политика Советской Беларуси в отношении платы за пользование жилым помещением стремилась одновременно обеспечить рыночный и классовый принципы. С одной стороны, это выражалось в стремлении к рентабельности жилищного хозяйства, с другой – государство предоставляло льготы малоимущим слоям населения. Таким образом, жилищная политика Советского правительства в сфере формирования квартирной платы изначально исходила из принципов, которые обусловили нерентабельность жилищного хозяйства и дефицита средств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О взимании платы за услуги, оказываемые предприятиями коммунального характера : декрет СНК РСФСР, 25 авг. 1921 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и крестьян. правительства. – 1921. – № 62. – Ст. 445.
2. О плате за пользование жилыми помещениями : декрет СНК РСФСР, 20 апр. 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и крестьян. правительства. – 1922. – № 30. – Ст. 349.
3. Об оплате жилых помещений в поселениях городского типа : декрет ВЦИК и СНК РСФСР, 13 июня 1923 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и крестьян. правительства. – 1923. – № 55. – Ст. 540.
4. О жилищной политике : постановление ЦИК и СНК СССР, 4 янв. 1928 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства СССР. – 1928. – № 6. – Ст. 40.
5. О квартирной плате и мерах по урегулированию пользования жилищами в городских поселениях : постановление ЦИК и СНК СССР, 4 июня 1926 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства СССР. – 1926. – № 44. – Ст. 312.

6. Об оплате жилых помещений в городах БССР : постановление ЦИК и СНК БССР, 23 окт. 1926 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства БССР. – 1926. – № 44. – Ст. 165.
7. Об оплате жилых помещений в городах БССР : постановление ЦИК и СНК БССР, 23 фев. 1929 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства БССР. – 1929. – № 11. – Ст. 58.
8. Об оплате жилых помещений в городах, местечках, районных центрах и рабочих поселках : постановление ЦИК и СНК БССР, 9 июня 1934 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства БССР. – 1934. – № 24. – Ст. 117.
9. Об изменении постановления “Об оплате жилых помещений в городах, местечках, районных центрах и рабочих поселках” : постановление ЦИК и СНК БССР, 5 июля 1936 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства БССР. – 1936. – № 22. – Ст. 103.

Поступила в редакцию 10.10.2012 г.

УДК 94(476) + 323.15 (476)

І.А. ПУШКІН*

ДЗЯРЖАЎНЫЯ ОРГАНЫ ПА РЭГУЛЯВАННІ МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫХ АДНОСІН У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ (1991 – 2010 гг.)

Упершыню ў беларускай гістарыяграфіі аналізуецца стварэнне і дзейнасць дзяржаўных органаў па рэгуляванні міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь. У 1990-х гг. органамі ўлады была прынята нарматыўна-прававая база, стварыўшая ўмовы для развіцця культур нацыянальных супольнасцей. У сярэдзіне 1990-х гг. быў створаны орган выканаўчай дзяржаўнай улады для забеспячэння ўмоў захавання этнічнай самабытнасці і выканання заканадаўства ў сферы рэалізацыі праў нацыянальных супольнасцей. У артыкуле выдзелены і ахарактарызаваны тры этапы ў дзейнасці дзяржаўных органаў па рэгуляванні міжнацыянальных зносін у Рэспубліцы Беларусь.

Уводзіны

Пасля атрымання незалежнасці ў Беларусі ўзнікла неабходнасць у рэарганізацыі існуючых і стварэнні новых структур органаў дзяржаўнай улады, у тым ліку ў сферы міжнацыянальных адносін. У беларускай навуцы гэта пытанне маладаследавана. Стварэнне і дзейнасць адпаведных органаў улады толькі ўзгадваліся ў кантэксте дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі ў публікацыях С. Буко, Н. Бурай, В. Касовіч, А. Макрушыч, А. Осіпава, В. Паўлоўскай, І. Пушкіна, М. Рыбакова [1–8]. Рэгуляваннем міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь займаліся прадстаўнічыя і выканаўчыя органы дзяржаўнай улады. Вопыт вырашэння міжнацыянальных праблем у судовым парадку ў краіне адсутнічае.

Асноўная частка

Пасля правядзення ў 1990 г. выбараў у мясцовыя і Вярхоўны (ВС) саветы сталі адбывацца змены ў падыходах да вырашэння праблем міжнацыянальных

* Выпускнік гістарычнага факультэта 1989 г.

адносін у Беларусі. Першага чэрвеня 1990 г. у ВС былі ўтвораны пастаянныя камісіі, сярод якіх – Камісія па нацыянальнай палітыцы і міжнацыянальных адносін. У лютым 1993 г. змянілася яе назва – Камісія ВС Рэспублікі Беларусь па нацыянальнай палітыцы і пытаннях СНД. 16.01.1996 г. была ўтворана Камісія па правах чалавека, нацыянальных пытаннях, СМІ, сувязях з грамадскімі аб'яднаннямі і рэлігійнымі арганізацыямі. Сёння профільнай структурай у Палаце прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь з'яўляецца Пастаянная камісія Палаты прадстаўнікоў па правах чалавека, нацыянальных адносін і сродках масавай інфармацыі. У Савеце Рэспублікі міжнацыянальныя адносіны ўваходзяць у кола пытанняў Пастаяннай камісіі па адукацыі, навуцы, культуры і сацыяльным развіцці. У выніку іх працы на працягу 1990 – 1996 гг. у Беларусі створана заканадаўчая база для дзейнасці нацыянальных супольнасцей і стабільных, канструктыўных міжнацыянальных адносін. Былі прыняты Законы: “Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь”, “Аб культуры ў Рэспубліцы Беларусь”, “Аб адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь”, “Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь”, “Аб бежанцах” і інш. [5, с. 189-190; 9, с. 108-109].

Спецыяльных дзяржаўных органаў у сістэме вышэйшай выканаўчай улады, якія займаліся праблемамі нацыянальных супольнасцей, у Беларусі да сярэдзіны 1990-х гг. не існавала, не было і механізмаў супрацоўніцтва ўладных структур і нацыянальных аб'яднанняў. Развіццём адукацыі на роднай мове займалася Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь.

Падтрымку і фінансаванне культурных ініцыятыў нацыянальных супольнасцей ажыццяўляла Міністэрства культуры: арганізоўвала нацыянальныя фестывалі; вылучала сродкі на правядзенне конкурсаў, выстаў, утрыманне мастацкіх калектываў нацыянальных аб'яднанняў; мэтанакіравана займалася забеспячэннем спрыяльных умоў для развіцця мастацкай творчасці нацыянальных супольнасцей [10, арк. 11, 22; 11, арк. 30].

У мэтах эфектыўнага супрацоўніцтва дзяржаўных органаў кіравання з грамадскімі арганізацыямі нацыянальных супольнасцей і садзейнічання захаванню і развіццю іх культур, у студзені 1995 г. была створана Кардынацыйная рада па справах нацыянальных меншасцей пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь (СМ РБ). Старшынёй Рады з'яўляўся намеснік прэм'ер-міністра. Яе рашэнні насілі рэкамендацыйны характар.

Для правядзення эфектыўнай нацыянальнай палітыкі неабходна было вызначыць становішча спраў, якое склалася ў сферы забеспячэння праў нацыянальных супольнасцей, іх надзённыя праблемы і ўлічыць гістарычныя традыцыі. Таму 21–22 мая 1996 г. у г. Віцебску была праведзена навукова-практычная канферэнцыя “Нацыянальныя меншасці Беларусі: шляхі супрацоўніцтва і згоды”. Выпрацаваная яе ўдзельнікамі Канцэпцыя нацыянальна-культурнага развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі вызначыла асноўныя напрамкі праграмы тэарэтычнага забеспячэння і практычнай рэалізацыі нацыянальна-культурнага развіцця этнічных супольнасцей з улікам стратэгічных інтарэсаў Рэспублікі Беларусь, накіраваных на захаванне тэрытарыяльнай цэласнасці краіны [12].

У студзені 1997 г. Прэзідэнтам РБ быў падпісаны Указ “Аб сістэме рэспубліканскіх органаў дзяржаўнага кіравання, падпарадкаваных ураду Рэспублікі Беларусь”, паводле якога Рада па справах рэлігій пры СМ РБ ператваралася ў Дзяржаўны камітэт па справах рэлігій і нацыянальных супольнасцей (Дзяржкамітэт). Другога снежня 1997 г. пастановай СМ РБ пры ім была створана Каардынацыйная рада па справах нацыянальных меншасцей. Яна стваралася як грамадскае фармі-

раванне. У склад Рады ўвайшлі прадстаўнікі міністэрстваў, органаў кіравання, нацыянальна-культурных аб'яднанняў Беларусі [4, с. 50-51; 13, с. 46]. На пасяджэннях Рады абмяркоўваліся пытанні міжнацыянальных адносін і статутнай дзейнасці аб'яднанняў.

У лістападзе 2001 г. Дзяржкамітэт быў ператвораны ў Камітэт па справах рэлігій і нацыянальнасцей пры СМ РБ, які з'яўляўся рэспубліканскім органам дзяржаўнага кіравання і падпарадкоўваўся ўраду [13, с. 41-44]. 15 ліпеня 2006 г. пастановай СМ РБ ён быў рэарганізаваны і ў структуры ўрада з'явіўся апарат Упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцей. Упаўнаважаны прызначаецца на пасаду Прэзідэнта РБ па прапанове Савета Міністраў і падпарадкоўваецца ўраду. Пры Упаўнаважаным дзейнічаюць кансультацыйныя Міжэтнічная рада і Экспертная рада.

Кансультацыйная Міжэтнічная рада была створана ў 2004 г. Яна ў межах сваёй кампетэнцыі супрацоўнічала з Упаўнаважаным, садзейнічала захаванню і ўмацаванню міжнацыянальнай згоды ў Беларусі, стварэнню адпаведных умоў для рэалізацыі праў грамадзян розных нацыянальнасцей на адраджэнне сваіх нацыянальных каштоўнасцей, адукацыйна-асветніцкай, культурна-творчай, інфармацыйнай і іншай дзейнасці; рыхтавала прапановы па ўдасканаленні ўзаемадзеяння грамадскіх аб'яднанняў нацыянальных супольнасцей; каардынавала дзейнасць грамадскіх аб'яднанняў, прадстаўнікі якіх уваходзілі ў склад Рады. Па прапанове Упаўнаважанага Рада размяркоўвала дзяржаўныя фінансавыя сродкі, накіраваныя на падтрымку праектаў з удзелам нацыянальных супольнасцей. Вырашаліся пытанні аб памяншэнні памераў арэнднай платы шэрагу грамадскіх этнакультурных аб'яднанняў, аб іх ільготным падаткаабкладанні ў гарадах і раёнах, на тэрыторыі якіх яны дзейнічалі, і інш. [8, с. 19-22]. У 2010 г. у склад Рады ўваходзілі 25 членаў – прадстаўнікоў нацыянальных грамадскіх аб'яднанняў і іх саюзаў, зарэгістраваных у адпаведнасці з заканадаўствам Рэспублікі Беларусь.

Вялікі аб'ём працы па каардынацыі дзейнасці нацыянальных грамадскіх арганізацый ускладаўся на Рэспубліканскі цэнтр нацыянальных культур, які быў створаны ў 1994 г. і ўваходзіў у склад Міністэрства культуры. У яго кампетэнцыю ўваходзіла арганізацыйна-метадычная дапамога і матэрыяльная падтрымка этнічных супольнасцей у справе адраджэння і далейшага развіцця нацыянальных культур. На базе цэнтра ў 1995 – 2000-х гг. дзейнічаў шэраг самадзейных мастацкіх калектываў нацыянальных супольнасцей. Пры яго падтрымцы нацыянальна-культурныя аб'яднанні праводзілі свае традыцыйныя святы: Курбан-байрам, Пурым, Ханука, Мертышор і інш. [4, с. 53; 6, с. 158; 14, арк. 128-138]. З 2005 г. ён стаў падпарадкоўвацца апарату Упаўнаважанага.

На рэгіянальным і мясцовым узроўні ва ўсіх абласных выканаўчых камітэтах, а таксама ў Мінскім гарвыканкаме былі створаны саветы (аддзелы) па справах рэлігій і нацыянальнасцей. Іх задачы галоўным чынам аналагічныя задачам, якія вырашаюцца Упаўнаважаным, за выключэннем удзелу ў распрацоўцы заканадаўства і міжнароднага супрацоўніцтва. У абласцях і гарадах ствараліся Каардынацыйныя рады грамадскіх і нацыянальных аб'яднанняў, палітычных партый і прафсаюзных арганізацый. Правядзеннем культурных мерапрыемстваў для нацыянальных супольнасцей, камплектаваннем бібліятэчных фондаў на мовах супольнасцей, у ліку іншага, займаліся аддзелы культуры адпаведных выканкамаў.

У краіне існавала Праграма мер па рэгуляванні этнаканфесійнай сітуацыі ў Рэспубліцы Беларусь, якая разлічвалася на пэўныя перыяды.

Мясцовымі ўладамі распрацоўваліся і дзейнічалі рэгіянальныя праграмы. Яны, як правіла, былі разлічаны на два гады [8, с. 19-22]. Прыярытэт у працы адпаведных дзяржаўных органаў атрымлівалі праекты, праграмы і мерапрыемствы, якія мелі міжкультурны характар, інтэрнацыянальны кірунак. Найбольш паспяховым у дзейнасці органаў дзяржаўнага кіравання Беларусі з'явілася правядзенне фестываляў нацыянальных культур, якія актывізавалі культурна-асветніцкую дзейнасць нацыянальных аб'яднанняў і шырока папулярызавалі іх творчыя дасягненні. У перыяд 1996 – 2012 гг. адбылося 9 фестываляў [15].

Аналіз дзейнасці дзяржаўных органаў па рэгуляванні міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь дазваляе вылучыць некалькі этапаў: 1) першая палова 1990-х гг. – гэта перыяд, калі дзяржава прытрымлівалася ліберальнай мадэлі нацыянальна-канфесійных адносін; праводзілася палітыка неўмяшальніцтва ў дзейнасць грамадскіх нацыянальна-культурных аб'яднанняў; 2) з 1996 г. – паступовы адыход ад ліберальнай мадэлі да мадэлі супрацоўніцтва (кааперацыйнай мадэлі дзяржаўна-нацыянальных адносін); 3) з пачатку 2000-х гг. у нацыянальнай палітыцы заўважаецца імкненне да кантролю, унармавання і рэгулявання грамадскай дзейнасці, выкарыстоўваюцца праграмныя метады працы.

Заклучэнне

Такім чынам, у найноўшай гісторыі Рэспублікі Беларусь (1991 – 2010 гг.) органамі прадстаўнічай улады была прынята нарматыўна-прававая база, якая стварыла досыць камфортныя ўмовы для развіцця культур нацыянальных супольнасцей і задавальнення іх этнакультурных запатрабаванняў. Для рэгулявання міжнацыянальных адносін быў створаны адпаведны орган выканаўчай дзяржаўнай улады, які імкнуўся забяспечыць умовы для захавання самабытнасці і выканання заканадаўства ў сферы рэалізацыі праў нацыянальных супольнасцей. У краіне адбывалася падтрымка ініцыятыў і супрацоўніцтва з нацыянальнымі грамадскімі арганізацыямі для захавання ў беларускім грамадстве стабільнасці, дыялогу і супрацоўніцтва ў сферы міжнацыянальных адносін. Праз дзейнасць СМІ вялася прапаганда нацыянальнай адметнасці і культурнай разнастайнасці. Прыкладаліся намаганні для захавання нацыянальных моў і адукацыі на родных мовах. У структурах Міністэрстваў культуры, адукацыі, інфармацыі працавалі спецыялісты, якім было даручана аказваць дапамогу грамадскім нацыянальна-культурным аб'яднанням. У Беларусі былі створаны мінімальна неабходныя ўмовы для захавання і развіцця культуры нацыянальных супольнасцей, дзейнасці іх арганізацый.

Згодна з заканадаўствам нацыянальная палітыка органаў дзяржаўнага кіравання вызначалася: аказаннем матэрыяльнай і метадычнай дапамогі, правядзеннем выстаў, фестываляў нацыянальных культур і мастацтваў, святкаваннем галоўных дат у гісторыі той ці іншай нацыянальнай супольнасці, дапамогай у фінансаванні мастацкіх калектываў, каардынацыяй дзейнасці нацыянальных грамадскіх аб'яднанняў і органаў улады.

Дзяржаўная падтрымка культурнай дзейнасці нацыянальных супольнасцей і кантроль за іх грамадскімі арганізацыямі актывізаваліся з другой паловы 1990-х гг. пасля стварэння органаў, адказных за правядзенне нацыянальна-канфесійнай палітыкі. За апошнія 10 год статус дзяржаўнага органа вышэйшай выканаўчай улады, які каардынаваў узаемаадносінны дзяржавы з нацыянальнымі супольнасцямі, знізіўся.

Нацыянальная палітыка дзяржаўнай улады насіла характар пратэктывізму і здзяйснялася ў цэлым выверанымі, прадуманымі крокамі, пры наяўнасці пэў-

ных недахопаў, якія можна выправіць. У дзеяннях улад прасочвалася схіленне да комплекснага вырашэння існуючых праблем нацыянальных супольнасцей. У выніку правядзення дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі, якая забяспечвала задавальненне культурна-асветных запатрабаванняў нацыянальных супольнасцей з улікам агульнанацыянальных інтарэсаў Рэспублікі Беларусь, у грамадстве склаліся стабільныя міжнацыянальныя адносіны.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Буко, С.** Рэспубліка Беларусь – страна міжнароднага міра і згоды / С. Буко // Абарона правоў асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей Рэспублікі Беларусь : даведнік / склад. Н.В. Ходар. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2004. – С. 3–5.
2. **Бурая, Н.В.** Уплыў дзяржаўнай палітыкі на развіццё нацыянальных і канфесіянальных адносін у Беларусі (1992 – 2004 гг.) / Н.В. Бурая // Весці БДПУ. – Серыя 2. – 2007. – № 1. – С. 46–49.
3. **Касовіч, В.Ф.** Дзяржаўная палітыка ў адносінах да нацыянальных меншасцей у Рэспубліцы Беларусь / В.Ф. Касовіч // Беларуская дзяржаўнасць: вопыт XX стагоддзя : матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 18-19 крас. 2003 г. – Мінск : БДПУ, 2004. – С. 224–225.
4. **Макрушчыч, Е.Н.** Этнакультурная палітыка в отношении национальных меньшинств в Республике Беларусь (1995 – 1998 гг.) / Е.Н. Макрушчыч // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. – Серыя 1. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. – 2008. – № 1. – С. 49–55.
5. **Осипов, А.** Этнакультурная палітыка в Беларуси: сопоставление с международным контекстом / А. Осипов // Вопросы меньшинств в Республике Беларусь, Европе и мире ; сост., авт. предисл. А. Ойпов, А. Василевич. – Минск : Медисонт, 2012. – С. 171–198.
6. **Паўлоўская, В.П.** Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па развіццю культурна-асветніцкай работы сярод нацыянальных меншасцей Беларусі на сучасным этапе / В.П. Паўлоўская // Нацыянальная палітыка і міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў XX стагоддзі. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1997. – С. 153–160.
7. **Пушкін, І.А.** Заканадаўчыя асновы міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь (1991 – 2010 гг.) / І.А. Пушкін // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – Серыя 1. – 2012. – № 1. – С. 70–79.
8. **Рыбаков, М.Л.** О международных отношениях и государственной политике в Республике Беларусь / М.Л. Рыбаков // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. / ГрГУ им Я. Купалы ; редкол.: М.А. Можейко (отв. ред.). – Гродно : ГрГУ, 2010. – С. 19–22.
9. **Пушкін, І.А.** Дзейнасць Вярхоўнага Савета БССР-Рэспублікі Беларусь па заканадаўчаму забеспячэнню міжнацыянальных адносін (1990 – 1996 гг.) / І.А. Пушкін // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. / ГрГУ им Я. Купалы ; редкол.: М.А. Можейко (отв. ред.). – Гродно : ГрГУ, 2012. – С. 105–109.
10. Дакументы аб супрацоўніцтве Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь з культурнымі аб'яднаннямі нацыянальных меншасцей. 1993 г. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 974. – Воп. 4. – Спр. 33.
11. Звесткі аб творчай дзейнасці нацыянальных культурна-асветных аб'яднанняў у Рэспубліцы Беларусь. 2004 г. // НАРБ. – Фонд 974. – Воп. 4. – Спр. 474.
12. Канцэпцыя нацыянальна-культурнага развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі / навук. рэд. С.А. Яцкевіч. – Мінск : Рэсп. цэнтр нац. культур, 1996. – 34 с.
13. **Пушкін, І.А.** Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990 – 2005 гг.) : манаграфія / І.А. Пушкін. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. – 206 с.
14. Справаздача Рэспубліканскага цэнтра нацыянальных культур. 2000 г. // НАРБ. – Фонд 974. – Воп. 4. – Спр. 407.

15. Дакументы аб падрыхтоўцы і правядзенні Усебеларускага фестывалю нацыянальных культур // НАРБ. – Фонд 974. – Воп. 4. – Спр. 471. – Арк. 4-15; Спр. 804. – Арк. 1-169; Спр. 960. – Арк. 1-222; Спр. 962. – Арк. 11-12.

Паступіў у рэдакцыю 30.10.2012 г.

УДК 94[(476)+(44)] “1941/1945”

В.П. ПАВЛОВ

МОГИЛЕВЧАНЕ В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ ПОЛЬШИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ

В статье исследуется участие уроженцев Могилевской области, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны в составе партизанских отрядов на территории Польши и Чехословакии. В большинстве своем это были советские военнопленные, сумевшие бежать из нацистских лагерей и ставшие партизанами, а также разведчики, бойцы отрядов и групп, направленных советским командованием на территорию этих государств.

Введение

Одной из малоисследованных проблем истории Великой Отечественной войны является участие наших земляков в европейском движении Сопротивления. Первой попыткой раскрыть проблему был раздел Р.Р. Крючка в четвертом томе “Гісторыі Беларускай ССР” [1, с. 532-542], в котором названы шесть фамилий участников Сопротивления в европейских странах: уроженца Бельничского района Д.Ф. Цумарова, боровшегося с врагом в концлагерях Германии, бойцов итальянских бригад – уроженца Климовичского района А.К. Киселева и Могилевского района Н.С. Фролова, а также уроженцев Славгородского и Хотимского районов Ф.Ф. Кожемякина и В. Мешкова соответственно, боровшихся с врагом в Сопротивлении Франции. Назван в разделе Р.Р. Крючка и С.И. Ксендзов, сражавшийся в партизанском отряде Чехословакии. Более полно выглядит раздел автора статьи в книге “Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945” [2, с. 378-397], некоторые его публикации. Глубокому исследованию участия белорусов в европейском движении Сопротивления мешает отсутствие материалов в архивах республики.

В данной статье автор делает попытку показать участие разсканных и установленных им уроженцев Могилевской области в движении Сопротивления на территории Польши и Чехословакии. К сожалению, установить полную картину участия наших земляков в антифашистской борьбе на территории этих двух государств не представляется возможным из-за недостатка источников, поэтому некоторые эпизоды смотрятся фрагментарно.

Основная часть

Свой посильный вклад в нашу общую победу внесли десятки тысяч советских людей, которые превратностями военной судьбы находились далеко от Родины, но продолжали борьбу с врагом. Активное и повсеместное участие советских патриотов в европейском Сопротивлении было как составной частью антифашистской борьбы в оккупированных странах, так и органической частью борьбы советского народа против гитлеровских захватчиков. Так, по неполным

данным, за рубежом из многих десятков тысяч советских граждан, бежавших из фашистских лагерей, активно сражались против гитлеровцев до 40 тыс. человек, в том числе в Польше – 18 тыс. и Чехословакии – 3 тыс.

Один из первых советских партизанских отрядов на территории Польши возник в августе 1941 г. Его организаторами были лейтенант Красной Армии А.И. Колупаев, уроженец г. Кургана, и Григорий Максимович Клецовка [3, л. 80] – военнотруженик, уроженец д. Седич Быховского района. Оба, будучи контужеными, попали в плен к гитлеровцам. Находились в разных лагерях, сумели бежать. В группе Г.М. Клецовки насчитывалось 6 человек, в группе А.И. Колупаева – 12. На встрече в Луковских лесах группы объединились. Во главе отряда стал А.И. Колупаев. “Польские патриоты, – вспоминает Г.М. Клецовка, – доставляли в отряд пулеметы, винтовки, боеприпасы. Крестьяне охотно снабжали нас продуктами питания. Мы искренне благодарны всем тем польским товарищам, которые в трудные дни войны оказывали нам всяческую помощь и поддержку” [4, с. 190]. Весной 1942 г. отряд перебазировался на восток, в Слонимский район. К этому времени в нем насчитывалось свыше 200 вооруженных бойцов. Впоследствии отряд вошел в бригаду “Советская Белоруссия” (комбриг Н.В. Бобков) под именем своего командира А.И. Колупаева, героически погибшего в боях с врагом в марте 1944 г. Г.М. Клецовка стал комиссаром этого отряда [5, с. 130].

Одним из партизанских отрядов командовал Петр Карлович Финансов. Бывший пограничник, старший лейтенант, жил в Минске, после увольнения по болезни в запас работал управляющим Пуховичским отделением Госбанка, потом в г. Мстиславе заведовал районной сберегательной кассой. С первых дней войны П.К. Финансов на фронте. Попал в плен, но сумел бежать из концлагеря, что в 4 км от Янува-Мазовецкого, и снова взялся за оружие в рядах Гвардии Людовой. Вместе с ним бежало еще 9 человек. По свидетельству жителя д. Марианки Юзефа Бакулы, у которого они вначале нашли приют, явствовало, что один из них был без руки. У П.К. Финансова он видел глубокие шрамы на спине и шее. Другие передвигались с помощью костылей [6].

П.К. Финансов стал командиром отряда. В конце ноября 1942 г. в лесу между Минском-Мазовецким и Санницей отряд был приведен к присяге, которую принял командующий округом № 3 Гвардии Людовой, известный ветеран освободительного движения, впоследствии генерал Войска Польского “Зигмунд” – Зигмунд Душиньский. Присяга была принята на польском и русском языках, автором последней был П.К. Финансов.

Вначале в отряде на три десятка человек было два старых карабина, маузер, два револьвера системы “наган” с небольшим запасом патронов и два десятка гранат. Патриоты начали свои боевые действия в безлесных районах Минска-Мазовецкого, Гвалинского, Седлецкого и Луковского поветов, трудных для партизанских действий. Отряд “Петра” смог осуществить немало дерзких налетов на вражеские гарнизоны, пустил под откос несколько железнодорожных эшелонов с живой силой и техникой, уничтожил ряд складов с горючим и боеприпасами. Вот некоторые выдержки из дневника боевых действий отряда за первые дни декабря 1942 г.: отряд уничтожил в д. Глинянке волостное управление и почту, казнил старосту – верного пособника врага, который издевался над местным населением. 24 декабря отряд вывел из строя маслозавод в д. Малове Гвалинского повета. Спустя несколько дней партизаны забросали гранатами и сожгли полицейский пост в Датоницах Седлецкого повета. В ответ на активные действия

партизан фашисты усиливали террор, устраивали облавы на партизан и их помощников из числа местных жителей. Поэтому отряд получил приказание передислоцироваться в Луковский повет, в район местечка Недведыш. Секретарь местной организации рабочей партии Тадеуш Матвиевский организовал встречу отряда “Петра” с действующим в этих местах польско-советским отрядом имени К. Калиновского, которым командовал Серафим – С.П. Алексеев. На этой встрече отряды решили объединить свои силы. Командиром отряда стал П.К. Финансов.

С первых дней 1943 г. отряд “Петра” развил еще более активную деятельность. Так, в населенном пункте Воля партизаны разгромили управление по заготовке скота. Спустя несколько дней патриоты совершили нападение на немецкий аэродром, уничтожив несколько самолетов врага. 14 февраля 1943 г. группа партизан совместно с отрядом Гвардии Людовой овладели населенным пунктом Санница, где уничтожили телеграф, коммутатор на почте, сожгли документальную воловину, захватили значительные запасы продовольствия и боеприпасов. В середине февраля партизаны неожиданно для врага появились на железнодорожном перегоне Сосновка – Кошевица и взорвали вражеский эшелон с боеприпасами. В конце марта 1943 г. отряд “Петра” получил приказ передислоцироваться в район Вышково Венгеровского повета. 28 марта поздним вечером отряд, измученный непрерывными боями и продолжительными переходами во время сильной снежной бури, остановился на ночлег в д. Побратимы. Видимо, из-за беспечности часовых фашистам удалось окружить партизан. Они оказали врагу ожесточенное сопротивление. Бой продолжался несколько часов, кончались боеприпасы. Спасти можно было только смелым прорывом на узком участке. П.К. Финансов лег за пулемет и огнем прикрывал путь для спасения боевых товарищей. В этом бою отважный партизанский командир погиб [7].

Летом 1942 г. возле д. Бекетово под Старым Осколом тяжело раненный попал в плен уроженец Климовичского района П. Савельев. В июне 1943 г. военнопленные оказались в г. Кельце. Отсюда с помощью польских патриотов ему с тремя товарищами удалось совершить побег из лагеря. Став партизанами, они вместе с поляками вели борьбу с гитлеровскими захватчиками. П. Савельев написал письмо родным о своей жизни и оставил его у своего земляка Виктора Яхимюка, также партизана. Он писал: “...если я не вернусь домой, то знайте, мои родные и дорогие, что своей клятвы я не нарушил, свой долг перед Советской Родиной выполнил до конца. Если удастся выйти живым, то обо всем подробно расскажу сам. А теперь делаю все, что от меня зависит, чтобы внести свой вклад в нашу победу над фашизмом... Мы крепко подружились с нашими польскими братьями. У нас с ними одна цель, один путь к победе – сражаться до последнего дыхания, до полного освобождения” [7].

В. Яхимюк вспоминает: “Это было осенью 1943 г. Тогда я был связным партизанского отряда, который действовал на территории Володувского повета Люблинского воеводства и жил в с. Мастиско. Мне пришлось переправить в партизанский отряд многих советских граждан, совершивших побег из немецких лагерей. В октябре я встретил лейтенанта Красной Армии, который назвал себя Савельевым. Он рассказал, что родом из Климовичского района. Через два дня я провел лейтенанта дальними тропами в партизанский отряд, которым командовал Василий Черный. Перед уходом в отряд лейтенант П. Савельев написал письмо жене и детям, которое просил передать после окончания войны адресату, если с ним что-нибудь случится. Случилось так, что я попал в другой партизанский отряд – капитана Белова и уже больше с этим человеком и его товари-

щами не встречался. От своих односельчан я узнал, что лейтенант П. Савельев мужественно сражался с фашистскими оккупантами. Он ходил на самые трудные задания. Лично пустил под откос три железнодорожных эшелона с вражескими войсками и боевой техникой” [8]. Житель с. Мастиско лесничий Матейчук был свидетелем того, как П. Савельев, переодевшись в форму гитлеровского офицера, пробрался в тот же лагерь в Кельцах, в котором до того был сам. Хорошо зная порядки, установленные гитлеровцами, он сумел ввести в заблуждение охрану, обезоружить ее и вывести из заключения более двухсот узников, большинство из которых влились в партизанский отряд. Фашисты назначили за голову П. Савельева крупную награду. Но никто из местных жителей не выдал мужественного офицера. Не пришлось ему дожить до победы – погиб в жестокой схватке с гитлеровскими карателями. Матейчук рассказал, что группа партизан под командованием П. Савельева, возвращаясь с боевого задания, попала в засаду. В том месте, где находился П. Савельев, гитлеровцы потеряли пять вражеских карателей, убитых гранатой, брошенной героем [9].

Уроженец д. Каменец Бельничского района Евсей Никифорович Близняков за подвиги, совершенные на польской земле, удостоен высшей воинской награды Польши “Виртути милитари”, его фамилия навечно занесена в Золотую книгу спасителей Кракова.

На фронте Е.Н. Близняков командовал пулеметным взводом, в одном из боев был контужен, попал в плен. В мае 1943 г. с помощью польских патриотов бежал из лагеря. С ним бежали еще 12 человек, из которых он организовал партизанскую группу, вошедшую в партизанский батальон поручика Гардого. В составе отряда группа Е.Н. Близнякова сохраняла некоторую самостоятельность. В ней насчитывалось около 20 бойцов, бежавших из немецких лагерей. Почти все боевые операции советские партизаны проводили вместе с польскими товарищами, иногда самостоятельно, так как хорошо изучили местные леса и горы, наладили связи с местным населением [10, с. 210].

Для Е.Н. Близнякова и его товарищей наступил новый этап борьбы за родную землю и свободу Польши. В начале своей деятельности группа встретилась с трудностями и неудачами. Но, тем не менее, она росла, действовала. Внезапные удары по небольшим гитлеровским гарнизонам, уничтожение из засад вражеских колонн, взорванные мосты и воинские эшелоны. От поляков Е.Н. Близняков узнал о разведывательной группе “Голос”¹ в составе четырех человек, которой командовал Е.С. Березняк, – одной из многих групп, обеспечивавших войска 1-го Украинского фронта сведениями о противнике в районе Кракова. Группа Е.Н. Близнякова решила присоединиться к разведчикам. После соответствующих проверок бывших военнопленных Центр разрешил Е.С. Березняку присоединить к себе диверсионную группу Е.Н. Близнякова. Теперь это была боевая единица агентурно-разведывательного и диверсионного характера. В составе группы Е.Н. Близнякова действовал еще один белорус – Виктор Александрович Заборонок [11, с. 12].

За 156 дней пребывания группы “Голос” в тылу врага она передала в Центр 150 радиограмм. Одной из важнейших достижений группы было установление в декабре 1944 г. с помощью польских партизан схемы минирования Кракова.

---

¹ О деятельности разведывательно-диверсионной группы “Голос” по роману Ю. Семенова снят многосерийный кинофильм “Майор Вихрь”.

Партизаны Армии Людовой, которыми командовал Ю. Зайонц, доложили, что гитлеровцы начали копать довольно широкий ров, идущий от шлагбаума в Броннице, то есть от конечной трамвайной остановки. Работы вела немецкая строительная организация “Годт”. Со временем польским патриотам удалось установить, что на дне рва почти полуметровой глубины гитлеровцы укладывали кабель. Целью варварской акции фашистов было навязать наступающим частям Красной Армии уличные бои, завлечь их и боевую технику в узкие улочки Кракова и взорвать город, начиненный тоннами взрывчатки. Группа добыла схему минирования города и вместе с планом укрепрайона передала их в Центр. Наступавшие советские войска, имея точные данные, перерезали кабель, связанный с взрывчаткой, захватили форт, где находился немецкий персонал, ожидавший приказа о взрыве [12, с. 168, 186].

В дело спасения Кракова большой вклад внес и Е.Н. Близняков. Ему было поручено похитить немецкого майора, главного инженера укрепрайона Курта Пеккеля. Захват гитлеровского офицера осуществили Е.Н. Близняков и два его боевых товарища. Досконально изучив образ жизни майора, разведчики доставили его на базу диверсионной группы. Оценив ситуацию, Курт Пеккель нанес на карту подробнейшую схему оборонительных сооружений Кракова, помог и со схемой разминирования [13, с. 142].

19 января 1945 г., в день освобождения г. Кракова, члены группы “Голос”, получив новое задание, двигались на запад, передавая в Центр новые сведения.

В боевых операциях членами группы было уничтожено более 100 гитлеровцев, взорвано несколько мостов, эшелонов, совершены другие диверсии. В боевой и диверсионной работе ведущая роль принадлежала Е.Н. Близнякову. О его смекалке и мастерстве как подрывника среди членов группы ходили легенды. Так, Центр дал задание задержать переброску танковой части по железной дороге Краков – Закопане. Но у группы в это время не было взрывчатки. Тогда Е.Н. Близняков предложил хитроумный план. Ночью у железнодорожного моста он и его разведчики ликвидировали немецкого часового, “заминировали” мост консервными банками, набитыми землей, протянули провода. Пока гитлеровцы разбирались, вызывали саперов, проводили “разминирование”, эшелон с танками стоял на запасных путях [14].

Диверсионная группа Е.Н. Близнякова провела ряд крупных боевых операций. Так, в ночь на 3 ноября 1944 г. она совершила нападение на гарнизон гитлеровцев, который размещался на железнодорожной станции Строне – одной из крупнейших на линии Краков – Закопане, вывела из строя все станционное хозяйство. Станция некоторое время бездействовала. В ночь на 7 ноября эта же группа совершила не менее дерзкий налет на станцию Воля – Радишевская. Гарнизон и станция также были выведены из строя. Спустя несколько дней командир диверсионной группы доложил Е.С. Березняку о подрыве железнодорожного моста и пущенном под откос воинском эшелоне с техникой и живой силой [15].

12 января 1945 г. каратели окружили отряд Е.С. Березняка и действовавший вместе с ними польский отряд поручика Гардого. Советские и польские партизаны целый день вели бой в окружении, а ночью смогли оторваться от карателей. В этом бою советский и польский отряды потеряли 12 бойцов. “Один из наиболее жестоких боев того времени, – отмечал в 1965 г. польский журнал “За вольность и люд”, имея в виду тот самый бой, – выпал на долю батальона польских партизан под командованием Гардого и советского разведывательного

отряда Михайлова (Е.С. Березняка. – В.П.)... Потери немцев в том бою составили 92 убитых и 120 раненых” [10, с. 210].

В годы Второй мировой войны на чешских землях и в Словакии, как и в других странах Европы, развернулось движение Сопrotивления гитлеровскому фашизму. Необходимо учитывать условия борьбы, очень разные в чешских землях и Словакии. Чешские земли были непосредственно включены в состав гитлеровской Германии, власть там полностью находилась в руках нацистских учреждений, полиции и армии, проводилась жестокая германизация. Берлин использовал фиктивную самостоятельность Словакии для реализации своих стратегических и геополитических планов, в том числе и для подготовки нападения на Польшу и Советский Союз.

23 июня 1941 г. В.М. Молотов принял словацкого посланника Ю. Шимко, который заявил, что словацкое правительство прерывает дипломатические отношения с СССР. В тот же день Словакия объявила войну СССР и направила свои войска на советско-германский фронт. В декабре 1941 г. она объявила войну также Великобритании и США. Следует отметить, что ни Советский Союз, ни его главные союзники по антигитлеровской коалиции, Великобритания и США, войну Словакии не объявляли. Чехословакия являлась членом антигитлеровской коалиции, где она была представлена дипломатически признанным чехословацким эмигрантским правительством и президентом Э. Бенешем. Поэтому союзники игнорировали де-факто существующее словацкое государство, полагая, что его создание противоречит международному праву и поэтому неправомерно [16, с. 36-36]. Но братиславские правители, приняв решение о вступлении в войну на стороне Германии, вовсе так не думали и надеялись извлечь для себя выгоду из ее победы. Вне зависимости от желания либо нежелания братиславских властей участвовать в этой войне Словакия вынуждена была играть роль, отведенную ей Гитлером.

На территории Чехословакии в годы войны оказались граждане нескольких категорий: военнопленные и гражданские лица, совершившие побег из гитлеровских лагерей, расположенных на территории Германии, Австрии и Чехословакии, или бежавшие из эшелонов, следовавших через Чехословакию, и бойцы партизанских отрядов и групп, направленные советским партизанским командованием по ходатайству или с согласия чехословацких демократических сил. На заключительном этапе войны в Чехословакию было направлено значительное количество разведчиков, выполнявших задания армейского командования и широко опиравшихся в своей боевой, диверсионной и разведывательной работе на всемерную помощь и поддержку партизан, подпольщиков, местных патриотов.

В 1943 г. был вывезен в Чехословакию уроженец д. Яновки Хотимского района Владимир Васильевич Аниченко. Вместе с другими заключенными он работал на угольной шахте, но сумел бежать. Белорус стал партизаном отряда “Эдо”, который действовал в Орлицких горах, вблизи г. Жамберкам. После войны В.В. Аниченко стал доктором филологических наук, профессором, заслуженным деятелем науки. Долгое время возглавлял кафедру белорусского языка Гомельского университета [17, с. 15].

В 1944 г. угнан в Чехословакию 16-летний бобруйчанин Иосиф Данилович Щербич. Через три месяца он был уже в рядах партизанского отряда “Высокие Татры” (начальник штаба – Бень), участвовал во многих боях [18]. В партизанских отрядах сражался с врагом колхозник из Могилевской области Василий Цурганов [19].

Уроженец г. Кричева Николай Захарович Акалита, военный водитель, раненым попал в плен в Венгрии. Некоторое время ему довелось пробывать в концлагере возле г. Дебрецена, откуда в составе группы военнопленных попал в Словакию. В новом для себя лагере в небольшом поселке Нове-Замки работал в лесу на раскорчевке леса. Как потом узнал Н.З. Акалита, многие из них были посланы на эту работу местным подпольем. Эти патриоты готовили побег, помогали военнопленным вернуться на свободу и снова взяться за оружие. Благодаря смекалке словацких подпольщиков и их мужеству беглец был снова на свободе, вступил в партизанский отряд, который действовал высоко в горах Малых Карпат.

Однажды Н.З. Акалите удалось задержать группу немецких солдат, которые оказались минерами. Предчувствуя скорое отступление, гитлеровцы стремились уничтожить как можно больше словацких городов и заводов, минировали их. У немцев, которых захватил в плен Н.З. Акалита, нашли карту минных полей под Пиштаном и карту минирования этого города, а также план закладки мин в Брезовой под Брадлом и Мияве. Партизаны, имея эти планы и карты, смогли быстро разминировать все объекты. 15 апреля 1945 г. войска генерала И.А. Плиева освободили район Малых Карпат. Н.З. Акалита вернулся в Красную Армию. После увольнения из армии жил и работал в родном Кричеве [20].

13 сентября 1944 г. на оккупированную территорию Словакии была заброшена организаторская группа для оказания помощи местным патриотам в активизации борьбы против гитлеровских захватчиков. Командиром ее был назначен А.М. Садиленко, опытный украинский партизан. В состав группы было включено несколько белорусов, боровшихся с врагом в составе украинских партизанских бригад. Среди них – моголевчанин Валентин Орлов, до этого партизан-подрывник в соединении Г.В. Балицкого. На земле Словакии он стал заместителем командира отряда по разведке [21].

После освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков была создана очередная партизанская группа в количестве 23 человек для заброски на территорию Словакии. Большую помощь партизанам отряда оказывал старый корабельный фельдшер, человек с нелегкой судьбой – Владимир Николаевич Нестеренок, уроженец Могилевской области. Волею судеб он в 1935 г. оказался в Словакии. В.Н. Нестеренок не только лечил раненых и больных, но и служил партизанским связным [22, с. 183].

Летом 1944 г. в районе г. Зволена была выброшена группа парашютистов, в состав которой входил офицер Красной Армии, уроженец д. Киселевка Мстиславского района Сергей Иванович Ксендзов. Войну он встретил в должности секретаря партбюро мотомехполка в Украине. Попал в окружение, стал партизаном в соединении А.Ф.Федорова, был командиром диверсионной группы. С мая 1943 г. партизанил в соединении генерал-майора М.И. Наумова (был помощником начальника штаба по разведке отряда “Красный”, позже – комиссар этого отряда) [23, с. 209]. Первые боевые операции группы на земле Словакии – диверсии на железнодорожных участках, взрывы мостов, внезапные засады против оккупантов – вызвали огромный патриотический подъем у местного населения, советских военнопленных, бежавших из лагерей. Отряд быстро рос, в скором времени превратился в партизанскую бригаду имени Героя Советского Союза Я. Налепки. С.И. Ксендзова назначили начальником штаба бригады, командиром стал чешский коммунист Антон Шагат. В одном из боев возле

д. Лутелло С.И. Ксендзов был тяжело ранен, более семи месяцев врачи боролись за его жизнь. Но он выстоял. Боевые дела патриота отмечены многими орденами и медалями, в том числе орденом Ленина, наградами Чехословакии. Ему присвоено звание заслуженного учителя БССР [24-26].

В начале сентября 1944 г. в районе Кошице-Прешов была десантирована разведывательно-диверсионная группа в составе в составе 15 человек во главе с уроженцем Глусского района Кириллом Гавриловичем Ивановым. Нелегким был его боевой путь: трудные бои в первые дни войны, отступление, плен, который, к счастью, оказался недолгим, удачный побег, подпольная работа в г. Новоград-Ровенский. Потом годы партизанской борьбы в Украине, за время которой грудь отважного подрывника украсили заслуженные награды – ордена Красного Знамени, Красной Звезды, медали.

В первые же дни после выброски группа попала в засаду, в бою погибли четверо десантников, в том числе начальник штаба белорус Якубовский, один потерялся при приземлении. Диверсии, проведенные партизанами, привлекли в группу много словацких патриотов [27]. Первой боевой операцией десантников был подрыв воинского эшелона гитлеровцев, который двигался в сторону фронта [28]. Крупным успехом партизан было уничтожение в одном из поселков вражеского завода, выпускавшего бронешиты и некоторые детали для танков. Только за два месяца пребывания в тылу врага отряд пустил под откос 6 эшелонов с войсками и техникой противника, уничтожил завод и электростанцию, взорвал 3 моста. Ценной для советского командования была разведывательная информация, передаваемая в Центр партизанскими радистами [29]. В октябре 1944 г. отряд имени К.Е. Ворошилова (такое название получила группа К.Г. Иванова) насчитывал уже 150 бойцов. Партизаны провели много боев под Добра Нива, Нова Баня, Воловцы, Фтачник, Банска-Быстрица – столицей восстания. Немецко-фашистским войскам удалось оседлать перевалы, замедлить наступление советских войск на фронте. К концу октября 1944 г. враг снова захватил освобожденные районы Словакии. Отряд имени К.Е. Ворошилова ушел в западные районы и сражался с врагом до полного освобождения Словакии [30]. На день соединения с частями Красной Армии в нем насчитывалось 360 человек. За мужество и отвагу, проявленные на земле Словакии, К.Г. Иванов был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, чехословацкими наградами [31, с. 345-346] .

Заключение

Автором установлены фамилии шести могилевчан, участников Сопrotивления в Польше, и девяти борцов с гитлеровскими захватчиками на территории Чехословакии. Дальнейшие поиски должны назвать новые, еще неизвестные имена.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кручок, Р.Р.** Працоўныя Беларусі ў еўрапейскім руху Супраціўлення / Р.Р. Кручок // Гісторыя Беларускай ССР. – Т. 4 : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938 – 1945 гг.). – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 640 с.
2. **Павлов, В.П.** Белорусы в европейском движении Сопrotивления / В.П. Павлов // Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 3500. – Оп. 5. – Д. 334.

4. **Клецовка, Г.М.** Именем героя / Г.М. Клецовка // Память: Ист.-докум. хроника Березовского района. – Минск : БелСЭ, 1987. – 439 с.
5. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. – Минск : Беларусь, 1983. – 465 с.
6. **Титов, И.** По следам подвига / И. Титов // Вечерний Минск. – 1976. – 4 мая. – С. 4.
7. **Цітоў, І.** Па слядах подзвігу / І. Цітоў // Мінская праўда. – 1994. – 15 лютага. – С. 4.
8. **Цітоў, І.** Два пісьмы пра мужнасць / І. Цітоў // Звязда. – 1965. – 10 красавіка. – С. 4.
9. **Титов, И.** Письмо, прошедшее сквозь годы / И. Титов // Знамя юности. – 1986. – 5 февраля. – С. 3.
10. **Жигилій, В.А.** Краківський вал / В.А. Жигилій. – Київ : Молодь, 1970. – 224 с.
11. **Березняк, Е.** Победа после победы / Е. Березняк, В. Веремейчик // Политический собеседник. – 1990. – № 12. – С. 36.
12. **Зайонц, Ю.** Шли бои / Ю. Зайонц. – М. : Воениздат, 1968. – 192 с.
13. **Березняк, Е.С.** Пароль “Dum Spiro”: Рассказ разведчика / Е.С. Березняк. – Киев : Политиздат Украины, 1987. – 239 с.
14. **Кондратьева, Л.** Краков спас не майор “Вихрь”, а Евсей Близняков! / Л. Кондратьева // Могилевская правда. – 1997. – 11 октября.
15. **Вікенцьёў, К.** Яго імя ў летапісу вайны / К. Вікенцьёў // Камуніст Палесся (Мазыр). – 1979. – 9 мая. – С. 3.
16. **Марына, В.В.** Словакия в войне против СССР. 1941 – 1945 годы / В.В. Марына // Новая и новейшая история. – 2011. – № 4. – 110 с.
17. **Даніленка, А.** Шуміць Арліца / А. Даніленка // Беларусь. – 1977. – № 7. – 37 с.
18. **Сцяпанаў, І.** Праз агонь / І. Сцяпанаў // Мінская праўда. – 1970. – 26 жніўня. – С. 3.
19. **Харитонов, Б.П.** Русский Вася / Б.П. Харитонов // Партизанские дни: Сборник воспоминаний партизан. – М. : ДОСААФ, 1971. – 223 с.
20. **Шаўцоў, П.** Братства / П. Шаўцоў // Магілёўская праўда. – 1961. – 4 кастрычніка. – С. 4.
21. **Садиленко, А.М.** За фронтом – фронт: Партизанские были / А.М. Садиленко // Южно-Сахалинск : Сахалинское кн. изд-во, 1962. – 192 с.
22. **Глазок, М.М.** Лесные солдаты: Записки партизана / М.М. Глазок. – Харьков : Прапор, 1966. – 244 с.
23. Памяць: Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі: Мсціслаўскі раён. – Мінск : Польша, 1999. – 608 с.
24. **Ксендзов, С.И.** Боевое братство / С.И. Ксендзов // Политинформатор и агитатор. – 1975. – № 9. – 45 с.
25. **Барысаў, Д.** На грудях – ордэны ЧССР / Д. Барысаў // Звязда. – 1964. – 6 верасня. – С. 4.
26. **Асмалоўскі, А.В.** Высокі грамадзянскі подзвіг / А.В. Асмалоўскі // Народная асвета. – 1983. – № 2. – 50 с.
27. **Иванов, К.** Словацкий лабиринт: Дневник советского диверсанта / К. Иванов // Рэспубліка. – 2006. – 10 кастрычніка. – С. 8.
28. **Іваноў, К.Г.** Рэха ў гарах / К.Г. Іваноў // Звязда. – 1976. – 30 чэрвеня. – С. 4.
29. **Голованова, О.** Командир интеротряда / О. Голованова // Вечерний Минск. – 1995. – 18 августа. – С. 5.
30. **Орлов, В.** Братство / В. Орлов // Сельская газета. – 1985. – 8 мая. – С. 4.
31. **Матусевіч, Т.А.** Далёка ад Радзімы / Т.А. Матусевіч // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Глускага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 1999. – 640 с.

Поступила в редакцию 03.01.2013 г.

УДК 94(476-074) “+1939/1945”+336.22

Е.А. ГРЕБЕНЬ

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В статье на основе обширной базы архивных источников анализируется система налогообложения и повинностей гражданского населения Беларуси в период нацистской оккупации. Характеризуются основные налоги и сборы, выплачиваемые городским населением, показаны последствия налогообложения для наименее обеспеченных слоев горожан. Рассмотрен ряд повинностей, которые вынуждены были нести сельские жители.

Автор констатирует саботаж налоговой политики жителями Беларуси, следствием чего стало введение немецкими властями премиальной системы. Эффективность налоговой политики оккупационных властей рассмотрена в контексте стратегий выживания населения оккупированной Беларуси.

Введение

В рамках исследования экономической политики немецких оккупационных властей традиционно уделялось внимание натуральным повинностям крестьян, эффективности аграрной политики в целом. В достаточной степени разработана проблема принудительного труда населения оккупированной Беларуси [1]. В то же время гражданское население платило множество налогов и выполняло значительное количество повинностей, без рассмотрения которых нельзя говорить о целостном восприятии нацистской экономической политики в Беларуси.

Основная часть

Немецкие оккупационные власти создали разветвленную систему налогообложения населения Беларуси. Постановления о налогах и повинностях издавались генеральным комиссаром Беларуси, командующим тылом группы армий “Центр” и ретранслировались главами коллаборационной администрации. Налогообложение горожан можно проиллюстрировать на примере г. Витебска. Так, 26 января 1942 г. вышло постановление о взимании подушного сбора на территории г. Витебска и Витебского района, согласно которому все население города и волостей района в возрасте от 18 до 60 лет было обязано уплачивать подушный налог в размере 30 руб. в год. Налог уплачивался равными долями по 15 руб. за каждое полугодие или, по желанию плательщика, мог быть полностью уплачен в первом полугодии. Бургомистр Витебска и Витебского района в исключительных случаях имел право частично или полностью снять налог по предложению финансового отдела городской управы или волостных бургомистров. Подобный порядок просуществовал недолго: 3 июня 1942 г. были внесены изменения и дополнения к постановлению о взыскании подушного налога. С этого момента подушный налог возрастал до 120 руб. в год. Категории граждан, имевших право на снижение или отмену подушного налога, были определены в июле 1942 г. От уплаты подушного налога освобождались инвалиды 1-й категории при отсутствии недвижимого имущества (допускалось наличие огородов до 0,03 га и небольших строений без квартирантов; не работающие инвалиды 2-й категории, если в их семье имеется только один кормилец; безработные матери малолетних детей; нищие, проживающие на подаяние. Инвалиды 1-й категории при наличии огородов от 0,03 до 0,06 га, нетрудоспособные и не работающие при

наличии в семье более одного работающего члена, безработные матери при наличии домовладения без квартирантов с огородом до 0,03 га уплачивали налог в полном размере. На снижение налога могли претендовать иждивенцы, не работающие по причине безработицы, проживавшие в семьях рабочих и служащих с заработком до 200 руб. при отсутствии побочных доходов, за исключением огорода до 0,03 га, и безработные матери при наличии домовладения с доходами в виде квартплаты до 100 руб. и огорода от 0,03 до 0,06 га [2, л. 27–28, 41, 47, 51].

За услуги, оказываемые населению при обращении в учреждения, вводился канцелярский сбор с подаваемых письменных заявлений, выдаваемых гражданам справок, удостоверений и за заверение подписей. Канцелярский сбор устанавливался в размере 1 руб. за каждый выданный документ. Паспортный сбор (3 руб.) взимался за выдачу паспорта (5 руб.), продление срока действия, прописку, внесение регистрационных отметок. Вводился сбор за регистрацию актов гражданского состояния: метрические записи о рождении или смерти – 3 руб., бракосочетание – 10 руб., развод – 100–300 руб., выдача справок, удостоверений или выписок из метрических книг – 3 руб. Строительный сбор взимался в размере 1 руб. за каждый м² застраиваемой площади. Рыночный сбор за каждый базарный день составлял: за торговлю с рук, лотков, с земли на площадке 2 м² – 2 руб., с возов, с земли на площадке более 2 м², за продажу мелкого скота (за голову) – 5 руб., за торговлю из ларьков, палаток, при продаже крупного скота – 10 руб. Торгово-промышленный сбор составлял от 50 до 500 руб. в год. Бургомистр города и района имел право освобождать от сборов на основании ходатайств граждан [2, л. 8–11].

16 июля 1942 г. вышло распоряжение бургомистра Витебского района «О карательных мерах за нарушение Постановления об общинных налогах, сборах и других обязательных взносах, проводимых на территории г. Витебска и его района». За просрочку хотя бы на 1 день уплаты общинных налогов взыскивалась пеня в размере 10% от подлежащей к уплате суммы. За несвоевременную уплату квартирной и арендной платы и коммунальные услуги взималась пеня в размере 1% от суммы за каждый просроченный день. Имущество неплательщика могло быть конфисковано в качестве оплаты недоимки и расходов, связанных с ее получением [2, л. 56–57].

Тяжелое материальное положение не позволяло многим гражданам уплачивать в подушный налог, поэтому они обращались к местной администрации с просьбой о его уменьшении либо снятии. Витебская городская управа была вынуждена разработать специальные недоимочные карточки на неплательщиков. Сотрудники администрации проверяли достоверность указанных в заявлении сведений и составляли акты обследования материального положения [3, л. 9–218, 238–239 об.]. Заявления о снятии налога поступали от граждан, вернувшихся с работы в Германии. Коллаборационная администрация часто была вынуждена уменьшать подушный налог, понимая, что обнищавшее население не в состоянии его выплачивать полностью. Для эвакуированных граждан могла возникать ситуация, когда они уплатили подушный налог, после чего были перемещены немцами в Витебск, где городская управа также требовала уплаты подушного налога. В случае отсутствия квитанций об уплате проверить справедливость заявляемых сведений было сложно, поэтому налог списывался частично [3, л. 591–593, 1–7 об., 299–301 об.].

Кроме фиксированных налогов крестьяне облагались рядом дополнительных повинностей и поборов. В рамках введенной оккупационными властями

обязательной трудовой повинности сельское население привлекалось к рубке и вывозу леса, гужевой повинности, дорожным работам. За сельскими общинами также закреплялся определенный участок дороги, который крестьяне были обязаны поддерживать в порядке. Сельские общины были обязаны подготовить дороги к зимнему сезону: построить снегозащитные сооружения, расставить двухметровые шесты как указатели проезжей части на случай снежных заносов, заготовить песок, гравий для посыпки дороги, лопаты, кирки, перед наступлением холодов выровнять дорогу боронованием. Крестьяне также должны были обезвреживать поставленные партизанами мины, используя специальные катки и брони, что приводило к гибели людей. Оккупационные власти осознавали этот факт. Например, слуцкий гебитскомиссар в своем письме к волостным бургомистрам Слуцкого района от 10.12.1943 г. констатировал гибель людей, но требовал от них под угрозой наказания ежедневно проводить разминирование [4, л. 81].

Владельцы коней были обязаны исполнять гужевую повинность, что отрывало время и силы от работы на своей земле, поэтому многие граждане регулярно от этой повинности уклонялись. Например, в феврале 1942 г. в административный отдел Браславской районной управы поступил список из 52 жителей Опсовской волости, которые уклонились от гужевой повинности. Аналогичный список из 19 чел. в марте 1942 г. представила Дрисвятская волостная управа. В примечаниях напротив некоторых фамилий имеются пометки “упорный”, “избил выборного” [5, л. 4, 5].

Периодически к волостным бургомистрам с просьбой прислать рабочую силу обращались руководители предприятий и организаций. Например, 14 ноября 1941 г. надлесничество обратилось к Микашевичскому волостному бургомистру с просьбой прислать трех женщин для сбора желудей, а 17 декабря 1941 г. просило выделить 20 чел. для сбора сосновых шишек [6, л. 26, 41]. Используя местные условия (климат, распространенные культуры), пинский гебитскомиссар 2 февраля 1942 г. приказал начать заготовку большого количества клюквы, необходимой для изготовления мармелада для вермахта. Начальник Лунинецкого района, продублировавший распоряжение для сельских старост и начальников школ, распорядился привлечь к сбору женщин или школьников. На уровне сельских общин распоряжение было саботировано. Староста одной из общин сообщил, что сбор клюквы невозможен, поскольку не растаял снег, старосты же других 8 деревень заявили, что вблизи их общин клюквы не имеется. Аналогичная ситуация повторилась в апреле 1942 г., когда земельный отдел Лунинецкой районной управы затребовал у сельских старост информацию о наличии в районе лозы и вербы, пригодной для выделки корзин. Старосты ряда общин заявили об отсутствии лозы. В июне 1942 г. земельный отдел затребовал сведения о тутовых деревьях и их владельцах, готовых разводить тутового шелкопряда, и посадках клубники, на что также был дан отрицательный ответ [7, л. 7, 9, 14–18, 20–22, 35, 28–36, 41, 42, 45].

Летом 1941 г. многие жители Беларуси сталкивались с реквизицией продуктов питания и скота проходящими немецкими воинскими частями и полицией. В отдельных случаях командиры немецких частей выдавали крестьянам документы о количестве конфискованных продуктов, стоимость которых немецкое командование обещало в будущем компенсировать. В дальнейшем реквизиции продолжались регулярно, поскольку территория Беларуси являлась транзитной для немецких войск, тут размещались значительные контингенты охранных войск и полиции, боровшихся с партизанами. Сельские общины стремились докумен-

тировать эти факты. Жители д. Яжевки Лунинецкого района составили акт о том, что с 1 января 1943 г. по 10 июля 1943 г. немецкими войсками, железнодорожниками и полицией были конфискованы продукты питания. Согласно акту за указанный период у 31 крестьянина было реквизировано 2289 шт. яиц, 152 курицы, 5 уток, 787 л молока и не менее 89 кг печеного хлеба [8, л. 2, 2 об., 4]. Происходили также регулярные поборы в пользу немецких чиновников. В декабре 1942 г. старшина Дрисвятской волости направил начальнику Браславского района донесение, в котором подробно описал бесчинства, творимые зондерфюрером. Перечислялось количество предоставленных продуктов питания (7 пудов пшеницы, несколько баранов, 6 л молока ежедневно), отмечался взлом немцем склада с конфискованными у населения радиоприемниками, требование предоставить ему борова к рождественским праздникам и арест самого старшины [9, л. 44].

Немецкие власти издавали распоряжения о сборе оружия, боеприпасов и военной амуниции, которые следовало сдавать в ортскомендатуру. Гражданам, сдавшим оружие, обещалась премия в виде махорки, водки и соли. Лицам, имевшим и не сдавшим оружие или снаряжение, угрожало лишение свободы. Неудачи вермахта на фронте и, как следствие, нехватка амуниции, привели к изданию в сентябре 1943 г. распоряжения, обязывавшего население собрать каски и шлемы с крестов солдатских могил и сдать их в ортскомендатуру [10, л. 88–89, 136]. На основании распоряжения генерального комиссара Беларуси местному населению для нужд германской армии предписывалось до 26 февраля 1942 г. сдать имеющиеся лыжи высотой свыше 1,5 м, лыжные палки и седла. Невыполнение распоряжения каралось как саботаж. В марте 1942 г. генеральный комиссар Беларуси обратился к населению с призывом собирать и сдавать властям изделия из цветных металлов (самовары, котлы, дверные вывески, монеты, музыкальные инструменты и др.). В качестве награды обещалась выдача свидетельства о том, что сдачик приобщился «к победе и обеспечению будущего своего края» [11, л. 34–36].

Периодически проводился сбор вещей для нужд вермахта. Первый сбор теплых вещей проходил уже зимой 1941 г. в разгар битвы под Москвой. Полоцкая ортскомендатура потребовала от волостных бургомистров до 30 декабря 1941 г. сдать от каждой волости по 50 пар перчаток, 20 пар меховых перчаток, 30 меховых пальто, 30 полушубков, 20 меховых жилеток, 50 меховых шапок, 50 ватных брюк, 50 шерстяных шарфов, 50 пар валенок и 10 пар меховых валенок. Вместо шуб и полушубков разрешалось сдавать овчины. Осенью 1942 г. по Экиманской волости у крестьян было реквизировано 367,5 кг шерсти 145 меховых полушубков, 16 меховых шапок, 25 ватных брюк, 100 пар валенок и других теплых предметов [12, л. 1, 7, 179]. В июле 1943 г. районный сельскохозяйственный руководитель требовал от крестьян сдать по 500 г шерсти с каждой овцы под угрозой ее конфискации [10, л. 28]. Сбор материальных ценностей мог сопровождаться апеллированием к морали. По распоряжению столинского гебитскомиссара Столинская районная управа 31 декабря 1941 г. начала сбор теплой одежды для немецкой армии, пытаясь воздействовать на сознание местного населения, объясняя важность проводимой акции: «Всі як один чоловік мусяць зрозуміти, що просидіти в теплій хаті можна і без кожуха і що наш народ не може оцінювати свою майбутню жітку по вартості кожуха. Тому ми повинні як найкраще а як найкорше виконати цей почесний обов'язок, наложений на нас історією» [13, л. 54].

Конфискация продуктов вермахтом или гибель имущества в ходе боевых действий летом–осенью 1941 г. давала крестьянам повод требовать снижения

или отмены продналога. Крестьянин просил Борковичскую волостную управу Полоцкого района засчитать в налог реквизированное вермахтом сено, но получил отказ по причине отсутствия доказательств. Другой гражданин апеллировал к коменданту Дриссенского района с просьбой снять с него продналог, поскольку имуществу сгорело. Сельской администрации было указано, что уменьшение налогов с сельской общины недопустимо, можно только перераспределять их, перекадывая на тех крестьян, кто в состоянии заплатить [14, л. 14, 49]. В аналогичном случае в декабре 1942 г. сельскохозяйственная комендатура Осиповичского района предписывала старосте общины Побоквичи снять военный сбор с гражданки, переложив его на остальных членов общины на основе закона круговой поруки [15, л. 27].

Возможно, что даже в случае добровольного оказания помощи партизанам переданный скот и продукты могли оформляться документально как принудительно изъятые, что, с одной стороны, отводило от человека подозрение в сотрудничестве с партизанами, с другой стороны, давало возможность просить об уменьшении налогов. Чтобы реквизированный скот и продукты были засчитаны как налог, граждане в заявлении обстоятельно расписывали размер ущерба и подкрепляли его подписями старосты и свидетелей. В заявлении жителя Молодечненской волости от 20.10.1943 г. сообщалось, что он посадил 0,02 га табаку на не пригодной для этой культуры земле, в результате табак вырос плохой, и тот в количестве 10 кг забрали партизаны, выдав соответствующую расписку [16, л. 189]. Выдача расписок о реквизициях практиковалась партизанами для предотвращения репрессий оккупационных властей, которые рассматривали передачу продуктов партизанам как добровольную помощь.

Высокие натуральные налоги, внеплановые реквизиции и грабежи со стороны вермахта и местной полиции, дефицит тягловой силы вынуждали крестьян использовать семенной фонд для питания. В результате под угрозой срыва оказывалась посевная кампания, поэтому оккупационная администрация была вынуждена уже осенью 1942 г. выделять некоторым хозяйствам семенные ссуды для посева озимых и яровых на следующий 1943 г. В августе 1943 г. волостные бургомистры получили распоряжение начальника Полоцкого района взыскать семенную ссуду. Одновременно поручалось подготовить заявления на выделение ссуды озимой ржи на 1943 – 1944 гг. Оккупационная администрация предвидела повторение прошлогодней ситуации, когда образовавшийся после уплаты налогов дефицит зерна угрожал срывом посевной кампании, а значит, обеспечению продовольствием вермахта [10, л. 123].

Чтобы преодолеть сопротивление крестьян, не спешивших сдавать немцам продукты даже под угрозой расправы, оккупационная администрация ввела систему стимулирующих мер. Летом 1942 г. Полоцкий районный отдел заготовки продуктов через волостных бургомистров сообщал сельскому населению, что за сданную сельскохозяйственную продукцию они смогут приобретать товары (веревки, ведра, деготь) по твердым ценам в магазинах Центрального торгового общества “Восток” или обменивать излишки продуктов на дефицитные товары (соль, спички) [10, л. 147]. Помимо оплаты за сданную сельскохозяйственную продукцию в 1943 г. в Дриссенском районе начислялось определенное количество пунктов за некоторое количество сданной продукции: 30 яиц – 10 пунктов, 100 кг ржи, овса, ячменя – 20, 100 кг льносемена – 50, 1 м льняной ткани – 2 пункта и т.д. За начисленные пункты обещалась выдача продуктов из магазина из расчета: 10 пунктов – 1 кг соли, 3 – пачка махорки, 2 – килограмм сахара,

1 пункт – коробка спичек [17, л. 1]. 24 ноября 1941 г. жители г. Гродно были оповещены о введении премиальной системы. За сданный немецким властям 1 кг масла обещалась выдача 1 кг сахара и 2 пачек махорки, за каждые 5 яиц – 1 пачка махорки [18, л. 95].

Заключение

Несшее в пользу немецких оккупационных властей многочисленные повинности и налоги население Беларуси активно уклонялось от их исполнения. Введение премиальной системы при уплате ряда налогов и выполнении повинностей стало косвенным признанием со стороны оккупационных властей того факта, что система налогообложения не функционирует в нужном ей объеме. Анализ налогов и повинностей в период немецкой оккупации дает возможность реконструировать стратегии выживания гражданского населения Беларуси, оказавшегося под гнетом экономической системы нацистов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 2073. – Оп. 2. – Д. 111. Постановления бургомистра Витебска о сборах на территории г. Витебска и волостных общин.
3. ГАВО. – Фонд 2073. – Оп. 1. – Д. 7. Решения финансового отдела по заявлениям граждан об освобождении от уплаты подушного налога.
4. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 1607. – Оп. 1. – Д. 12. Приказ коменданта округа от 13.04.1944 об обеспечении охраны железной дороги, переписка с окружным комиссариатом и волостными управами о розыске эвакуированных, о социальном обеспечении и др.
5. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 18. Переписка с отделами управы, волостными управами о поставках продуктов питания и др.
6. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 2733. – Оп. 1. – Д. 9. Списки рабочих, заявления лесничества о присылке рабочей силы и переписка с бургомистром.
7. ГАБО. – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 14. Список сельских кооперативов и магазинов в Лунинецком районе и переписка с Лунинецким районным управлением и сельскими старостами о сборе клюквы по Лунинецкой волости и другим вопросам.
8. ГАБО. – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 20. Протокол, акты и сведения о грабежах населения Лунинецкой волости оккупационными властями и их сообщниками, составленные сельскими старостами и жителями деревень.
9. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 10. Переписка с Глубокским окружным комиссариатом, Браславской районной жандармерией о выделении продовольствия и др.
10. ГАВО. – Фонд 2823. – Оп. 1. – Д. 3. Распоряжения и указания Полоцкой райуправы.
11. ГАБО. – Фонд 684. – Оп. 1. – Д. 4. Газеты, листовки, объявления немецких оккупационных властей за 1941 – 1944 годы.
12. ГАВО. – Фонд 2823. – Оп. 1. – Д. 1. Распоряжения и отношения Полоцкой райуправы.
13. ГАБО. – Фонд 2138. – Оп. 1. – Д. 2А. Распоряжения, директивные указания и переписка по административно-хозяйственным вопросам.
14. ГАВО. – Фонд 2833. – Оп. 1. – Д. 1. Заявления граждан о предоставлении земли, оказании помощи и другим вопросам.
15. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 845. – Оп. 3. – Д. 3. Списки рабочих и служащих Осиповичского районного управления и др.

16. ГАМО. – Фонд 4228. – Оп. 1. – Д. 2. Переписка с районной управой по вручению крестьянам обязательств на государственные поставки, заявления крестьян.
17. ГАВО. – Фонд 2833. – Оп. 1. – Д. 2. Приказы и инструкции по Борковичской волости.
18. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Фонд 16. – Оп. 1. – Д. 3. Заказы гродненских предприятий и учреждений на изготовление бланков, объявлений и образцы заказов.

Поступила в редакцию 11.12.2012 г.

УДК 94(476) “1906 – 1912”

Е.П. ЦУМАРЕВА*

БЕЛОРУССКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ “ОКРАИНЫ РОССИИ” (1906 – 1912 гг.)

Исследуется освещение газетой “Окраины России” процесса становления и развития белорусского национального движения в Северо-Западном крае в начале XX в. Отражены дискуссионные вопросы, такие как признание или непризнание существования белорусского этноса и белорусского языка. Рассматривается взгляд столичных и окраинных деятелей консерватизма на белорусское общество, лидеров белорусского национального движения. Национальный вопрос – вопрос о взаимоотношениях (экономических, территориальных, политических, государственно-правовых, культурных и языковых) между нациями, национальными группами и народностями, вопрос о причинах возникновения противоречий между ними [1].

Введение

На идеологическом поле постсоветского пространства вновь актуализировался выбор между либерализмом и консерватизмом, центристскими тенденциями и суверенностью. Дискурсом международного значения являются теории “плавильного котла” и “мультикультурализма”, тесно переплетенные с национальными вопросами. В данном контексте особый интерес представляют взаимоотношения в восточнославянском мире, критическое осмысление которых в истории требует анализа взглядов, выраженных в СМИ. Важность прессы как исторического источника определяется публичностью борьбы; особо отметим, что в начале XX в. пресса являлась единственным средством массовой коммуникации.

Проблематику освещения национального вопроса в СМИ исследовали белорусские ученые В.М. Конон, Н.А. Зубчонок, А.Г. Слука [2; 3; 4]. Справочный характер имеет энциклопедическая статья о газете “Окраины России”, написанная М. Забавским и И. Забавской [5, с. 352]. Тем не менее, взгляд газеты на белорусский национальный вопрос специально не исследовался.

Задачей статьи является исследование идеологии консерватизма в отношении белорусского национального вопроса, выраженной в газете “Окраины России”.

Белорусские земли, входившие в состав Российской империи, в начале XX в. представляли собой многонациональное пространство с типологически

---

* Выпускница исторического факультета 2000 г.

отличными от империи религиозными, этническими, мировоззренческими характеристиками. Северо-Западный край являлся предметом исторического спора Российской империи и поляков. Данные характеристики обусловили значимость территории и, соответственно, определили моделируемый дискурс, тактику борьбы и мировоззренческие приоритеты, рупором которых являлась, в частности, петербургская газета “Окраины России” (1906 – 1912 гг.). Еженедельная политическая, общественная и литературная газета выпускалась с целью охраны “единства, нераздельности и целостности России” [6, с. 1]. Материалы, посвященные национальному вопросу, печатались в каждом номере на передовой и составляли следующий концепт: “Признавая Россию Русским государством, “Окраины России” защищали и будут защищать интересы и права Русского Государства и русского народа и отзываться на нужды русских людей, живущих на окраинах, и инородцев, преданных России” [6, с. 1]. Таким образом, освещение жизни на национальных окраинах, пропаганда идеи целостности и неделимости Российской империи были главной целью данного издания.

В редакторский состав газеты входили видные профессора, общественные и политические лидеры консерватизма: заслуженный профессор А.М. Золотарев (инициатор создания газеты); магистр богословия П.Г. Бывалькевич (редактор); славист, редактор “Варшавского дневника” профессор П.А. Кулаковский (издатель) [7, с. 952]; славист, уроженец Гродненщины, профессор русского и церковнославянского языка в Варшавском университете, горячий поборник славянского единства А.С. Будилович [8, с. 849]; филолог, профессор русского языка и словесности, автор исследований “Следы литовского влияния на славянские языки”, “Смоленско-полоцкий говор в XIII – XV вв.” А.И. Соболевский [9, с. 644]; профессор по кафедре энциклопедии и истории философии права Н.А. Зверев [10, с. 369]; профессор монгольской словесности А.М. Позднеев [11, с. 185]; сенатор, участник монархического движения князь А.А. Ширинский-Шихматов; выдающийся деятель московского губернского земства Ф.Д. Самарин [12, с. 175]. Перечисленные деятели являлись активными политическими лидерами, их взгляды влияли на позицию власти в отношении национальных окраин.

Основная часть

Оценка опыта того или иного инородческого вопроса зависела от степени развития национальной идеи, опасной с точки зрения правительства и, в данном случае, консервативной газеты для целостности империи [1, с. 107]. Анализ издания с 1906 по 1912 г. показывает, что белорусский национальный вопрос, в сравнении с польским и финским вопросом, в первые годы выхода газеты обсуждался достаточно редко. Особую актуальность долгое время имел польский вопрос, который являлся мерилем других “сепаратизмов” [13, с. 210]. Однако с оформлением и разворачиванием белорусского движения, появлением и развитием периодических изданий, печатанием “лемэнтарей”, формированием белорусского литературного языка росло и количество статей, в том числе на передовой, посвященных борьбе с данным явлением.

В фокусе национального дискурса находилось признание или непризнание существования белорусского этноса и белорусского языка. Позиция газеты “Окраины России” раскрыта в статье П. Кулаковского “Новый вид сепаратизма – белорусофильство”, размещенной на передовой номера, где профессор обозначил белорусское национальное движение как “новый нарождающийся русский *изм...*”, первым признаком которого, по мнению автора, было требование введе-

ния местного языка в сферу культуры и образования, развития местной литературы [14; 15].

Взгляд правой прессы на белорусский литературный язык характеризовался исключительно политическим аспектом. Белорусский язык воспринимался как находившийся между “русским делом” в крае и польским влиянием. Дилемма предполагала следующее: или поддержать развитие белорусского языка в противовес “полонизму”, или признать его слабым средством борьбы с поляками. Краевые “русские националисты” утверждали, что “нахватавшее некоторые польские слова и обороты” белорусское “наречие” не подходит для борьбы за “национальную самостоятельность” [16; 17].

Опасения монархических сил состояли в прогнозировании ситуации, когда развитие белорусского языка вызовет “отделение или обособленность края” от России, что противоречило теории триединства русского народа и главенства “великороссов”, из которой исходила в своих взглядах консервативная газета [17, с. 428].

В контексте проблемы отношения к белорусскому языку на страницах “Окраины России” выделяются две довольно схожие концепции. Первой был присущ либерально-консервативный взгляд, признававший “белорусское наречие”. Его представители проводили научные дискуссии с опорой на труды профессора Е.Ф. Карского, “чтобы стало ясно, что существуют лишь белорусские наречия, белорусские говоры, а не белорусский язык” [18]. Эта позиция свойственна для петербургских профессоров и выражена в статьях П. Кулаковского. В крайнем случае допускалось развитие белорусского литературного языка с использованием русского правописания. Второй подход может, на наш взгляд, характеризоваться как узконациональный, т.к. в отношении языков и даже наречий употреблялся термин “жаргон”. Критиковалось размежевание некоторыми историками терминов “русский” и “российский” и понимание под “русским” “то малорусское, то белорусское наречие, то сочиняемый “украинской громадой” так называемый “украинский” жаргон” [19, с. 376]. В отношении белорусского и украинского языков применялся термин “волапюк” в переносном значении – “набор слов из разных языков; тарабарщина” [20; 21]. Данная позиция свойственна публикациям краевых монархистов.

Ключевым аспектом в национальном вопросе становился процесс формирования самосознания белорусов, идеологической осью которого являлась проблема: с каким народом соотносит себя белорус – с русским или с польским? По мнению корреспондента Эльфи, даже говорящий на польском языке белорус не считает себя поляком, а скажет: “я русский, белорус или малорус” [22, с. 680]. Отдельным пунктом рассматривалась “тутейшость” как самоидентификация белорусов. Здесь монархическое издание определило два подхода: с одной стороны, эти люди признавались “потерявшими национальное сознание” в сравнении с русскими; с другой стороны характерна поддержка “тутейшости” в смысле проявления “сознания, что они... просто ополяченные мало- и белорусы”. В этом аспекте “тутейшость” противопоставлялась ополячению: “Пора скинуть с себя навязанную веками польскую личину” [23]. В то же время, несмотря на рьяное доказывание существования российской общности, прослеживается устойчивое, подсознательное разграничение русских, живущих на окраине, и “тутэйшых” белорусов. Консервативная пресса оценивала самосознание белорусов как “слабое”, утратившее “свою веру и свою народность” [24, с. 500]. Вышесказанное, а также замечание, что «польская печать обеспокоена проявлением “тутэйшнос-

ти» [23], свидетельствует об ориентации как польских сил с “дораздельными” взглядами, так и российских имперских сил на создание препятствий в формировании белорусского национального сознания.

При изучении белорусского общества в газете ярко проявилась тенденция к членению его на категории и рассмотрению исторической роли в контексте преданности России, а значит, и имперским национальным интересам. Особую критику снискала интеллигенция, оказавшаяся, по мнению краевых “истинно русских”, “ренегатом” [25]. В отличие от дворянства, она не перешла в польский стан, но поддерживала идею белорусского национального возрождения. Монархическая пресса расценивала такую позицию как желание иметь статус “передовых людей”, в то время как от нововведений зачастую “польза... весьма сомнительная”. Поведение интеллигенции подавалось как ненатуральное, копирующее мужика, “насмешливое отношение к нему и к его мужицким оборотам речи” [17, с. 427]. Деятели движения названы “лапацонами” [15]. Один из лидеров партии умеренно-правых, депутат граф В.А. Бобринский, особо порицал предательство помещиков на примере древнерусских родов Огинских, Тышкевичей, Тризнов, Рогинских, Ваньковичей, Закревских, Пашковских и других, которые, “к вечному стыду и позору”, изменили “вере предков своих... родине своей, минское дворянство переманили поляки” [26, с. 331]. Более стойким к польским почестям и богатству выделено “доблестное западно-русское мещанство”, которое “можно было только уничтожить”. В статье отмечается, что с 1720 г. польский сейм проводил политику уничтожения западно-русского мещанства “путем засилья еврейского” [26, с. 331]. Особо стойким оказалось крестьянство: “Переманить... как дворян, нельзя, уничтожить его, как западно-русское мещанство, также невозможно”, тогда целью поляков стало “экономически поработить русского крестьянина”. В результате проводимой политики он был превращен в “быдло польского помещика”, все же сохранив “сознание и любовь к православной вере и к родине своей” [26, с. 331].

Большинство корреспонденций представителей консервативно-черносотенного лагеря Северо-Западного края “правее” политики власти, которая в национальном вопросе охарактеризована как “податливая”, некоторые чиновники представлены “незнающими жизни края”, или, как «поляки говорят... “простодушные москали»» [27, с. 140].

Многие просчеты в проводимой национальной политике относили к царствованию Александра I, когда, по мнению П. Кулаковского, руководители “мечтали о восстановлении Польши с отдачею ей русских стран” [228, с. 97]. Обвинение власти в попустительстве “ополячению” белорусов продолжено примером 1811 г., когда по представлению литовского генерал-губернатора графа Л.Л. Бенигсена был введен польский язык в судебные учреждения края взамен русского [14, с. 306]. Также “непониманием положения” некоторыми управленцами на страницах газеты названа «мысль о переводе... католических песнопений на белорусский “язык»» [14, с. 307]. Особое опасение вызывала деятельность Министерства народного просвещения, которому профессор адресовал вопрос: “Поняли ли местные агенты его в Северо-Западном крае, что там просвещение может быть только русское...”. Агрессивной критике подверглась Императорская Академия Наук за издание труда Н.А. Янчука “Памятники белорусского языка и словесности”, содержавшего “все произведения чисто народного творчества и все художественно-литературные опыты на белорусском языке”. Это расценено как помощь “новому виду сепаратизма”. Под сомнение ставился

статус научного заведения за подобную деятельность, а также из-за почетного членства в нем М. Горького [29, с. 376].

Особое место на страницах газеты занимала критика пассионариев белорусского движения, и в особенности деятелей литературы и искусства. Среди «опытов белорусской художественной литературы» упоминаются произведения В. Дунина-Марцинкевича, И. Маньковского, Т.Г. Лады-Заблоцкого, Я. Борщевского, А. Рыпинского, А.И. Даревского, Я. Лучины, А. Ельского, Ф. Богушевича, В. Дыбовского, М. Морозика, написанные «разными «цёткамі»». Особое опасение высказано по поводу ознакомления белорусов с творчеством А. Мицкевича, ведь они «проникнутся его гнусной иезуитской моралью и его фанатической ненавистью к России» [29, с. 376]. Авторы названы «самозванцами «песьнярыя беларускімі»», а их деятельность охарактеризована как имеющая «полонизаторские цели» хотя бы потому, как утверждал учитель церковно-приходской школы Виленской губернии Т. Божелко, что «беларускіе лемэнтари» и другие книги «для дзетак беларусаў» написаны «польскими и русскими буквами» [17, с. 430].

Систематически краевые «истинно русские» характеризовали лидеров белорусского и украинского национального движения и их труды как «подпольные польско-еврейские произведения», к авторам употреблялось обращение «пань» с целью противопоставления их личности и творчества «цельной и честной белорусской народной массе» [20 с. 197].

Заклучение

Таким образом, в отношении белорусского национального вопроса газета «Окраины России» заняла официально-охранительную позицию; движение обозначено собственным термином – «русский сепаратизм», в борьбе с которым применялся идеологический прием разделения народа на категории, критика деятелей национального возрождения. В консервативной идеологии, выраженной газетой, дифференцированы две концепции: либерально-консервативная и черносотенно-монархическая. Первая содержала либеральные традиции в критике оппонента, политических оценках, научности и характерна в большей степени столичным корреспондентам. Публикациям краевых «истинно русских» свойственно тяготение к черносотенству, стремление сблизить белорусов с «великоросами» через настраивание первых против польского и еврейского населения края и белорусских пассионариев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бахтурина, А.** «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии / А. Бахтурина // Русский национализм: Социальный и культурный контекст : сборник статей ; сост. М. Ларюэль. – М., 2008. – С. 105–129.
2. **Зубчонак, Н.А.** Беларускі друк у перыяд станаўлення нацыянальна-дэмакратычнага руху (1906 – 1917 гг.) : дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.10 / Н.А. Зубчонак ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2001. – 105 с.
3. **Конон, В.М.** Проблемы искусства и эстетики в общественной мысли Белоруссии начала XX в. / В.М. Конон ; под ред. С.Х. Александровича. – Минск : Наука и техника, 1985. – 200 с.
4. **Слука, А.Г.** Беларуская журналістыка: падручнік / А.Г. Слука. – Мінск : БДУ, 2011. – 447 с.
5. **Забайскі, М.** «Окраины России» / М.М. Забайскі, І.І. Забайская // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. ; гал. рэд. Г.П. Пашкоў. – Мінск : БелЭн, 1999. – Т. 5. – 592 с.

6. Передовая // Окраины России. – 1906. – № 1. – С. 1.
7. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон / под ред. проф. И.Е. Андреевского. – СПб. : Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. – Т. XVI (А). – С. 481–960.
8. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон / под ред. проф. И.Е. Андреевского. – СПб. : Типо-Литография И.А. Ефрона, 1891. – Т. IV (А). – С. 473–940.
9. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон / под ред. проф. К.К. Арсеньева. – СПб. : Типография Акц. Общ. “Издательское Дело”, Брокгауз-Ефрон, 1900. – Т. XXX (А). – С. 481–960.
10. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон / под ред. проф. К.К. Арсеньева. – СПб. : Типо-Литография И.А. Ефрона, 1894. – Т. XII. – 480 с.
11. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон / под ред. проф. К.К. Арсеньева. – СПб. : Типо-Литография И.А. Ефрона, 1898. – Т. XXIV. – 474 с.
12. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон / под ред. проф. К.К. Арсеньева. – СПб. : Типография Акц. Общ. “Издательское Дело”, Брокгауз-Ефрон, 1900. – Т. XXVIII (А). – 25–496 с.
13. **Кэмпбелл (Воробьева), Е.И.** “Единая и неделимая Россия” и “Инородческий вопрос” в имперской идеологии самодержавия / Е.И. Кэмпбелл (Воробьева) // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / Моск. обществ. науч. фонд ; под науч. ред. Б.В. Ананьича, С.И. Барзилова. – М., 2001. – 513 с. – С. 204–217.
14. **Кулаковский, П.** Новый вид сепаратизма – белорусофильство / П. Кулаковский // Окраины России. – 1907. – № 20. – С. 305–308.
15. Обзорение событий и окраинная жизнь // Окраины России. – 1906. – № 27. – С. 465.
16. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1909. – № 7. – С. 105–106.
17. **Божелко, Т.** Против книжного белорусского языка / Т. Божелко // Окраины России. – 1908. – № 29–30. – С. 427–430.
18. **Кулаковский, П.** Русские сепаратизмы / П. Кулаковский // Окраины России. – 1912. – № 2. – С. 23.
19. Из польской печати // Окраины России. – 1911. – № 24. – С. 375–376.
20. Новый поход на Белоруссию / Белорус // Окраины России. – 1908. – № 13. – С. 195–197.
21. Волашук // Толковый словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.slovopedia.com/15/194/1495043.html>. – Дата доступа : 12.04.2011.
22. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1910. – № 47. – С. 679–681.
23. Из польской печати // Окраины России. – 1909. – № 3. – С. 47.
24. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1910. – № 34–35. – С. 499–501.
25. Голос из Белорусии // Окраины России. – 1907. – № 43. – С. 626.
26. Белая Русь. Речь, произнесенная графом В.А. Бобринским в г. Минске при открытии отдела Всероссийского национального союза // Окраины России. – 1911. – № 22. – С. 330–333.
27. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1907. – № 9. – С. 138–140.
28. **Кулаковский, П.** Русские сепаратизмы / П. Кулаковский // Окраины России. – 1912. – № 7. – С. 97–99.
29. Императорская Академия Наук и инородческие сепаратизмы / Н. Крин // Окраины России. – 1907. – № 24. – С. 375–376.

Поступила в редакцию 20.06.2012 г.

УДК 94(476) “1921 – 1941”

Д.Н. ПОНУЖДАЕВ¹

СОВЕТСКАЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ МИЛИЦИЯ В УСТРАНЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР В КОНЦЕ 1939 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 г.

Рассматривается деятельность рабоче-крестьянской милиции в контексте сложившейся в конце 1939 – начале 1941 г. XX в. в Западной Белоруссии общественно-политической обстановки и проводимой органами советской власти политики в отношении антисоветских оппозиционных сил. Доказывается оказание милицией содействия партийно-советским органам в выявлении, задержании участников антисоветских организаций и ее участие в проводимых депортациях отдельных категорий населения. Посредством анализа научных трудов, публикаций историков и архивных источников конкретизируются функции рабоче-крестьянской милиции в этой деятельности.

Введение

Военно-политические события осени 1939 г., связанные с присоединением к БССР западной части, привели не только к кардинальным изменениям в социально-политических отношениях в обществе, но и впоследствии трагически сказались на судьбе населения, проживавшего на данной территории. Установившееся государственное и общественное устройство привело к изменению в политической системе и нарастанию социальной напряженности. Наряду с лояльно настроенными к советской власти белорусами и евреями, рассчитывавшими на повышение своего социального статуса и ожидавшими для себя улучшений в социальной сфере поляки встретили новую власть настороженно.

Продолжительное время в современной польской историографии событий 1939 – 1941 гг. доминировало мнение, что поляки являлись жертвами агрессии со стороны белорусов и евреев как активных пособников советской власти [1, с. 50]. Период конца 1939 – первой половины 1941 г. в белорусской историографии трактовался поверхностно и без досконального анализа всех имеющихся документальных источников. В научных трудах советского времени события 1939 – 1941 гг. были достаточно идеологизированы партийно-советскими органами, а сведения, нежелательные для огласки, были засекречены. Общественно-политическая деятельность рабоче-крестьянской милиции на территории западных областей БССР была всесторонне изучена. В работах исследователей не находили своего полного отражения вопросы участия сотрудников милиции в репрессивной политике советской власти, депортации отдельных категорий населения и др.

Основная часть

До создания в западных областях в начале ноября 1939 г. органов Народно-го комиссариата внутренних дел БССР первоначально образованные в соответствии с приказом командующего войсками Белорусского фронта № 5 от 21 сентября 1939 г. отряды рабочей гвардии уже рассматривались “как оперативно-подвижные группы для подавления бандитских шаек, очищающие районы от бродячих офицерских, жандармско-полицейских и солдатских групп быв-

¹ Выпускник исторического факультета 1998 г.

шей польской армии” [2, с. 16, 17]. Направление из других регионов 4 430 сотрудников НКВД и милиции, что составило 27% от общего количества всех прибывших, подчеркивало сделанную советской властью ставку в наведении порядка на “внутреннем фронте” силами сотрудников Наркомата внутренних дел [2, с. 219].

Основной целью советской власти при создании органов внутренних дел являлось формирование отлаженного административно-силового механизма, который должен был уничтожить все очаги сопротивления и недовольства, внешнюю и внутреннюю политическую оппозицию, принять меры по устранению имевшихся социальных проблем и противоречий, пресечь все возможные попытки противодействия проводимым новой властью мероприятиям, в том числе посредством создания широкой осведомительной сети и организации активной агентурной работы. Одним из звеньев в реализации этой стратегической линии стала рабоче-крестьянская милиция, принципы формирования и комплектования которой предполагали идейную сплоченность и преданность советской власти.

Характерной чертой кадровой политики этого периода стало направление на различные должности работников из восточных областей СССР. Среди них преобладали белорусы, составляя около 45% “восточников”, но их число было не намного выше, чем русских (32–38%). Именно они стали ядром формирующейся системы управления [3, с. 34]. Аналогичный принцип применялся и при создании органов милиции.

Управления рабоче-крестьянской милиции были укомплектованы в основном за счет оперативного состава, посланного из НКВД республик, УНКВД краев-областей, особых органов НКВД БВО и погранорганов НКВД [4, с. 125–126]. Быстрые темпы направления в западные области сотрудников из других регионов не останавливал возникавший значительный некомплект в некоторых областных управлениях. В Могилевском областном управлении РКМ в июле 1940 г. некомплект после откомандирования сотрудников в западные области составил 252 единицы [5].

Направляемые сотрудники, как правило, назначались на руководящие должности. Замещение нижестоящих должностей производилось из числа местного населения, не имеющего компрометирующего материала и буржуазного прошлого, зарекомендовавшего себя положительно в рядах рабочей гвардии. Как свидетельствуют архивные документы, по управлению рабоче-крестьянской милиции Белостокской области руководство избегало приема на службу кавалеристов польской армии (уланов), т.к. это были представители зажиточной части польского населения. На командные должности не принимались представители состава польской армии, а их замещение осуществлялось из числа демобилизованных красноармейцев. На административно-технические должности принимались лица только из разряда низших служащих польских учреждений, в отношении которых не имелось “компры”, из незажиточных слоев населения. Такие жесткие критерии отбора на службу в милицию из числа местного населения приводили к тому, что некомплект осенью-зимой 1939 – 1940 гг. в некоторых подразделениях был значительным. Кроме того, комплектование отдельных должностей в Белостокской области осложняло незнание большинством населения Августовского, Граевского, Высоко-Мазовецкого и Ломженского уездов русского и белорусского языков [6]. Ситуация с укомплектованием органов милиции стала улучшаться со второй половины 1940 г. Только в Барановичской

области из рабочей гвардии и добровольной сельской милиции было принято в штатные органы внутренних дел примерно полторы тысячи человек [7].

Работа милиции западных областей БССР протекала в сложных условиях. Если в восточных областях борьба велась главным образом с общеуголовными преступлениями (грабежами, кражами, хулиганством, хищениями социалистической собственностью и др.), то в западных борьба шла в первую очередь с политическим и уголовным бандитизмом, а также с различными видами профессиональной преступности. В связи с активизацией контрреволюционных, националистических и уголовных элементов в середине 1940 г. в западных областях в структуре управлений государственной безопасности и милиции были организованы отделения по борьбе с бандитизмом, которые тесно взаимодействовали между собой [8, с. 86-88; 9, с. 149-150].

Искоренение антисоветского движения в западных областях было невозможно из-за поддержки со стороны других государств, в том числе Германии, которая перед началом войны была заинтересована в расколе белорусского общества. С этой целью при Министерстве внутренних дел Германии было создано Белорусское представительство, которое занималось вербовкой лиц, желающих оказать помощь Германии в так называемых “белорусских вопросах”. С установлением советской власти в западных областях под видом беженцев немцы перебросили на территорию СССР значительные кадры своей агентуры [10, с. 471]. Органы государственной безопасности проводили разработки подозрительных лиц на причастность к вражеской агентуре, в том числе по информации, поступающей от сотрудников милиции. Органы милиции также активно способствовали задержанию и ликвидации участников польских антисоветских организаций “Стрелецкий Союз”, “Союз вооруженной борьбы”, “Батальон смерти” и др. [11, с. 17-19, 27-28].

Выявление, оперативное сопровождение и задержание участников антисоветского сопротивления в западных областях являлось основной задачей органов государственной безопасности. На эти подразделения работали все властные структуры и просоветски настроенное население – от простого крестьянина и рабочего до руководителя предприятия и секретаря партийной организации. Созданная органами государственной безопасности агентурно-осведомительная сеть позволяла из различных источников получать информацию о недовольных советской властью, ведущих антисоветскую деятельность. Специфика работы милиции заключалась в постоянном пребывании среди людей, в связи с чем сотрудники в процессе повседневной деятельности получали от граждан оперативную информацию, которая впоследствии передавалась соответствующим органам. На выявление такого рода информации милиционеры ориентировались ежедневно и поэтому помимо раскрытия уголовных и имущественных преступлений в милицейских сводках того времени находили место факты выявления и задержания активистов нелегальных антисоветских организаций.

В 1940 г. на железнодорожной станции Тэвли милиционерами был задержан вооруженный шпион-диверсант, при обыске которого были обнаружены два пистолета, крупная сумма американских долларов, польских злотых, немецких марок [12, с. 3]. В декабре 1939 г. начальник управления рабоче-крестьянской милиции Белостокской области в докладе секретарю обкома ВКП(б) указывал, что участковый уполномоченный Высоко-Мазовецкого уезда Вербовский, увидев поздно вечером в г. Лапы собравшихся на улице 29 человек, присоединился к их разговору и, узнав, что один из собравшихся призывает всех “на восстание

против советской власти”, вызвался устроить приезжих на квартиру и предоставить им подводы. Сотрудник милиции “под видом устройства на квартиру привел на двор уездной милиции” троих заговорщиков. Один из задержанных, гражданин Эриминович, как следовало из доклада, оказался “руководителем и организатором повстанческой организации” [13].

Известным является факт задержания в сентябре 1940 г. эмиссара Пясецкого, продолжительное время осуществлявшего антисоветскую деятельность в молодежной среде. В результате задержания получил смертельное ранение милиционер Ивьевского районного отделения В. Мисса и проявил грамотные профессиональные действия участковый П. Ивуть [11, с. 48-49]. В работах ученых и документальных источниках приводятся факты, подтверждающие участие бригадмильцев и партийно-комсомольских активистов в выявлении и задержании совместно с милицией “агентов иностранных государств, заброшенных на территорию СССР для выполнения шпионско-диверсионных заданий” [9, с. 150].

Одна из функций милиции – пресечение различных антисоветских собраний. В январе 1940 г. в информационной записке “О политико-моральном состоянии населения Радошковичского района” секретарь Радошковичского райкома КП(б)Б докладывал секретарю Вилейского обкома КП(б)Б, что «28 января в Радошковичах по Друтовской улице в доме Садовского Антона под видом вечеринки было собрание польского населения, на котором велись антисоветские разговоры. После посещения вышеуказанного собрания работниками милиции на окнах квартиры милиционера Юховича были наклеены контрреволюционные листовки с содержанием “вон жидовскую власть”» [2, с. 107].

Исследователями истории милиции не отмечалось участие сотрудников органов внутренних дел в проведенной в конце 1939 – начале 1940 г. на территории западных областей БССР крупномасштабной операции по выселению осадников и работников лесной охраны. Краткое упоминание об этом имеется в статьях профессора А. Хацкевича [14, с. 91]; на широкое использование милицейских сил во время массовой депортации населения из западных областей БССР в 1940 – 1941 гг. указывает М.П. Костюк [15, с. 21]. Однако конкретно-исторические примеры участия органов милиции в подобных операциях единичны.

Лесники, лесничие, техники и инженеры государственных учреждений лесоохраны играли ведущую роль в формировании резервных складов и хранилищ для создания впоследствии польских партизанских отрядов и диверсионных групп. Они имели военную подготовку по организации и проведению повстанческой деятельности, знали свои обязанности во время подготовки к вооруженной борьбе и при непосредственных военных действиях [11, с. 25]. Осадники – бывшие польские военные, отметившиеся в польско-советской войне 1920 г. и получившие в качестве награды наделы на этих территориях. До 1929 г. на западнобелорусских территориях их проживало 8,4 тыс., и они относились к категории зажиточного населения [16, с. 451].

Решение о депортации осадников и работников лесной охраны было обусловлено их потенциальной опасностью для советской власти. Не являясь сторонниками новой власти и проживая в подавляющей своей массе на хуторах, они представляли значительную конспиративную и разведывательную базу для антисоветских сил. Такая склонность жителей хуторских хозяйств приграничных районов, особенно поляков, подчеркивалась Наркомом внутренних дел БССР в докладной записке в Центральный комитет КП(б)Б БССР в октябре 1937 г. [17].

Причины депортации данной категории населения также лежали и в плоскости социально-экономических интересов: советская власть таким образом решила проблему имевшегося негативного отношения малоимущего крестьянства к этой категории зажиточного населения. Путем перераспределения его имущества устраняла социальную напряженность между богатыми и бедными в сельской местности, и этим поднимала свой авторитет у последних.

25 сентября 1939 г. в письме И.В. Сталину секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко писал, что “многих осадников и помещиков крестьяне истребляют (вешают, расстреливают, убивают) или приводят и сдают Временным управлениям” [2, с. 17]. В направленной в декабре 39-го И.В. Сталину информации он снова указывает о настроенности крестьян “против осадников”, характеризует благосостояние этой категории населения и вносит предложения по дальнейшему перераспределению их материально-хозяйственных средств, в том числе по выделению “1000 лошадей для конной милиции Белоруссии” [18, с. 101-102].

Операции по выселению осадников и работников лесной охраны предшествовали подготовительные мероприятия. К началу января 1940 г. с “исключительной конспирацией” был проведен предварительный учет осадников, работников лесной охраны и членов их семей, создано 37 оперативных участков и 4 005 оперативных троек. В формирование оперативных троек и подразделений, которые непосредственно проводили выселение людей и конвоирование их к месту погрузки в эшелоны, было включено 6 718 красноармейцев и милиционеров. Помимо этого в западных областях для участия в операции было отобрано 4 632 человека, в число которых также входили работники милиции и партийного актива [14, с. 91-92]. В ходе операции, начавшейся 10 февраля 1940 г., было репрессировано 9 584 хозяйства (50 732 человека).

21 февраля Нарком внутренних дел БССР Л. Цанавя доложил П.К. Пономаренко о результатах проведенной операции, в ходе которой умерло и было убито 4 человека [2, л. 110]. Однако данная информация не совсем соответствует действительности. Согласно оперативному отчету начальника УНКВД по Белостокской области от 10 февраля 1940 г. “О проведенной операции по выселению осадников и работников лесной сторожевой охраны по Белостокской области” на имя наркома внутренних дел сообщалось, что только в Волковысском уезде “при конвоировании выселяемых на станцию умерло четверо детей”. В этом же отчете указывалось, что милиционером Денисенко в Волковысском уезде при оказании сопротивления был убит осадник Высоцкий, труп которого был оставлен у председателя волостного крестьянского комитета и “утром похоронен в присутствии оперативных работников” [19]. В докладной записке Наркома внутренних дел БССР от 21 февраля нет ни одного упоминания об участии в операции сотрудников милиции, а участвовавшие в ней назывались “оперативная тройка”, “оперативно-командный и рядовой состав”, “местный актив” и т.д. [2, л. 109, 113]. Сотрудники милиции приняли участие и в проведенной 29 июня 1940 г. операции по выселению из западных областей республики беженцев из оккупированной Германией Польши, что находит свое отражение в работах А. Хацкевича [20, с. 74].

Подсчитать истинное количество жертв депортации населения, проведенных советской властью в тот период, невозможно. Главным для органов внутренних дел было неукоснительное соблюдение сроков проведения депортации, а дальнейшая судьба и место высылки граждан их не интересовала. Так, в мае 1941 г. на запрос управления Народного комиссариата внутренних дел по Бара-

новичкой области об установлении местонахождения гражданки Готтесман начальник паспортно-регистрационного отделения Слонимского городского отдела НКВД сержант милиции Кац сообщал кратко, что ее “в марте месяце 1940 г. во время операции Слонимского ГО НКВД вывезли неизвестно куда” [21].

Развернутая в западных областях паспортизация населения, функции которой возлагались на милицию, преследовала своей целью не только учет проживающего здесь населения, но и выявление антисоветски настроенных граждан с целью последующего их выселения или оперативного наблюдения за ними сотрудниками госбезопасности. В докладной записке заместителя начальника УНКВД по Барановичской области секретарю обкома КП(б)Б от 8 июня 1940 г. отмечалось, что “...перед началом паспортизации нами были даны указания работникам милиции, отвечающим за выдачу паспортов, о том, что последние в процессе своей работы должны устанавливать и выявлять всех лиц, скрывающихся от выселения или ареста, а также полицейских, офицеров и другого антисоветского элемента. В результате проведенной работы через паспортные пункты г. Барановичи были выявлены 32 семьи, подлежащие выселению из пределов БССР. Кроме этого, выявлено антисоветского элемента, как то: сержантов бывшей польской армии, торговцев, членов семей, главы у которых бежали за границу и т.д. – 432 человека. Весь этот контингент взят нами на оперативный учет” [2, л. 162-163].

В предвоенные годы сотрудники органов внутренних дел также выполняли важные функции по обеспечению общественного порядка во время подготовки и проведения важных политических мероприятий и кампаний (выборы в Верховные Советы СССР, БССР в марте 1940 г. и местные Советы в декабре этого же года и др.). Проводились мероприятия по раскрытию готовящихся террористических актов и преступлений, совершенных в отношении партийных и советских руководителей, пресекалась всякая антисоветская деятельность.

Заключение

Конкретный историко-правовой материал свидетельствует, что при комплектовании органов милиции западных областей БССР изначально закреплялся классово-национальный подход и формировался идейно стойкий, в подавляющем большинстве не обремененный родственными связями и национальной общностью, аппарат принуждения и подавления различных антисоветских проявлений, четко и слаженно решающий военные и общественно-политические задачи.

Созданные органы охраны общественного порядка стали составной частью административно-силового механизма советской власти, и в их деятельности значительно повысилась роль политического сыска, а именно: при осуществлении охраны общественного порядка повышенное внимание сосредотачивалось на задержании шпионов, диверсантов, бывших полицейских и т.п., целью паспортизации было также выявление антисоветского элемента и лиц, скрывающихся от выселения. Фактически вся проводимая борьба с преступностью являлась борьбой за установление на территории западных областей БССР новой власти. Особенно роль милиции возрастала в период проведения важных политических кампаний, когда обострялась борьба с оппозиционными организациями и возникала наибольшая вероятность совершения с их стороны действий по дестабилизации обстановки. Немаловажным аспектом являлось и то, что в рассматриваемый период сотрудники милиции активно задействовались в оказании помощи различным ведомствам в решении возложенных на них задач: орга-

низации первых колхозных хозяйств, проведении агитационной работы среди населения и др. Определенное участие было принято и в проведенных советской властью репрессивных мероприятиях и депортации за пределы республики неблагонадежного элемента. В этих процессах сотрудники милиции, наряду с военными и партийными органами, входили в состав сформированных оперативных групп и проводили мероприятия по установлению лиц, подлежащих высылке, их предварительному учету и непосредственному выселению из жилищ, конвоированию на сборные пункты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Струнец, С.В.** Освещение в современной польской историографии проблематики межнациональных отношений на территории западных областей БССР в 1939 – 1941 гг. / С.В. Струнец // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2012. – № 2. – С. 50–57.
2. Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі... Верасень, 1939 г. – 1956 г. : дакументы і матэрыялы : у 2 кн. / У.І. Адамушка [і інш.]. – Мінск : Беларусь. Навука, 2009. – Кн. 1 : Верасень 1939 – 1941 г. – 340 с.
3. **Струнец, С.В.** Особенности советской национально-кадровой политики при формировании представительных органов власти западных областей БССР в 1939 – 1941 гг. / С.В. Струнец // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2012. – № 3. – С. 33–39.
4. Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917 – 2007) / сост. К.И. Барвинок [и др.] ; под ред. канд. ист. наук, доц. К.И. Барвинка, д-ра ист. наук, проф. А.Ф. Вишневого ; авт. ист. очерка К.И. Барвинок, А.Ф. Вишневикий. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.
5. Списки рекомендуемых обкомом КП(б)Б членах, кандидатах ВКП(б), членов ВЛКСМ для работы в органах НКВД в Западной Белоруссии. Переписка обкома с райкомами КП(б)Б о подборе кадров в школы НКВД январь 1940 г. – май 1941 г. // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Фонд 9. – Оп. ба. – Д. 127. – Л. 32.
6. Документы о работе правоохранительных органов, о работе с личным составом РКМ Белостокской области (протоколы, сообщения, докладные записки, справки, переписка). 29.12.1939 г. – 10.06. 1941 г. // Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГРО). – Фонд 6195. – Оп. 1. – Д. 731. – Л. 10б.
7. Милиция Гродненщины: Страницы истории / А.А. Белошевский [и др.] ; под общ. ред. А.А. Белошевского. – Гродно : ГОУПП “Гродненская типография”, 2002 – 336 с.
8. Белорусской милиции 50 лет (1917 – 1967 гг.): Краткий очерк. – Минск : МООН БССР. – 1967 – 208 с.
9. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917 – 1987 / В.Н. Савичев [и др.] ; под ред. В.А. Пискарева. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.
10. **Мозохин, О.Б.** Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом / О.Б. Мозохин. – М. : Кучково поле, 2011. – 624 с.
11. Милиция Гродненщины: страницы истории / Г.Г. Евчар [и др.] ; под общ. ред. Хоцько Г.Е. – Гродно : Гродн. тип., 2007. – 392 с.
12. **Круглов, Г.** Пример высокой бдительности / Г. Круглов // На страже Октября. – 1967. – 22 дек. – С. 3.
13. Сцецообщения, сводки начальника УРКМ УНКВД по Белостокской области о происшествиях в г. Белостоке и области 1939 г. // Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГРО). – Фонд 6195. – Оп. 1. – Д. 230. – Л. 22.
14. **Хацкевіч, А.Ф.** Арышты і дэпартацыі ў Заходніх абласцях Беларусі (1939 – 1941 гг.) / А.Ф. Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 1. – С. 89–94.
15. **Касцюк, М.П.** Характер беларускай дзяржаўнасці ў XX ст. і задачы міліцыі / М.П. Касцюк // Милиция Беларуси 90 лет: История и современность : мат-лы науч.-практ. конф., Минск, 27 февраля 2007 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, Минск, 2007. – С. 18–22.

16. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – Т. 5 : Беларусь у 1917 – 1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2007. – 613 с.
17. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД октябрь-ноябрь 1937 г. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 12055. – Л. 78–95.
18. **Адамушка, У.І.** Палітычныя рэпрэсіі 20 – 50-ых гадоў на Беларусі / У.І. Адамушка. – Мінск : Беларусь, 1994. – 158 с.
19. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГрО). – Копия оперативного отчета и сводка о результатах проведенной операции по выселению осадников и работников лесной сторожевой охраны Белостокской области 1940 г. – Фонд. 6195. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 7.
20. **Хацкевіч, А.Ф.** Арышты і дэпартацыі ў Заходніх абласцях Беларусі (1939 – 1941 гг.) / А. Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994 г. – № 2. – С. 70–76.
21. Переписка с управлением милиции УНКВД по Барановичской области 1941 г. // Государственный архив Гродненской области. – Фонд. 576. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 12.

Поступила в редакцию 22.11.2012 г.

УДК 94(476) “1907/1916”

М.В. ГРОМЫКО*

“ВЕСТНИК ВИЛЕНСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ДУХОВСКОГО БРАТСТВА” КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРЕССЫ В 1907 – 1916 гг.

В статье отражается позиция “Вестника виленского православного Свято-Духовского братства” по важнейшим вопросам общественно-политической жизни Российской империи. Автор отмечает, что журнал при помощи печатного слова, через агитационно-пропагандистскую и просветительскую работу среди населения способствовал укреплению позиций православия, самодержавия и “русской народности” в Северо-Западном крае в 1907 – 1916 гг.

Введение

Братство, возникшее во второй половине XVI в. под именем Свято-Троицкого, а впоследствии переименованное в Свято-Духовское, было восстановлено при виленском Свято-Духовском монастыре по инициативе генерал-губернатора М.Н. Муравьева и митрополита литовского и виленского Иосифа (Семашко) в 1865 г. Оно состояло из духовных и светских лиц, которые посредством миссионерской, церковно-просветительской и благотворительной деятельности содействовали укреплению позиций православия на западе Российской империи.

Активизация деятельности братства была связана с правительственным Манифестом от 17 апреля 1905 г. “Об укреплении начал веротерпимости” и переходом православных белорусов в католичество (более 30 тыс. только за 1905 г.).

---

* Выпускница исторического факультета 2004 г.

Целью статьи является освещение позиций “Вестника виленского православного Свято-Духовского братства” по вопросам государственного устройства, а также анализ его роли в общественно-политической жизни Российской империи.

Основная часть

Указом Св. Синода от 31 января 1907 г. за № 1332 виленскому православному Свято-Духовскому братству было разрешено издавать журнал под названием “Вестник виленского православного Свято-Духовского братства”, который заменил собой для духовенства Литовской епархии неофициальную часть “Литовских епархиальных ведомостей”. Ответственным редактором этого издания стал помощник архивариуса Виленского центрального архива Д. Довгяло. Журнал выходил 2 раза в месяц и стоил подписчикам 3 руб. в год, а вместе с “Литовскими епархиальными ведомостями” 5 руб. [1, с. 1]. В уставе братства, утвержденном 27 января 1907 г. архиепископом литовским и виленским Никандром, заявлялось, что целью данной организации является “служение нуждам Православной церкви в Северо-Западном крае России и содействие к расширению в народе религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви и русской народности” [2, с. 68]. С помощью печатного слова братство намеревалось содействовать “укреплению народа в православной вере, в любви к церкви и православному богослужению, в преданности престолу и отечеству и изучению минувших судеб края” [2, с. 68]. Для этих целей был создан издательский комитет, куда вошли архимандрит Иоанн, А.В. Белецкий, священник М.М. Пашкевич, священник Д.Г. Модестов, В.К. Недельский, Н.И. Лузгин, Г.Я. Киприянович, Е.Р. Романов, М.И. Врублевский. Сам издательский комитет возник по инициативе Алексея Викторовича Белецкого, который был автором программы и названия издания [3, с. 2-3].

Передовая статья “Вестника” братства, который вышел 1 марта 1907 г., так объясняла читателям причину возникновения издания: “В Вильне сосредоточены почти все газеты и журналы главных народностей нашего края... Литовцы имеют здесь одну ежедневную и три еженедельных. Поляки имеют две ежедневных и четыре еженедельных. Некто Уласов издает еженедельную газету на белорусском языке, под заглавием: “Наша Нива”. Еврейские жаргонные издания ежедневные, еженедельные и ежемесячные в Вильне издаются не только на весь наш край, но и далеко шире... И вот, в это самое время, когда национальное чувство народностей края пробудилось, когда каждая народность настойчиво выражает свои общественно-религиозные задачи и цели, сплачивается, объединяется... одна лишь русская православная часть населения не имеет органа, который служил бы такую службу, какую несут... органы литовско-польско-католические” [4, с. 5]. Таким образом, по мнению братства, созрела необходимость в появлении органа печати, способного объединить разрозненные “русские силы” в крае. Такую миссию и собирался взять на себя “Вестник”, который на своих страницах намеревался обратить внимание “на судьбы русской народности в Северо-Западном крае, на усилия ее отстоять от притязаний польско-католической пропаганды свою православную веру, свой язык и коренные русские народные обычаи, на неуклонную борьбу с польским шляхетством...” [4, с. 7].

Виленское православное Свято-Духовское братство являлось как религиозной, так и политической организацией. На страницах “Вестника” помещались сведения не только из жизни церкви и православных братств. Значительное

внимание уделялось актуальным проблемам общественно-политической жизни Северо-Западного края и Российской империи в целом, сообщались сведения по истории и археологии края. Различные организации консервативного толка, такие как Русский окраинный союз, общество “Крестьянин”, “Белорусское общество”, Виленский русский национальный союз, Западно-русское общество, находили поддержку в лице редакции журнала.

Братство возникло для защиты православия и русской народности, стояло на консервативно-монархических позициях и стремилось сориентировать все православно-монархическое население на поддержку самодержавия. “Вестник” братства в № 20 за 1909 г. поместил речь Г.К. Шмидта, редактора “Минского слова”, сказанную им на съезде представителей западнорусских православных братств, который проходил в Вильно 2-5 августа 1909 г.: “Православное братство есть такая организация, которая имеет целью охранение веры и народности... Двух основных положений братских уставов совершенно достаточно для объединения не только духовного, но и политического. Из этих двух положений неизбежно вытекает и третье – верность Самодержавию. Вне самодержавия нет спасения для России, заключающей в своем составе свыше 35 процентов инородцев”, – говорил Густав Карлович [5, с. 377]. Данную позицию полностью разделяли представители братства и для пропаганды своих идей среди населения края активно использовали журнал. Хотя братство являлось сторонником неограниченной власти царя, в новых политических условиях оно активно участвовало в выборах в четвертую Государственную думу и смогло провести своих кандидатов благодаря обширной и целенаправленной работе.

7 мая 1912 г. состоялось заседание Совета братства, где было постановлено образовать комиссию для выработки программы предвыборной деятельности, которая 22 мая была одобрена на заседании братства, а 1 июня утверждена общим собранием.

Программа включала в себя: 1) объединение для предвыборной деятельности под братской хоругвью всех в губернии церковных и светских “русских организаций”; 2) обращение с этой целью братства ко всем “русским организациям” с просьбой избрать от каждой организации в Вильно (в том числе и от местной евангелическо-лютеранской общины) двух представителей в Совет братства для совместного с ним участия в предвыборной кампании; 3) составление и распространение сборника законоположений и правительственных разъяснений относительно выборов в Государственную думу; 4) организация при Совете братства справочного отдела по вопросам, касающимся выборов, с приглашением правоспособного лица для занятий в отделе за особое вознаграждение.

Для исполнения намеченных задач при Свято-Духовском монастыре было образовано справочное бюро. На страницах “Братского вестника” давались необходимые юридические сведения, отпечатано и разослано несколько воззваний к избирателям, напечатано много “руководственных” статей. Кроме того, к совместной деятельности Совет братства пригласил представителей “русских патриотических организаций” г. Вильно, которые откликнулись на этот призыв. 26 июня 1912 г. состоялось первое заседание Совета братства с организациями, где были представлены: местные церковные общины, Русское собрание, Союз Михаила Архангела, Союз русского народа, Железнодорожный союз, старообрядческая община.

Участники заседания единогласно решили объединиться со Свято-Духовским братством для организации и проведения выборов. На последующих засе-

даниях Совета братства совместно с представителями организаций (а их прошло 6) установилась связь с приходскими общинами, монархическими организациями и уездными комитетами, образованными по распоряжению Св. Синода, намечены были также открытой и закрытой баллотировкой выборщики: Г.Г. Замысловский, О.М. Андреев, протоиерей Знаменский.

Дальнейшая предвыборная деятельность братства, несмотря на противостояние с Виленским русским национальным союзом, ознаменовалась полным успехом. На губернском избирательном собрании 18 октября 1912 г. избранными в Государственную думу, которых по закону полагалось двое, оказались оба братчика: Г.Г. Замысловский и священник Гольшанской церкви В. Юзьвюк [6, с. 301-302]. Так, братству удалось, используя свой авторитет, объединить местное русское население для достижения намеченных целей. Вследствие этого оно пришло к выводу, что братства являются лучшими организациями, чем политические партии в деле отстаивания интересов православия и “русской народности” в крае. “Тот успех, который имело Братство в этих выборах, послав в Думу своих членов, особенно после неудачных выступлений других партий, является настоящим торжеством братской идеи. Он служит явным доказательством того, что никакие политические “платформы” не связывают так тесно между собой русских православных людей, как религиозная патриотическая идея, выдвинутая Братством”, – говорилось в новогоднем приветствии редакции журнала читателям на 1913 г. [7, с. 4].

Братство считало, что правительство должно направить “свою политику в крае к тому, чтобы белорус – этот этнографический воск не был бы переработан полонизмом и не прилип бы к польскому национальному ядру” [8, с. 36]. “Вестник” негативно относился к белорусскому национальному движению и критиковал со своих страниц тех, кто считал белорусский народ особой нацией. Он сообщал о возникшей в Вильно группе людей, издававшей там “Вечернюю газету”, состоявшей из поляков и евреев, которая “в союзе с “наше-нивцами” лишила белорусов права считаться русскими, родными братьями великорусов” [9, с. 7].

Первоначально журнал издавался в количестве 3000 экз., а после предоставления синодальной ежегодной субсидии в размере 2000 руб. его тираж вырос до 17000 экз. Кроме того, при субсидии был увеличен и объем “Вестника”. С 1910 г. вместе с ним, как его бесплатное приложение, стал издаваться в сотнях тысяч (в 1910 – 1911 гг. – 510000 экз.) “Листок для народа”. Но особенно рост издательской деятельности братства при субсидии сказался на количестве издаваемых им книжек, брошюр и листов. Это видно из следующего сопоставления: до получения субсидии издавалось лишь несколько тысяч листов и брошюр, при субсидии же издано той же литературы: в 1908 г. – свыше 50000 экз., в 1909 г. – свыше 40000 экз., в 1910 – 1911 гг. – свыше 350000 экз. в год [10, с. 389].

В 1912 г. субсидия приостанавливалась, а в 1913 г. она была выделена вновь вплоть до 1915 г. [11, с. 408]. В 1914 г. “Вестник” выходил уже с тремя бесплатными приложениями: 1) “Литовские епархиальные ведомости” 2) “На служение слову христовой истины” и 3) “Листок для народа”. Подписная цена для обязательных подписчиков составляла 5 руб., для необязательных – 3 руб. в год с доставкой и пересылкой.

Деятельность виленского православного Свято-Духовского братства в 1915 г. не была такой интенсивной и многосторонней, как в минувшие годы. Объяснялось это приближением к Вильно театра военных действий, из-за чего уже в

июле эвакуировались все государственные учреждения, а так как Совет братства и его комитеты состояли главным образом из государственных служащих, то в июле прекратило свою деятельность и братство. В просветительных целях продолжал издаваться "Братский вестник" по два выпуска в месяц в количестве до 800 экз., а при нем издавались народные листки и брошюры тиражом от 5 до 20 тыс. [12, с. 43-44]. В 1915 г. вышло всего 14 номеров "Вестника", последний – 15 июля. Первый номер за 1916 г. вышел 10 апреля в Москве из-за оккупации Вильно немецкими войсками, а за весь 1916 г. вышло только 17 номеров.

Заклучение

Виленское Свято-Духовское братство всецело разделяло политику правительства, а идеальным государственным устройством считало самодержавную монархию, всеми средствами стремилось поддерживать русскую государственность и культуру в Северо-Западном крае, в том числе и с помощью печатного слова, и призывало русских объединяться в православные братства для отстаивания своих интересов в борьбе с другими народностями, населявшими край. "Вестник братства" стал трибуной для распространения не только идей братства, но и всех русских монархических организаций края.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. От редакции // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1907. – № 1. – С. 1.
2. Устав виленского православного Свято-Духовского братства // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1908. – № 1. – С. 68–76.
3. Памяти А.В. Белецкого // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1908. – № 1. – С. 2–4.
4. Вильна, 1 марта // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1907. – № 1. – С. 4–7.
5. **Шмидт, Г.К.** Приветственная речь / Г.К. Шмидт // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1909. – № 20. – С. 376–377.
6. Отчет о деятельности состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Виленского Православного Свято-Духовского Братства за 1912 год // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 15-16. – С. 299–302.
7. Новогодний привет и пожелания // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 1. – С. 3–4.
8. Речь о. К. Околовича произнесенная в Государственной Думе 15 декабря 1912 г. // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 2. – С. 34–36.
9. Кольсунтант, На пороге Нового года / Консультант // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1914. – № 1-2. – С. 4–8.
10. **Ивановский, В.** Отчет о деятельности состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Виленского Православного Свято-Духовского Братства за 1912 год (Окончание) / В. Ивановский // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 21. – С. 389–390.
11. Отчет о деятельности состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Виленского Православного Свято-Духовского Братства за 1913 год / В. Ивановский // Вестник виленского православного Свято-Духовского братства. – 1914. – № 19. – С. 406–409.
12. Отчетные сведения за 1915 год о состоянии Виленского Свято-Духовского Братства // Литовские епархиальные ведомости. – 1916. – № 12. – С. 43–45.

Поступила в редакцию 21.08.2012 г.

УДК 811.161.3'38

В.М. САЎЧАНКА¹

КАМПАЗІЦЫЙНЫЯ ПРЫЁМЫ РАЗГОРТВАННЯ СЭНСАВЫХ АДЗІНСТВАЎ (на матэрыяле твораў беларускай мастацкай літаратуры)

У артыкуле абгрунтоўваецца ўплыў спалучэння сказаў на раскрыццё ўзаемаадносін архітэктонікі і кампазіцыі, на фарміраванне стылістычнай індывідуальнасці пісьменніка; пацвярджаецца, што аналіз кампазіцыйных асаблівасцей будзе закранаць знешнюю будову твора; поўная характарыстыка архітэктанічнай адметнасці грунтуецца на ўнутранай арганізацыі тэкставых адзінак. На прыкладзе твораў сучаснай беларускай мастацкай літаратуры аналізуюцца кампазіцыйныя прыёмы паралельнага і паслядоўнага спалучэння сказаў у лагічныя адзінствы, а таксама даказваецца, што выбар кампазіцыйных прыёмаў для аб'яднання сказаў уплывае на выразнасць структуры як асобнага лагічнага адзінства, так і ўсяго літаратурна-мастацкага тэксту.

Уводзіны

Тэрміны “архітэктоніка” і “кампазіцыя” найчасцей успрымаюцца як літаратурознаўчыя і ўжываюцца пераважна для характарыстыкі знешняй і ўнутранай будовы звязнага тэксту. Так, М.М. Бахцін паслядоўна размяжоўвае архітэктанічныя (герой, тып, характар; гумар, трагічнае і камічнае; лірычнае) і кампазіцыйныя (дыялог, жанр, актавае члянэнне ў драме; глава, страфа, радок, верш) формы [1, стб. 61]. В. Рагойша ў сваю чаргу адносіць да архітэктонікі “сістэму вонкавай арганізацыі твора (наяўнасць і размяшчэнне асобных раздзелаў, актаў, сцэн, страфічных форм і г.д.)” [2, с. 149]. У кампазіцыю даследчык літаратуры ўключае “характар раскрыцця зместу, размяшчэнне слоўна-вобразнага матэрыялу ўнутры архітэктанічных форм” [Тамсама]. Ужо з прыведзеных вызначэнняў сутнасці архітэктонікі і кампазіцыі вынікае немагчымасць іх катэгарычнага размежавання. На самай справе, архітэктанічныя і кампазіцыйныя формы настолькі цесна пераплецены, што межы паняццяў вызначыць проста немагчыма: аналіз кампазіцыйных асаблівасцей заўсёды будзе закранаць знешнюю будову твора; поўная характарыстыка архітэктанічнай адметнасці абавязкова грунтуецца на ўнутранай арганізацыі тэкставых адзінак.

Паколькі “кампазіцыя тэматычна-суб'ектнага пласту мастацкага твора вызначае яго стылёвыя асаблівасці” [3, с. 373], то ўзаемадзеянне архітэктонікі і кампазіцыі праяўляецца таксама на лінгвістычных узроўнях. Стыль непасрэдна звязаны з архітэктонікай і пэўным чынам суадносіцца з кампазіцыяй. Формы маўленчага выражэння, моўныя асаблівасці (лексічныя і фанетычныя сродкі выразнасці, сінтаксічныя канструкцыі) у залежнасці ад стылю ўпарадкоўваюцца; набываюць (дзякуючы іх размяшчэнню) адзіна магчымае значэнне; выконваюць у тэксце эстэтычную функцыю. Стыль мастацкага тэксту выражаецца ў спецыфічнай заканамернасці аб'яднаных моўных рэсурсаў, выкарыстаных пісьменнікам у адпаведнасці з яго ўласнай задумай. Індывідуальны стыль кожнага аўтара скіроўвае на “сваю” архітэктоніку і кампазіцыю, характарызуецца спецыфічным іх узае-

¹ Выпускніца філолагічнага факультэта 1994 г.

мадзьяннем. Літаратура апошніх двух стагоддзяў дазваляе назіраць схільнасць да ўскладненай, насычанай будовы твора і патрабуе пільнай увагі чытача. У раскрыцці ўзаемаадносін архітэктонікі і кампазіцыі, у выяўленні ўплыву моўных і маўленчых сродкаў выразнасці на фарміраванне аўтарскага ідыястылю значную ролю адыгрывае не толькі адметнасць падзелу на абзацы, але і спецыфіка спалучэння сказаў.

Мінімальнай адзінкай тэксту з'яўляецца сказ. Іменна ад сістэмы супадпарадкавання сказаў залежыць архітэктоніка любога тэксту, у тым ліку і мастацкага. Сказы аб'ядноўваюцца ў лагічныя адзінствы – структурныя адзінкі маўлення (мыслення). В.У. Адзінцоў вылучае наступныя лагічныя адзінствы: 1) азначэнне; 2) розумазаключэнне; 3) характарыстыка; 4) паведамленне; 5) тлумачэнне; 6) разважанне; 7) апісанне; 8) апавяданне [4, с. 175]. Кожнаму з названых лагічных адзінстваў уласціва пэўная кампазіцыя, аднастайныя спосабы арганізацыі сказаў рознай структуры, простых і складаных. Усе яны падпарадкаваны ідэі п а с л я д о ў н а г а або п а р а л е л ь н а г а счাপлення, якое рэалізуецца пры дапамозе шматлікіх кампазіцыйных прыёмаў.

Асноўная частка

Н.У. Данілеўская прапануе вылучаць для **паслядоўнага** разгортвання сэнсавага адзінства наступныя кампазіцыйныя прыёмы: 1) простае пералічэнне; 2) паслядоўнае дабаўленне; 3) прыём акумуляцыі; 4) лагічны вынік; 5) пытална-адказавая форма; 6) прыём дынамічнага пералічэння [4, с. 176-177]. Кожны з прыёмаў заснаваны на адметнай спалучальнасці сказаў.

1. Пры *простым пералічэнні* адносна самастойныя сэнсавыя адзінкі ідуць адна за адной:

Граніца.

Восень.

Галасы

Вандроўных птушак у палёце,

І ціхі сум у пазалоце,

І смага ў кропельках расы.

(Я. Янішчыц. Граніца. Восень. Галасы...)

Стварэнне суцэльнай карціны адбываецца ў такім выпадку паступова, паэтапа. Кожны наступны сказ абмежаваны ў выбары сродкаў міжфразавай сувязі для злучэння з папярэднім. Найбольш распаўсюджаныя сродкі – злучнікі (як у працытаваным прыкладзе), а таксама пабочныя словы, якія паказваюць на парадак следавання думак, абгрунтаванняў, апісанняў і г.д.

2. Прыём *паслядоўнага дабаўлення* таксама прадугледжвае пералічэнне, аднак у такім выпадку кожны наступны сказ аб'ядноўвае ў пэўным сістэмным парадку самыя розныя ўласцівасці аднаго паняцця або асобы, розныя прычыны аднаго ўчынку:

Маці падыйшла і прынікла галавою да грудзей Андрэя. Не, ён дарэмна думаў, што яму давядзецца падтрымліваць яе. Яна не магла дазволіць сабе слёз. У хаце таму, што яна была гаспадыня – маці ўсіх тут. На могільках – таму што не хацела, каб слёзы бачылі аматары бясплатных прадстаўленняў (У. Караткевіч. Нельга забыць).

Такі тып сувязі больш свабодны ў выбары лексічных, марфалагічных і сінтаксічных сродкаў міжфразавай сувязі: лексічны паўтор, асабовыя займеннікі, няпоўныя сказы.

3. Прыём *аккумуляцыі* аб'ядноўвае знешне выпадковае, бессістэмнае пералічэнне фактаў або ацэнак:

Рэйкі. Рэйкі. Рэйкі. Дымная сліна з комінаў пэцкае небасхіл. Марлокі даюць гарадам, залітым электрычнасцю, чорнае сонца. Уначы за крывавымі вялізнымі вокнамі раве дэман. Тысячы чырвоных, як гномы, людзей плюшчаць сталь. Змей крычыць медным голасам, падобным на глас гудка, і тысячы заспаных людзей бягуць на гэты глас, каб трапіць у разяўленую пашчу (У. Караткевіч. Нельга забыць).

Прыём блізкі да простага пералічэння, адрозніваецца ад яго менавіта нагнятаннем апісваемых падзей, поўная карціна якіх не ўспрымаецца больш-менш выразна нават пасля ўсведамлення ўсёй сукупнасці сказаў. Перадаецца агульнае ўражанне жудасці, хаосу, бескарыснай мітусні.

4. *Лагічны вынік характэрны не для ўсіх сказавых адзінстваў. Часта аўтар пакідае выказванне для самастойнага чытацкага асэнсавання, абдумвання. Абагульненне падводзіцца звычайна ў тым выпадку, калі двухсэнсоўнасць разумення непажаданая:*

Тылу не было. У гэты трывожны жнівень 1863 года вайна была паўсюль. “Белыя” спрачаліся з “чырвонымі”, беларусы абураліся шавінізмам “белага жонду”. Успыхвалі, затухалі і зноў выбухалі ачагі абурэння палітыкай цара.

Пераспелае жыта плакала зярнятамі, а ў жыцце стаялі шыбеніцы. І не ўстаў ніхто добры, любоўны, і не сказаў людзям, што нельга рэзаць адзін аднаго, што свет вялікі і на кожнага выстачыць ніў, што хлеб аднолькава смачны, на якой мове яго ні называй. Не мог сказаць.

Галоўным быў не хлеб. Галоўнай была свабода (У. Караткевіч. Нельга забыць).

Падкрэсленае выказванне – вынік з прыведзенага слоўнага (славеснага) ці моўнага адзінства, што выступае абагульняльным тлумачэннем прычыны папярэдніх дзеянняў. Важкасьць гэтай прычыны абумовіла вылучэнне выніку ў асобны абзац.

5. *Пытальна-адказавая форма арганізацыі маўлення ўжо сама па сабе, без дадатковых метадаў і прыёмаў, мае эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку:*

- Скажы, каханне, адкажы,
- Што дорага табе найболей?

– Годнасць і воля.

- Скажы, каханне, адкажы,
- Дзе смерць твая, тваё крушэнне?

– У прыніжэнні.

(Н. Мацяш. Два адказы)

У залежнасці ад характару ўзаемаадносін паміж сэнсавымі элементамі пытальна-адказавы прыём можа мець розныя адценні. Пытанне можа адрасавацца асобе, жывой істоце, неадушаўленаму прадмету, нават пачуццю, – ад гэтага залежыць уключэнне ў кантэкст дадатковых вобразных сродкаў: метафары, метаніміі, сінекдахі, уасаблення і інш.

6. Прыём *дынамічнага пералічэння* вылучаецца пры супастаўленні з простым пералічэннем, а таксама з лагічным вынікам:

Цяпер страляніна была такая, нібы на ўзгорку віраваў запеклы бой. Снапамі ўзляталі ўгору рознакаляровыя ракеты. Адна паляцела паралельна зямлі між двума кастрамі дроваў і зігзагамі, адбіваючыся па чарзе то ад аднаго кастра, то ад другога, памчала ў бок дамоў. Людзі шарахнуліся ў бокі. Пасля ў зеніт пайшла адна ніць, другая: сярод патронаў былі трасірныя (У. Караткевіч. Лісце каштанаў).

Ад простага пералічэння гэты прыём адрознівае не толькі канцэнтрацыя ўвагі вакол дзеянняў, стварэнне агульнай карціны ў дынаміцы, але і адметнасць сродкаў міжфразавай сувязі. Лексічны паўтор у такім выпадку становіцца сітуацыйна неабходным (*адна; ад аднаго, ад другога; адна, другая*). Насычанасць дзеясловамі закончанага і незакончанага трывання (*віраваў, узляталі, паляцела, памчала, шарахнуліся, пайшла*) падкрэслівае імгненную зменлівасць навакольнай рэчаіснасці. Лагічны вынік пры такой арганізацыі маўлення або не прыводзіцца, або не валодае дастатковай выразнасцю. Прыём грунтуецца на хуткай змене кароткіх, як правіла аднатыповых, сінтаксічных канструкцый (у працытаваным прыкладзе ўсе сказы, нават часткі складаных сказаў, двухсастаўныя, развітыя). Няпоўныя сказы толькі падкрэсліваюць падзейную насычанасць.

Паралельная сувязь сказаў звязана з лексічна-семантычным і сінтаксічным паўторам. Да кампазіцыйных прыёмаў паралельнага разгортвання сэнсавага адзінства Н.У. Данілеўская адносіць наступныя: 1) прыём паралелізму; 2) раздзяленне; 3) ахоп, ці прыём рамкі; 4) прыём кантрасту; 5) канцэсія; 6) напружанне (або ўтрыманне); 7) прыём дылемы [4, с. 177-179]. Кожны з названых прыёмаў знайшоў адлюстраванне ў беларускіх літаратурна-мастацкіх тэкстах.

1. Самым распаўсюджаным з'яўляецца прыём *паралелізму*, якому ўласціва структурная і лексічная адпаведнасць элементаў страфы (або строф):

Попел і чорныя цені майна.

Вые ў комінах скруха.

Як называюцца слёзы? –

Вайна.

Смерць.

Галадоўка.

Разруха.

Слее сусветнага жаху града.

Хто пазбірае каменне?

Як называюцца слёзы? –

Бяда.

Зрада.

Разрыў.

Адчужэнне.

Мілы, мы зналі кахання палыні,

Трушчыць як сэрцы – самота.

Як называюцца слёзы? –

Святлынь.

Радасць.

Здзіўленне.

Пяшчота.

Крэўнасць зарук, нібы іскры з кастра...

Свеце бянтэжны мой, дзе я?

Як называюцца слёзы? –

Сястра.

Маці.

Планета.

Надзея.

(Я. Янішчыц. Як называюцца слёзы)

Працытаваны верш службыць прыкладам сінтаксічнага паралелізму канцавых элементаў строф. Стылістычная функцыя праілюстраванага кампазіцыйнага прыёму ўзмацняецца паўторам пыталнага сказа (*Як называюцца слёзы?*), а таксама спецыфічным афармленнем, накіраваным на візуальнае ўспрыняцце. Такая ступеньчатая арганізацыя стварае ўражанне паслядоўнага стварэння асацыяцыйнага рада, выкліканага адмоўнымі (першая і другая строфа) і станоўчымі (трэцяя і чацвёртая строфа) эмоцыямі. Адсутнасць радковага прабелу паміж строфамі накіроўвае на роздум аб імпліцытным аб'яднанні зместу: гора і радасць заўсёды ідуць побач, іншы раз і ўстанавіць выразна нельга, дзе заканчваецца адно і пачынаецца другое, а “паласатае” жыццё пароўну адмервае чалавеку і горкіх, і шчаслівых хвілін. Прыём паралелізму ўласцівы як для паэтычнага, так і для празаічнага маўлення, прычым заўсёды аказвае эмацыянальнае ўздзеянне на рэцыпіента:

Наперадзе – бязмежны абсяг Дзвіны, чайкі, людскія ўсмешкі. За плячамі – сцяна, гісторыя, продкі... (Л. Дайнека. Меч князя Вячкі).

2. Раздзяленне, у аснове якога знаходзіцца лагічная аперацыя падзелу паняцця:

Шмат камянёў спрадвеку драмала на гэтай зямлі. Іх вырваў з абдымкаў суровых паўночных гор ледавік, прывалок сюды і, страціўшы сілы, кінуў у дрымучых лясах, на зялёных лугах. Большасць з іх сцерлася на арэх, на гарох, але некаторыя, веліканы з веліканаў, палохалі людзей сваімі незвычайнымі памемрамі. На гэтых камянях полацкія князі, пачынаючы з Рагвалода, загадвалі высякаць свае імёны (Л. Дайнека. Меч князя Вячкі).

У мастацкіх тэкстах лагічнае раздзяленне не праводзіцца катэгарычна, яно “схавана”, што пацвярджаецца прыведзеным прыкладам. Падзел закранае апісанне камянёў (*шмат камянёў*), супрацьпастаўляецца лёс *большасці з іх і некаторых*. Пры раздзяленні звычайна адсутнічае лексічны паўтор, таму асабліва ўвага канцэнтруецца менавіта на сэнсавай адпаведнасці сказаў лагічнага адзінства.

3. *Ахоп, ці прыём рамкі*, грунтуюцца таксама на паралелізме або лексічна-сінтаксічнай аднаголівасці (часам нават паўторы) канструкцый, але ў дадзеным выпадку гаворка ідзе пра сугучнасць пачатку і канца лагічнага адзінства:

Чалавек як бы раствараецца ў кругабеце няспынных дзён. Толькі зробіць адно, як навальваецца другое. Але на ўсёй Полацкай зямлі сонцаварот для смерда пачынаецца з Калядаў. А там ён ужо цвёрда ведае, што ад Калядаў да Звеставання 12 сядміц, да Юр'я – 16, да Міколы – 20, да Купалы – 26 і да Калядаў таксама 26 сядміц. Вось і ўвесь клубок часу, у які кароткай ніткай уплецена чалавечая жыццё (Л. Дайнека. Меч князя Вячкі).

Падкрэсленыя першы і апошні сказы сугучныя па сэнсе, яны нібы акаймоўваюць лагічнае адзінства, ствараючы ўражанне сканцэнтраванасці ў іх асноўнай думкі. Рамачнае афармленне можа спалучацца з іншымі прыёмамі, нават мець некаторыя ўласцівасці паслядоўнага злучэння, аднак асноўная мэта такога кампазіцыйнага прыёму – менавіта поўнае (калі пачатковы і завяршальны радок адзінства мае аднолькавае лексічна-семантычнае афармленне) або частковае (як у прыведзеным прыкладзе) акаймаванне.

4. Прыём *кантрасту* будуюцца на супрацьпастаўленні з'яў, фактаў, падзей, асоб і інш. Напрыклад:

*О, як лёгка ісці,
Адчуваючы матчыны рукі,*

*Адчуваючы крылы юнацтва,
Адчуваючы плечы каханай!*

*І як цяжка цягнуцца,
Ў далонях трымаючы толькі
Кульбаку ўспамінаў.
(М. Танк. О, як лёгка ісці...)*

У творах мастацкай літаратуры, асабліва вершаваных, адценне кантраснасці ўзмацняецца іншымі стылістычнымі прыёмамі і фігурамі. Працытаваны верш арганізаваны як перыяд, павышэнне і паніжэнне якога змяшчае супрацьпастаўленны адзінкі. Такое афармленне павялічвае сілу эмацыянальнага ўздзеяння твора на рэцыпіента.

5. *Канцэсія* заснавана на так званай логіцы вяртання аргумента: адзін з суб'ектаў нібы пагаджаецца з другім, але потым выкарыстоўвае яго ж аргументы і накіроўвае іх супраць гэтага ж свайго апанента:

– Сядай, князь, – падсунуў Клімята Вячку невялікі дубовы ўслончык. – Цесна і смуродна ў маёй каморцы, але ведай, што гэта святы пах – пах цялячай скуры і кінавары. Ты ваюеш, ты ўвесь час у сядле, ды сіла, князь, не ў мячы, а ў мудрасці. Запомні гэта.

– Пергаменамі, Клімята, не спыніш тэўтонаў. Трэба меч, востры, гартаваны меч, які не баіцца варожай крыві.

– Праўду кажаш, князь, – згадзіўся Клімята, трасянуўшы кужэльнымі валасамі, – але аднаго мяча мала. Я таксама быў нядрэнным ваяром, я біўся, ты ж памятаеш, – з аўкштайтамі і селамі, пакуль жалеза не адгрызла мне руку. І ўсё-такі мудрае слова мацнейшае за меч. Меч кароткі. Слова доўжыцца ў людскіх пакаленнях (Л. Дайнека. Меч князя Вячкі).

Уласцівая для такога кампазіцыйнага прыёму абавязковая згода паміж суб'ектамі, Вячкам і Клімятам, паступова насычаецца контраргументамі і пераконвае ў абсалютна супрацьлеглым, што пацвярджаецца наступным выказваннем Вячкі:

– Хай будзе па-твойму. Вы, кнігачоты, бліжэй да неба і да Богага прастола. Вы лепш бачыце дарогу жыцця і мудрасці.

6. *Напружанне (або утрыванне)* засноўваецца на ўзрастанні паслядоўнасці (па ступені іх значнасці) аднатыповых сцвярджэнняў з мэтай супрацьпастаўлення ім зусім іншых фактаў:

Улучыўшы момант, Вячка разбітым шчытом ударыў тэўтона па галаве і адначасова клінком мяча пырнуў яго ў грудзі. Кальчуга выратавала тэўтона, але ён збіў дыханне, захаўкаў ротам. Адрозу ж пачаў заліваць вочы густы ліпкі пот. Уся агіда такога поту ў тым, што яго няма часу выціраць – рукі заняты зброяй, праціўнік атакуе.

І ўсё-такі граф Пірмонт не сумняваўся ў перамозе (Л. Дайнека. Меч князя Вячкі).

Паслядоўнасць пачатковых сказаў накіроўвае на адзіна магчымы вынік, пераконвае ў перамозе Вячкі. Аднак змест апошняга сказа з'яўляецца нечаканай супярэчнасцю да папярэдняга выказвання: тэўтон усё роўна спадзяецца на сваю перамогу.

7. *Дылема* прадугледжвае магчымасць альтэрнатывы:

Маўчанне

Ніколі не было

Г не будзе золатам:

Яно – або

У шмат разоў даражэйшае.

Або – нічога не вартае.

(М. Танк. Маўчанне)

Выразнасць такога кампазіцыйнага прыёму ўзмацняецца выкарыстаннем кантэкстуальных антонімаў (*даражэйшае – нічога не вартае*). Указваючы на магчымасць толькі аднаго з элементаў выбару, аўтар супрацьпастаўляе праяўленне адной і той жа ўласцівасці (здольнасці маўчаць) у розных жыццёвых сітуацыях.

Заклучэнне

Мастацкі стыль прадугледжвае разнастайныя камбінацыі кампазіцыйных прыёмаў, змены паралельнага і паслядоўнага разгортвання сэнсавых адзінстваў. Любы кампазіцыйны прыём заснаваны на спалучэнні двух ці некалькіх сказаў, простых або складаных. Па-рознаму спалучаючыся, простыя і складаныя сказы не толькі сістэматызуюць тэкставую інфармацыю, але і ўплываюць на яе асэнсаванне. Наўрад ці можа пісьмовае маўленне абыходзіцца або толькі простымі, або толькі складанымі сказамі. Адрывістасць эмоцый, нязмушанасць гаворкі, хуткасць тэмпу выкладу і лёгкасць успрыняцця, бяспрэчна, перадаюцца пры дапамозе простых сказаў. Складаныя сказы ствараюць атмасферу грунтоўных узаемаадносін паміж часткамі выказвання: прычынна-выніковых, умоўных, мэставых, уступальных, пералічальных, спалучальных, супастаўляльных і інш. Пераважнае ўжыванне складаных сказаў выражае схільнасць аўтара да сістэматызацыі, рознага тыпу абагульненняў, да аб'яднання часам даволі супярэчлівых з'яў. Фарміраванне ідыястылю таксама закранае стаўленне аўтара да разнастайных адносна завершаных тэкставых адзінак. Сістэмнае выкарыстанне простых сказаў уласціва творчасці У. Караткевіча, Л. Дайнекі, Я. Маўра, І. Мележа. Складаныя сінтаксічныя адзінкі больш прывабныя для В. Быкава, В. Казько, В. Патавай. Канечне, пісьменніцкая індывідуальнасць выпрацоўваецца не толькі на аснове простых ці складаных сказаў, а вынікае з усёй сістэмы выкарыстаных фанетычных, лексічных, фразеалагічных, марфалагічных, сінтаксічных, стылістычных адзінак. Аднак мяжа сказа выразна выяўляецца ўжо на ўзроўні візуальнага ўспрыняцця тэксту. Аб'ёмныя сінтаксічныя канструкцыі адразу настройваюць на сур'ёзнасць зместу, строгасць выкладу і выклікаюць адпаведны настрой. Частыя паўзы паміж сінтаксічнымі адзінкамі арыентуюць на эмацыянальнасць, усхваляванасць аўтара, якая суправаджаецца звычайна адметным афармленнем моўных адзінак (наўнасцю сегментацыі, парцэляцыі, паралелізму).

Варта заўважыць таксама, што пры будове тэксту аўтар (на свядомым або падсвядомым узроўні) будзе карыстацца разнастайнымі прыёмамі кампазіцыйнай арганізацыі маўлення, што тлумачыцца інтэртэкстуальнасцю. Аднак зноў жа, сукупнасць экстра- і інтралінгвістычных фактараў, абсалютна індывідуальная для кожнага пісьменніка, будзе ўплываць на пераважнае выкарыстанне нейкага комплексу прыёмаў з павышанай экспрэсіўнай афарбоўкай (прыём акумуляцыі, пытална-адказавая форма, паралелізм, рамачная арганізацыя, прыём кантрасту, канцэсія, напружанне) або са схільнасцю да рэальнага адлюстравання рэчаіснасці (простае пералічэнне, паслядоўнае дабаўленне, лагічны вынік, раздзяленне, дылема). Выбар кампазіцыйных прыёмаў для аб'яднання сказаў уплывае на складанасць і выразнасць структуры як асобнага лагічнага адзінства, так і ўсяго літаратурна-мастацкага тэксту.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Тамарченко, Н.Д.** Архитектоника / Н.Д. Тамарченко // Літаратурная энцыклапедыя тэрмінаў і паняццяў ; пад ред. А.Н. Ніколюкіна. – М. : НПК “Інтелвак”, 2003. – 1600 стб.
2. **Рагойша, В.** Тэорыя літаратуры ў тэрмінах / В. Рагойша. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2001. – 383 с.
3. **Гром’як, Р.Т.** Літаратурознаўчы слоўнік-довіднік / Р.Т. Гром’як, Ю.І. Коваліў та ін. – К. : ВЦ “Академія”, 1997. – 752 с.
4. **Данилевская, Н.В.** Конструктыўны прыём / Н.В. Данилевская // Стылістычны энцыклапедычны слоўнік рускага мовы ; пад ред. М.Н. Кожиной ; члены рэдкалегіі: Е.А. Бажэнова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородніков. – 2-е изд., испр. і доп. – М. : Флінта : Наука, 2006. – 696 с. – С. 175–179.

Паступіў у рэдакцыю 07.02.2013 г.

УДК 821.161.3.09-3

Г.М. КІСЛІЦЫНА

**АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ
СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЫ**

Артыкул прысвечаны разгляду характэрных асаблівасцей сучаснай беларускай літаратуры. Адзначаецца, што галоўнай праблемай сённяшняй літаратурнай сітуацыі з’яўляецца адсутнасць чытача, які б аддаў перавагу сур’ёзнай літаратуры на нацыянальнай мове. Такое ж становішча спраў правакуе аўтараў на пошукі новых творчых стратэгий.

Уводзіны

Некалі нямецкі філосаф Тэадор Адорна задаўся пытаннем: ці можна асэнсаваць Асвенцім? Ці магчымыя разумовыя працэдуры ў адносінах да масавай смерці, генацыду? На яго думку, магчымыя, але сённяшнія навукі пра чалавека не валодаюць пакуль для гэтага адэкватнымі паняццямі. Гэтая праблема, ці можна стварыць тоесную праўдзівую карціну свету ў момант, калі паўсядзённасць прадстаўляе ўсё новыя факты, якія па сваёй сур’ёзнасці даўно перасягнулі ўяўленні самых песімістычна настроеных мысляроў і пісьменнікаў, становіцца адным з найважнейшых пытанняў літаратуры другой паловы ХХ ст. Не страціла яно актуальнасці і сёння, што выявілася, хоць і са спазненнем, у беларускай літаратуры. Аднак, калі вопыт мінулага, напрыклад Вялікай Айчыннай вайны, быў асэнсаваны ў грунтоўных творах пісьменнікаў-франтавікоў, то праблемы цяперашняга дня не так часта знаходзяць сваё ўвасабленне на старонках літаратурных тэкстаў.

Яшчэ недаўна беларускія літаратуразнаўцы разглядалі прыгожае пісьменства, кіруючыся пры вызначэнні яго якасцей прынцыпамі народнасці, гістарызму, партыйнасці, вера ў якія здавалася непарушнай. Менавіта трыадзінства гэтых эстэтычных прынцыпаў параджала і жанравыя прыярытэты: у пашане былі буйныя, эпічныя формы, якія, на думку даследчыкаў літаратуры, найбольш поўна адлюстроўвалі гістарычныя заваёвы савецкага народу, яго барацьбу за перамогу сацыялізму.

Асноўная частка

Крах сацыялістычнай сістэмы, які практычна адначасна выявіў эфемернасць яе перамог, знікненне штучнай еднасці “савецкі народ” паставілі пад сумнеў і значнасць тых здабыткаў, якія назапасіла літаратура савецкага перыяду. І ў першую чаргу гэтыя сумненні датычылі менавіта яе здольнасцей быць лютэркам рэчаіснасці. Разам з савецкай літаратурай знікла і старая вера ў рэферэнцыяльную мову, г. зн. у мову, здатную праўдзіва і дакладна перадаваць і ўзнаўляць рэчаіснасць, гаварыць “ісціну” пра яе.

Развагі над сутнасцю быцця – з’ява, нехарактэрная для літаратуры эпохі постмадэрну і, у прыватнасці, для сённяшняй беларускай літаратуры, якая, як быццам бы пазбягае любога заглыблення ў фундаментальныя праблемы. Рэдкім выключэннем выглядае проза такіх пісьменнікаў, як В. Казько, В. Карамазуў, С. Рублеўскі, Ф. Сіўко, Ю. Станкевіч, А. Федарэнка.

Як вядома, літаратура сацыялістычнага рэалізму, закліканая адлюстроўваць перамогі сацыялістычнага ладу, не магла, ды і не хацела падымаць пытанні неўладкаванасці, абсурднасці свету, асуджанасці чалавечага існавання, выбару і свабоды – гэта супярэчыла ўсёй яе логіцы. Нявыяўленым, недагавораным застаўся і нацыянальны вобраз чалавека, які быццам растварыўся ў калектыўным абліччы “гома савецкікус”. Таму няма нічога дзіўнага ў тым, што пасля 90-х гг. мінулага стагоддзя, з той пары, як Беларусь стала суверэннай незалежнай дзяржавай, неаднаразова рабіліся “спробы самаідэнтыфікацыі”, у першую чаргу тым творчым пакаленнем, якое прыйшло ў літаратуру на хвалі перабудовы. З цікавасці да ўласнай нацыі вырасла і агульная цікавасць да Чалавека. Нараджэнне, смерць, выбар, каханне, сорам, клопат... Гэтыя тэмы, некалі глыбока распрацаваныя класікамі першага беларускага Адраджэння, зноў рэабілітавалі сябе. Разам з імі прыйшла і цікавасць да стаўшых ужо класічнымі ў заходняй літаратуры вобразаў А. Камю, Э. Іянэска, Ж.П. Сартра. Да прыкладу, прадстаўнікі першага “перабудовачнага” пакалення, пакалення “Тутэйшых”, актыўна звярталіся да вобраза Сізіфа, які стаў у новай інтэрпрэтацыі сімвалам няспыннай працы на ніве беларушчыны (апавяданне “Сізіф” С. Дубаўца).

Цікава трактуе гэты вобраз Андрэй Федарэнка ў сваім апавяданні “Мыла” [1, с. 258-261]. Палемічнасць твора заключана ў тым, што насуперак даўняй літаратурнай традыцыі выяўляць у суайчынніках лепшае, абмалёўваючы нацыянальны характар у трывалых вызначэннях “працавітасць”, “талерантнасць”, “спагадлівасць”, пісьменнік звяртае ўвагу і на новыя рысы нашай ментальнасці, рысы, якім, у прынцыпе, і няма дакладнага адпаведніка ў мове. Калі ў апавяданні Федарэнкі “Пошласць” чалавечая хіба дакладна названая ўжо ў самой назве, то “Мыла” прадстаўляе шэраг тыповых сітуацый, да якіх сучаснік прызвычаіўся настолькі, што часам і не заўважае дыскамфорту ці заўважае яго хіба тады, калі трапляе ў іншае атачэнне.

Аўтар апісвае некалькі “мыльных гісторый”, якія ён сам характарызуе як спробу налагодзіць масток паміж “культурай і дзікасцю”, і прызнае, што заўсёды яны заканчваліся яго паразай. Сам ён так і не здолеў ці не захацеў назваць прычыну, па якой яго сучаснікі з такой упартасцю супраціўляюцца любым спробам падпарадкоўвацца такім лагічным нормам чалавечых стасункаў, нормам, якія абсалютна натуральныя для любога еўрапейца. Хоць відавочна, што гэтыя, як быццам бы незразумелыя заганы маюць і сваю прыроду, і сваю гістарычную дынаміку. Можна меркаваць, што выраслі яны якраз на той стадыі

развіцця грамадства, калі “нацыянальны характар”, які стагоддзямі фарміраваўся ў якасці характару “вясковай нацыі”, стаў ператварацца ў “менталітэт” як праяўленне поглядаў і інтарэсаў даволі вузкіх асяродкаў без пэўных традыцый. А. Федарэнка, у чыёй прозе выяўна адчуваецца наследаванне традыцыям псіхалагічнай прозы К. Чорнага і М. Гарэцкага, – адзін з нямногіх беларускіх аўтараў, якія і сёння спрабуюць зразумець глыбіні чалавечай псіхікі. Хоць, як кожны пісьменнік эпохі постмадэрну, ён “асуджаны” на выяўленне катастрафізму, які стаў галоўнай прыкметай сучаснага мыслення, яго творы бліжэй да рэалізму, які засноўваецца на “нязрушнай іерархіі” матэрыялістычнага дэтэрмінізму традыцыйнай для Новага часу маралі. Больш за тое, Федарэнка прынцыпова паўстае супраць постмадэрнісцкай канцэпцыі аўтара як старонняга, незацікаўленага фіксатара хаосу.

Адказнасць за тое, што робіцца ў свеце, бярэ на сябе і Віктар Казько, аўтар, без якога цяжка ўявіць сабе размову пра духоўныя пошукі беларускай літаратуры. У 2009 г. выйшаў асобнай кнігай яго “Бунт незапатрабаванага праху”, твор вельмі цяжкі, песімістычны і, без пафасу, знакавы для нашай літаратуры [2]. Гэта раман пра сучасніка, які дзічэе, зазірнуўшы ва ўласную душу. Можна перанесці праўду пра свет, у якім жывеш, але як жыць з праўдай пра сябе самога – нікчэмнага, непатрэбнага, непачутага?

“Каму і навошта ўсё гэта трэба? Ці сапраўды на гэтым свеце нешта і некаму трэба?” – такім пытаннем задаецца не толькі герой рамана Говар, але, відавочна, і сам аўтар. Менавіта гэтая выпакутаванасць, вусцішны страх за сябе і блізкіх, адчуванне суадказнасці за тое, што робіцца з людзьмі і светам, і адначасова ўсведамленне немагчымасці збочыць з ужо абранага шляху, “перайграць жыццё” надаюць твору Казько асаблівую шчыплівасць, пранізлівасць...

Чытаючы раман “Бунт незапатрабаванага праху”, цяжка не згадаць творчасць А. Камю і Ж.П. Сартра з іх трагічным светаадчуваннем асобы, якой адкрылася абсурднасць існавання як быцця-да-смерці. Гэтыя тэмы відавочна блізкія і другому беларускаму аўтару – Сяргею Календу, які выдаў у 2009 г. сваю дэбютную кнігу. Яго “Помнік атручаным людзям” [3] выяўляе трагічнасць чалавечага існавання праз катэгорыі паўсядзённай побытавай свядомасці. Ваніты, страх, млюсць, журбота, непакой, разгубленасць – гэтыя станы пераследуюць героя Календы з самага дзяцінства, выяўляючы яго прынцыповую адчужанасць у свеце, поўным людзей.

Нягледзячы на тое што беларускія пісьменнікі па-ранейшаму не пакідаюць спробы стварыць буйны, панарамны вобраз грамадства і чалавека ў ім, цяжка не заўважыць, што за апошнія дваццаць гадоў у айчыннай літаратуры ўсё ж не так проста назваць яркі, таленавіты, папулярны хаця б у невялікім коле чытачоў, рэалістычны буйнамаштабны раман. Страчваецца не толькі давер да вялікіх формаў – метанаратываў, але і да саміх наратараў – пісьменнікаў у ролі вяшчальнікаў ісціны ці праўдзівых сведкаў. Сённяшняя беларуская культура не толькі перастала быць літаратурацэнтрыйнай (аддаўшы перавагу разнастайным медыявідовішчам), яна рэдукавала вобраз самога пісьменніка, які болей не адчувае сябе “месіяй”, а толькі носьбітам творчай прафесіі. У цяперашняй літаратурнай сітуацыі творца цалкам пакінуты сам сабе: выданне твораў – за малым выняткам – становіцца прыватнай праблемай, адносіны з чытачом нікім не рэгламентуюцца. Сапраўдныя рыначныя адносіны ў кнігагандлі так і не ўсталяваліся, а таму ўсе праблемы, звязаныя з распаўсюдам кнігі, з наладжваннем сувязі аўтар-чытач,

кладуцца на аўтара пры відавочным “супраціве” чытача, які ўсё болей аддае перавагу больш лёгкаму рускамоўнаму чытву. Пісьменнік вымушаны пераадолець не толькі выдавецка-гандлёвыя задачы, але і выбіраць стратэгію пераадолення чытацкага скепсісу, канкурыруючы з прадстаўнікамі замежнага, і ў першую чаргу расійскага, маскульту.

Сённяшні чытач – не толькі спажывец масавай культуры, але і яе выхаванец. У сваёй масе чытач стаў носьбітам усталяваных густаў, навізаных стэрэатыпамі маскульту. Пад “рэалізмам” ён разумее не столькі крытычны рэалізм XIX ст., колькі чыста літаратурныя ўмоўнасці знешне рэалістычнай манеры апавядання. Такім чынам, гутарка ідзе практычна пра псеўдарэалізм ці квазірэалізм, актыўна прадстаўлены на нашым рынку рускамоўнымі творцамі. Калі раней пра псеўдарэалізм можна было гаварыць як пра праяву немастацкасці, як пра выпадковы факт эстэтычнага праліку пісьменніка, то сёння становіцца істотна змянілася. Тое, што раней сарамліва хавалася, сёння становіцца культурным мейнстрымам, а па сваёй масавасці і ўздзеянні на фарміраванне густаў шырокай публікі часцяком значна пераўзыходзіць уплыў сур’ёзнага мастацтва.

Гутарка ідзе пра трывіяльна-масаваю літаратуру з яе ўстаноўкай на забавляльнасць. Відавочна, што псеўдарэалістычная манера пісьма, арыентаваная на стварэнне формаў мастацтва ў формах жыцця, але створаная без намеру спасцігнуць сутнасць быцця, яго глыбіні, можа дзесяцігоддзямі цвісці пуштацветам у літаратуры, нават тады, калі ў ёй і не набылі развіццё масавыя жанры, такія як дэтэктывы, жаночыя раманы, прымітыўная, абывацельская фантастыка. Менавіта так адбылося з беларускай літаратурай, дзе поруч з узорамі сапраўднага мастацтва доўгія гады існавала не падмацаваная чытацкім попытам імітат-літаратура. Магчыма, менавіта яна стала прычынай таго, што паміж сённяшнімі чытачом і аўтарам існуе камунікатыўны правал, які ён вымушаны пераадолець. Негатыўны імідж нацыянальнай літаратуры, як літаратуры ментальна і жанрава састарэлай, “правінцыйнай”, не здатнай аб’ёмна, адэкватна адлюстроўваць рэаліі сучаснага жыцця, нівеліруецца ў постмадэрністычнай літаратуры некалькімі шляхамі, у тым ліку і праз парадзіраванне гэтай самай імітат-літаратуры з яе закасячальнымі формамі і моўнымі штампамі. Уся структура постмадэрністычнай прозы, якая стала з’яўляцца ў нацыянальным пісьменстве з сярэдзіны 1980-х, але існавала і раней (раман Ул. Караткевіча “Хрыстос прыязміўся ў Гародні”, раманы-эсэ А. Лойкі), супярэчыць эстэтычнаму канону, сфарміраванаму беларускай савецкай літаратурай.

З тэкстаў знікае не толькі “ідэйнасць” як мерка мастацкай вартасці, але і фармальныя прыкметы апавядальнай стратэгіі рэалістычнага дыскурсу: прычынна-выніковыя сувязі апавядальнай тканіны, лінейнасць выкладання, псіхалагічная матываванасць паводзінаў персанажа. У прынцыпе ўся постмадэрністычная літаратура вылучаецца нігілізмам у адносінах да літаратуры-папярэдніцы, скепсісам у адносінах да нацыянальнай класікі, супярэчлівымі адносінамі да сучаснай замежнай масавай літаратуры: з аднаго боку, яна выступае аб’ектам насмешкі, парадзіравання, з другога – аб’ектам зайздрасці, бо менавіта ёй аддадзена ўвага чытача.

Сучасны пісьменнік не задаволены месцам “эстэтычнага ізгоя”, чыя творчасць арыентавана на вузкае кола інтэлектуалаў-аднадумцаў. З другога боку, ён не мае магчымасці, застаючыся ў межах “высокай літаратуры”, авалодаць увагай публікі. Каб пераадолець гэты зазор паміж уласнымі густамі і густамі мас, сёння

няшні аўтар вымушаны шукаць новыя мастацкія сродкі для сцірання мяжы паміж высокай і нізкай літаратурай, хоць відавочна, што шлях гэты складаны і супярэчлівы, хаця б таму, што спробы адрасаваны ўсё ж “спакушанаму” чытачу. Яркай, запамінальнай спробай такога кшталту стаў гістарычны раман Сяргея Балахонава “Імя грушы”, які выйшаў у 2005 г.

Сучасныя прыярытэты чытацкай масы фарміруюцца не літаратурнай крытыкай, а журналістамі папулярных выданняў, што, відавочна, ускладняе і без таго напружаныя адносіны між чытачом і аўтарам, які ў сённяшняй сітуацыі адчувае выяўны недахоп увагі як з боку чытачоў, так і крытыкі. Спецыфічнасць такога становішча аўтара параджае яго мастацкую агрэсіўнасць, якая выяўляецца ў тым, што апошні ўсімі сродкамі спрабуе ўцягнуць чытача ў актыўную спрэчку, у дыялог з сабой, справакаваць на выяўную рэакцыю.

У замежным літаратуразнаўстве гэтая стратэгія атрымала назву “м а с к а а ў т а р а”, якая сёння лічыцца адной з самых характэрных рысаў постмандэрысцкай манеры апавядання. На думку даследчыка І. Ільіна, менавіта яна з’яўляецца тым камертонам, які настройвае і арганізуе рэакцыю імпліцытнага (а таксама і рэальнага) чытача, забяспечваючы тым самым неабходную сітуацыю, які зберагае твор ад камунікатыўнага правалу [4, с. 165]. Няўпэўненасць аўтара ў тым, што ён здатны пры дапамозе разваг альбо дзеянняў персанажаў, сімволікай ці апеляцыяй да агульначалавечай маралі ўзбудзіць чытацкую ўвагу і ўцягнуць яго ў актыўныя стасункі, прыводзіць да таго, што ён бярэ слова ад свайго імя, каб уступіць з чытачом у дыялог і асабіста, тэт-а-тэт, растлумачыць сутнасць задумы.

З’яўленне такога актыўнага аўтара ў некаторых жанрах літаратуры не выклікае здзіўлення. Менавіта ён заўсёды з’яўляўся цэнтралеглым вобразам – як у ідэйным, так і кампазіцыйным плане – у лірычных мініяцюрах. Уражае іншае. Калі раней, у часы свайго з’яўлення, лірычныя мініяцюры атаясамліваліся выключна з постаццю вынаходніка жанру Янкі Брыля, то цяпер прэзаічная мініяцюра пад рознымі найменнямі (“зномы” ў Алеся Разанава, “сечка” ў Андрэя Федарэнкі, “зацемкі” ў Леаніда Галубовіча, “піліпікі” ў Барыса Пятровіча) перайшла ў разрад жанравага мейнстрыму, стаўшы ці не самай папулярнай формай выяўлення ў прозе.

Заклучэнне

Пошук новых камунікатыўных сродкаў выкліканы не толькі праблемамі, якія склаліся паміж нацыянальным пісьменствам і ўласна беларускім чытачом. Патрэбу ў камунікацыі адчуваюць і майстры слова ў іншых краінах, дзе шляхі літаратуры ніколі не былі такімі трагічнымі і перарывістымі. Сярод такіх прычын варта назваць змену сацыякультурнай сітуацыі, і перш за ўсё тэхнічны прагрэс у галіне мас-медыя. Нішто так не паўплывала на густы сучаснага чытача, як развіццё аўдыёвізуальных сродкаў камунікацыі ва ўсіх сферах, якія актыўна ўздзейнічаюць на фарміраванне масавай свядомасці. Беларуская літаратура, безумоўна, тут знаходзіцца не ў самым горшым становішчы. Больш за тое, сёння відавочна, што яна – адна з тых літаратур свету, якая мае велізарны патэнцыял... Гэта выяўляецца і ў стабільнай цікавасці да пісьменніцкай прафесіі, у колькасным росце тых, хто прыходзіць да мастацкага слова; і ў сталым павелічэнні агульнай масы друкаваных тэкстаў, асобныя з якіх з задавальненнем перакладаюць у краінах бліжняга і дальняга замежжа. Аднак айчынная літаратура мае і пэўныя праблемы, якія, відавочна, могуць быць пераадоленыя, калі пісьменнікі

ўсвядомяць тую простую ісціну, што мастацкае слова нічога не вартае само па сабе, яно каштоўнае толькі тады, калі ў яго ёсць чытач.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Федарэнка, А.М.** Мяжа : раман-эсэ, апавяданні / А.М. Федарэнка. – Мінск, 2011. – 264 с.
2. **Казько, В.А.** Бунт незапатрабаванага праху : раман / В.А. Казько. – Мінск, 2009. – 340 с.
3. **Календа, С.** Помнік атручаным людзям: апавяданні, мініяцюры / С. Календа. – Мінск : Галіяфы, 2009. – 188 с.
4. **Ильин И.П.** Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М., 1998.

Паступіў у рэдакцыю 19.04.2012 г.

УДК 882.09

Д.Л. БАШКИРОВ

“ЗАМОГИЛЬНЫЙ” КОНТЕКСТ ИСПОВЕДИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: МЕТАФОРА ИЛИ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Статья посвящена изучению вопроса о соотношении исповедальных и автобиографических мотивов в творчестве русских писателей XVIII – XIX вв. как проявлении религиозных принципов творчества в рамках гуманистической художественной концепции. Данный вопрос представлен в качестве одной из основных тенденций развития русской литературы, охватывающей широкий спектр художественных проблем и являющейся своеобразной точкой пересечения эстетических и религиозно-философских исканий в сфере творчества церковных и светских авторов.

Введение

“Чистосердечные признания в делах моих и помышлениях” Д.И. Фонвизина открывают в русской литературе пласт произведений, связанных с исповедью. Фонвизинский текст интересен тем, что в нем обращение к традиционным для древнерусской литературы жанрам исповеди и поучения становится формой и способом преодоления секуляризованной традиции, трансформировавшей религиозный смысл в “идеологическую” маску, духовный документ – в литературный вымысел, художественное пространство – в художественную профанацию.

Автобиография как цель – “продукт” секуляризованного гуманистического сознания. Переход исповеди в автобиографию знаменует собой изменение религиозных состояний в “светские” через превращение сокровенного в “плоское”, воплощенного – в выразительное. Данная проблема актуализировалась в современном литературоведении, стала полемичной в аспекте проявления в ней сущностных начал русской литературы [1, с. 110-112].

Поворот от автобиографии к исповеди обнаруживает себя как в общих принципах воплощения (горизонты жизни сменяет ее изображение “в глубину” и “из глубины”), так и в темах, образах и символике. Тема “отцов и детей”, “подростков”, поколений, образы “обрыва”, “могилы” в творчестве И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, Н.С. Лескова открывают в конце человеческой жизни начало ее действительного понимания. В “Записках из подполья”

Ф.М. Достоевского именно “извращенное” сознание антигероя превращает исповедь в автобиографию, вскрывая сущность этого процесса.

Основная часть

Во вступительной части к “Чистосердечным признаниям в делах моих и помышлениях” автор в состоянии тяжелого недуга и переживания близости смерти размышляет о прошедшей жизни, что становится “поводом” к мыслям о грядущем, возвращающим его от “подражания” Руссо к “дантовскому” началу: “Но я, приближаясь к пятидесяти годам жизни моей, прешед, следственно, половину жизненного поприща...”. Оно, в свою очередь, освобождаясь от лирической выразительности, восходит к духовной чистоте псалмов Давида: “...Едва ли остается мне время на покаяние, и для того да не будет в признаниях моих никакого другого подвига, кроме раскаяния христианского: чистосердечно открою тайны сердца моего и *беззакония моя аз возведу*” [2, с. 81]. По сути, цитата из Псалтири становится поворотом от автобиографии к исповеди, где просвечивается не “Исповедь” Руссо, а “Поучение” Мономаха.

Произведение Руссо в “признаниях” Фонвизина представлено как мировоззренческая данность, факт, очевидность и одновременно пространство преодоления ложного жизненного опыта. Руссо присутствует в тексте в виде прямых отсылок к нему, лежит на поверхности, а традиции древнерусской литературы подспудны и сокровенны. Они не мировоззренческая позиция автора, его “воспитание”, а состояние – “половина” земной жизни, ее “середина”, родственная предсмертному замечанию Мономаха о себе: “На санях сидя”. Это начало пути к истине, пронизывающей текст своей “замогильной” символикой. “Записки” – своеобразная жизнь после смерти, в рамках которой стоит принимать и замечание Н.В. Гоголя, что всем надо писать свои записки.

Отношение к своим “запискам” как к исповеди формируется в русской литературе постепенно, изменяя, претворяя чувственный пласт жизненных впечатлений в духовный. “Чистосердечные признания в делах моих и помышлениях” Д.И. Фонвизина – странный синтез собственно исповеди как покаяния перед Богом и описания своей жизни, обращенного к читателям. В таком виде “сентиментальный” опыт Руссо войдет в русскую литературу. На первый план в нем выступит мотив преодоления публичности в авторском начале, в котором обнаружит себя ряд значимых религиозно-философских и художественных проблем. В сочинении Фонвизина стоит обратить внимание на его слова о “Признаниях” Руссо: “Я хочу, говорит Руссо, показать человека во всей истине природы, изобразив одного себя” [2, с. 81]. Задача Руссо в интерпретации Фонвизина в гипертрофированном виде перешла в высказывание подпольного Парадоксалиста об “антигерое” в “Записках из подполья” Ф.М. Достоевского, где покаяние становится обвинением. Именно в данном контексте появляется замечание о желании людей “быть какими-то небывалыми общечеловеками” [3, с. 178], что в принципе сродни стремлению Руссо увидеть в себе всех.

Еще одна знаменитая исповедь – “Авторская исповедь” Н.В. Гоголя. Современникам она также воспринималась в контексте “Признаний” Руссо и в этом качестве “откликнулась” в “записках из подполья”. С оправдательным и одновременно обвинительным перед читателями характером “Авторской исповеди” связано утверждение Парадоксалиста, что “читателей же у меня никогда не будет” [3, с. 122]. Обращает на себя внимание одна из установок “Авторской исповеди” Н.В. Гоголя: “Я питал втайне надежду, что чтенье “Мертвых душ” наведет

некоторых на мысль писать свои собственные записки, что многие почувствуют даже некоторое обращение на самих себя, потому что в самом авторе, в то время когда писаны были “Мертвые души”, произошло некоторое обращение на самого себя” [4, с. 421]. На мысль “писать свои собственные записки” создателя “Авторской исповеди” навело чтение “Мертвых душ”. Герой “Записок из подполья” Ф.М. Достоевского завершает свою “повесть” восклицанием о “мертворожденности” человека [3, с. 179]. Это итог, к которому он приходит, обратный пути Н.В. Гоголя, поднимавшемуся из царства мертвых душ к жизни. Под пером “подпольного парадоксалиста” исповедь становится “биографией” мертворожденности.

Понятие “подполье”, в котором пишутся записки, можно рассмотреть в реальном историко-литературном контексте. Речь идет о так называемых “Замогильных записках” В.С. Печерина, прямого отношения к произведению Ф.М. Достоевского не имеющих, но испытавших очевидное влияние, как отмечали исследователи, своих литературных “современников” – Онегина, Печорина, Лаврецкого, Рудина [5, с. 382]. Из духа записок ясно вырисовывается их внутренняя связь с “посмертным” дневником Печорина. Одну из глав своих записок В.С. Печерин сам именуется “замогильными”, указывая на их “известность” уже после смерти автора, что определяет и отношение к ним: “Итак, благодаря цензуре мои записки принимают высокий эстетический характер. Они пишутся в истинно артистическом духе, т.е. совершенно бескорыстно, без малейшей надежды на возмездие в здешней жизни. Никто их не прочтет, никто не похвалит и не осудит их, как таинственный сверток Спиридона положен был с ним в гроб и навеки бы там остался, если бы не нежная дружба, любознание и отвага его ученика не исхитили этой рукописи из могильной тьмы, так и моя рукопись будет долго-долго лежать в темном ящике забвения” [5, с. 168]. “Артистический дух” и “эстетический характер” – “обратные” определения того качества текста, его свободы, которое “подпольный человек” видел в отсутствии “порядка и системы”, обусловленных “не публичностью” его записок, желанием “испытать: можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным и не побояться всей правды?” [3, с. 122]. Но если ситуация с “бескорыстностью” заметок Печерина – реальная, то у Парадоксалиста она “предумышленная”. “Подполье”, выдающее себя за некую социально-психологическую патологию, на самом деле является имитацией духовного состояния последней правды, истины, которой наделяет взгляды человека “могила”.

Художественное пространство “Записок из подполья” – духовная коррекция “физиологической” природы текста. Заявленная в них спонтанность, определенная принципом “по поводу”, – доведенная до “физиологии”, “материализма” установка А.С. Пушкина на “болтовню”. Нравственное выздоровление, с которым связывается процесс “записывания” (“Униженные и оскорбленные”, “Подросток”), “подпольный человек” обращает в “болезнь”. Он не записывает, а провозглашает, ищет “торжественности”. В этом отношении его записки сродни “Исповеди” Ставрогина. Парадоксалист, как и герой “Бесов”, извращает принцип исповедальности, обнаруживая его не во внутреннем, а во внешнем. Обвиняя Руссо как автора “Исповеди” в “тщеславии”, потому что он исповедовался “перед публикой” [3, с. 122], “антигерой” указывает на самого себя. Ссылаясь на Гейне, он, по сути, перефразировал слова М.Ю. Лермонтова из “Предисловия” к дневнику Печорина: “Исповедь Руссо имеет тот недостаток, что он читал ее своим друзьям”, – исказив их смысл. Именно этому высказыванию пред-

шествует замечание М.Ю. Лермонтова о дневнике, написанном “без тщеславного желания возбудить участие или удивление” [6, с. 339]. Отсутствие “тщеславия” у Печорина как автора дневника становится “боязнью тщеславия”, упрека в нем у Парадоксалиста, что указывает на тщеславность, доведенную до крайности. Публикация дневника Печорина посмертная, это своего рода “голос из могилы”, имеющий в этом качестве право на последнюю правду о себе. На “замогильное” звучание дневника Печорина и претендует “подполье”, где пишутся записки.

“Исповедь”, так или иначе, связана с проблемой “середины”, изменения накопленного опыта в иное качество. Но только в этом пограничном значении и есть смысл “середины”. Герой романа “Бесы” Ставрогин путем подлога “документов” – “исповедь”-“прокламация” – пытается наделять “середину” независимой, неподвижной сущностью. “А можно ль веровать в беса, не веруя совсем в Бога?” [7, с. 10] – центральный ставрогинский вопрос. Толкуя преследующие героя слова откровения Ангелу Лаодикийской церкви (III Отк. 15–17), Отцы церкви различали середину “в делах” и “в вере”. Последнее “не имеет цены”. Середина “в вере”, “бес”, которым одержим Ставрогин, реализует себя в очевидных крайностях в его поведении и поступках. Понимание того, что он находится ни в “начале”, ни в “конце”, толкает героя к “скандалам”, которым в ряду других является и его исповедь. Она, хотя и задумана давно, спонтанна, сумбурна, неуправляема, в один и тот же момент являясь и “покаянием”, и “прокламацией”. Причем это ее качество не “умысел” героя, а подлинная причина его страдания. Его поступки развиваются в разряженной, почти отсутствующей духовной атмосфере, что лишает их всякого смысла и значения. Не случайно, что Ставрогина преследуют стихи именно из Апокалипсиса как последнего, предельного, завершающего и одновременно начинающего акта светопредставления.

“Исповедь” Ставрогина вводится в произведение как “документ”. “Документальная” основа этой части повествования распространяется и на саму главу “У Тихона”, внутренне обусловленную всем ходом событий и одновременно не связанную с внешней логикой его развития. В самой судьбе этой части романа запечатлелась ее природа. Она как бы выпадает из “сюжета”, существует вне его, что только подчеркивает ее действительность. Художественная ткань романа пребывает в движении удаления-приближения по отношению к “исповеди”, которая может выпасть из поля зрения, но это совершенно не будет обозначать ее несуществования. Связь “документа” с повествованием хроникера не “сюжетная”, а “действительная”, основанная на ходе самой жизни. Отношение к “исповеди” представлено в ее течении, смысл же объемлет собой его начало и завершение. Хроникер нарочито “отчуждает” “исповедь” от своего повествования. Именно в связи с нею определение авторского текста как летописи лишено каких-либо условностей и имеет прямое значение. “Вношу в мою летопись этот документ буквально” [7, с. 12], – заявляет он. Причем сама “буквальность” включенного текста тоже выступает в своем прямом значении. Границы документа очерчиваются характером его “печати” и “слога”, который остается без изменений, “несмотря на неправильности и даже неясности”. Единственное исключение делается для “орфографии”. Посредством “исправления орфографических ошибок” текст “документа” адаптируется по отношению ко всей “летописи” в целом. Это максимально точно отражает принцип летописной традиции, свое “авторство” “хроникер” выражает вне смыслового ряда описываемых событий,

оно заключено для него в самом “записывании”, он владеет “буквой”, принципом ее “начертания”, “редакции”, но не тем, что она обозначает. Сокровенное значение “исповеди” сокрыто от него. Глава “У Тихона” предлагает несколько уровней “действительности” “исповеди” – “хроникера”, Ставрогина и святителя Тихона. Как “хроникер” реализует свое отношение к “исповеди” через ее “буквальность”, так Ставрогин – посредством своего “авторства”. И в том и в другом случае взгляд скользит по поверхности текста, но именно это оказывается и его сущностью, которая открывается “проницанию” Тихона. Ни “хроникер”, ни Ставрогин не знают, к каким событиям приведет “документ”, но каждый – исходя из своего положения. “Действительность” “исповеди” в ее отношении к Тихону находится вне текста, в котором она заявляется как факт самоубийства Ставрогина, “эпизод” в “хронике”, невыразимый в “романных” связях и отношениях. Завершение земной жизни, “могила”, двояко. Это и “обрыв” всех земных связей и отношений, “сюжета”, и их итог, а значит, откровение об истине.

С точки зрения “прямой перспективы”, которой обусловлена “сюжетность” западнической идеологии, аккумулирующаяся в “Бесах” в известном эпизоде прочтения евангельского отрывка о бросающемся в пропасть стаде свиней, символично название последнего романа И.А. Гончарова “Обрыв”. Видение жизни, “развернутое” во времени и в пространстве, в контексте русской культуры тяготеет к известной оборванности, разорванности. Именно их наблюдает вокруг себя и пытается преодолеть герой предыдущего романа писателя Обломов. “Обрыв” – воплощение иллюзорности цивилизации, иллюзорности построенного на ее основе культа “современности”. “Обрыв” – это путь вперед, путь “в некуда”. Его антитеза – “возвращение”, “старость”, которая в данном контексте является не прошлым, не отжившим, а прозрением, откровением. Такое значение получает образ великой “бабушки” России, который венчает последний роман И.А. Гончарова.

Можно указать на связь этого образа с тем переосмыслением “перспективного” видения жизни и связанной с ним “сюжетности” поздних романов И.С. Тургенева, которое происходит в его “Стихотворениях в прозе”. Само первоначальное название цикла “Старческое” прочитывается в контексте символического и концептуального названия последнего романа писателя “Новь” и противопоставлено ему. “Старческое” в данном аспекте не столько итоговое произведение, подводящее черту, сколько “открывающее”, “начинающее”. “Новь” и “Старческое” оказываются не в оппозиции, а знаменуют собой изменение ракурса видения бытия с “прямого” на “обратное”. “Новь” и как символ, и как собственно роман – подведение определенных итогов видения человека и бытия в рамках социальной проблематики, текущего, злободневного. Характер прочтения “Стихотворений в прозе”, определенный автором, предполагает не продвижение “вперед”, развитие сюжета, а “возвращение”, постоянное переосмысление, углубление первоначальных впечатлений. “Сюжет” продиктован духовным состоянием читателя, предполагающим нарушение внешней последовательности, из которой складывается ложное представление о целостности текста: “Добрый мой читатель, не пробегай этих стихотворений сподряд: тебе, вероятно, скучно станет – и книга вывалится у тебя из рук. Но читай их враздробь: сегодня одно, завтра другое, – и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу” [8, с. 519]. “Старость” предполагает возвращение назад, обусловленное сужением, уничтожением иллюзорной действительности, характеризующейся пространством и временем, и расширением границ духовной реальности. Мотив возвращения, воспоминания – центральный для произведения, определяет как

положение человека в настоящем, так и становится откровением о будущем. Одновременно определение “Стихотворений в прозе” как “старческого” указывает на консервативную, “архаичную” жанровую природу произведения, связанную с конкретной духовной традицией, которой, в свою очередь, продиктован ряд его художественных особенностей. У ее истоков стоят стихотворения свт. Григория Богослова, которые в соответствии с принципом “буквального”, дословного перевода, определявшего собой бытование творений Отцов церкви в древнерусской и русской письменности, были представлены в прозаическом виде. Духовные размышления русских церковных авторов, сочетавшие в себе наряду с общими вопросами христианского вероучения личные, исповедальные мотивы, принимали иногда форму лирических миниатюр в прозе. Объединенные темой духовного пути, движения к сокровенному, к истине они существуют как часть единого целого, сохраняя при этом внутреннюю цельность и полноту как отдельное произведение с лирическим наполнением. Среди таких произведений можно назвать “Сокровище от мира собираемое” свт. Тихона Задонского и “Аскетические опыты” свт. Игнатия Брянчанинова. Их связывает как духовное родство содержания, так и “биографическое” начало – они результат непосредственного жизненного пути их авторов, определенный итог их земного существования, стремящегося к своему духовному преображению.

Свт. Игнатий Брянчанинов по поводу “Аскетических опытов” замечал, указывая на внутреннюю, первоначальную законченность, самодостаточность произведений, входящих в книгу: “Статьи, из которых состоит моя книга, написаны в разные времена, по разным причинам...”. “Сюжетная завершенность” цикла, предполагающая их единство, – итог всей земной жизни автора, определенный порог в его непосредственном существовании, срастворение в “истории текста” “органического”, “естественного”, биографического и духовного, судьбоносного. О причинах, побудивших его из отдельных статей создать цикл, святитель пишет: “Оканчивая земное странствование, я счел долгом моим пересмотреть, исправить, пополнить, собрать во едино...” [9, с. 83]. Цикл – результат земного странствия. У свт. Тихона Задонского земное странствие преображается в духовный путь христианина и в этом качестве организует “сюжет” “Сокровища духовного, от мира собираемого”. Предваряя сочинение, автор пишет: “Как купец от различных стран собирает различные товары, и в дом свой привозит, и сокрывает их; так христианину можно от мира сего собирать душеполезные мысли, и слагать их в клетки сердца своего, и теми душу свою созидать” [10, с. 1].

В текстах, идентичных “Аскетическим опытам” свт. Игнатия Брянчанинова и “Сокровищу духовному...” свт. Тихона Задонского, итог земного “странствия” становится “сюжетообразующим” началом и “поводом” к внутреннему единству входящих в их состав отдельных произведений, корректирующим их звучание. Как единое целое итог жизненного пути, “смертное”, “старческое” переходит в бессмертное, вечное. Изменяется и качество “лирической подоплеки” данных произведений. Она перерастает индивидуальные границы, выступает из них уже как личностное начало, где художественная выразительность претворяется в духовную объективность и всеобщность, где авторское звучание выражает себя не в утверждении своего я, а в освобождении от него. Для названных выше произведений характерно, когда “одномоментность” переживания, его подвижность, изменчивость, находящие свое воплощение в художественной выразительности, обретают устойчивость в единстве, продиктованном законами духовного пространства. “Фрагменты” лирического переживания, их внешняя

завершенность начинают тяготеть к цельности духовного переживания, из которого складывается картина духовного совершенства бытия, преображения. Переживание художественного понимания красоты в духовное можно наблюдать у свт. Игнатия Брянчанинова. В его произведении помимо глав, содержащих традиционные для церковной письменности темы, присутствуют своеобразные “лирические откровения”, рождающиеся из созерцания реальных природы, переходящего в духовные размышления. С образом “дерева” связан мотив смерти – “кладбище”, с “морем” – жизни-странничества. Глава “Сад во время зимы” представляет собой характерное для духовной письменности соотношение видимого и незримого, очевидного и невыразимого. Зимний сад – сильное зрительное, чувственное, эмоциональное переживание, и именно в данном своем качестве претворяющееся в размышления о воскресении. Напряженность личных переживаний окрашивает своей неповторимостью традиционное и устойчивое. Мир представляется как ветхозаветная скиния, разделенная “завесой” на “доступное” и тайное, сокровенное. Причем это разделение предполагает и их связанность друг с другом: “Внезапно упала завеса с очей души моей: пред ними открылась книга природы. Эта книга, данная для чтения первозданному Адаму, книга, содержащая в себе слова Духа, подобно Божественному Писанию. Какое же учение прочитал я в саду? – Учение о воскресении мертвых, учение сильное, учение изображением действия, подобного воскресению” [9, с. 179]. Здесь лирическое переживание, созерцание природы – “действие”, способ воплощения действительности духовных состояний, христианского учения о воскресении. Мы наблюдаем особое качество художественного пространства, когда в нем выделяется “действие” и само оно рассматривается как “действие”, переводящее невыразимое в действительный план. “Очевидность” и “повторяемость” явлений природы – та “завеса”, которая разделяет “естественное” и сокровенное, тайное, обыденное и чудо: “Если б мы не привыкли видеть оживление природы весной, то оно показалось бы нам вполне чудесным, невероятным. Не удивляемся от привычки; видя чудо, уже как бы не видим его!” [9, с. 179]. Взгляд должен остановиться и сосредоточиться. В данном контексте о смысле художественного творчества можно говорить как о той силе и напряжении переживания, которая позволяет увидеть мир в его действительном совершенстве, открыть то, что мы видим каждодневно и одновременно не видим в его действительном образе, открыть за “видимостью” “зримость”, которая вне творчества оказывается “незримым”. В главе “Древо зимой пред окнами кельи” автор замечает: “Уединение изощряет чувства, изощряет мысль; круг действия их расширяется”. Это состояние ведет к духовному изменению бытия: “Обнаженное дерево служило для меня утешением: оно утешало меня надеждою обновления души моей” [9, с. 181]. В “Кладбище” деревья – тот центр, вокруг которого выстраивается духовное состояние автора. Они осеняют собой “прахи многих поколений”, и человеческая жизнь в отношении к ним, “что жизнь листка на древе” [9, с. 186]. Эта глава непосредственно соотносится с главой “Голос из вечности (Дума на могиле)”. Оба текста отличны от современных им художественных произведений, в которых указанные образы имеют “отрицательное” смысловое значение. Они устойчиво повторяются в мировой культуре, сосредоточив в себе “художественный” и “духовный” потенциал в зависимости от характера их “применения”. В контексте “Аскетических опытов” свт. Игнатия Брянчанинова на первый план выступает именно их “распространенность”, “вселенское” звучание, в котором индивидуальное сознание находит для себя откровение о вечности, вступает в нее посредством этих образов.

Здесь “дерево” – свидетельство грядущего воскресения. Для И.С. Тургенева в стихотворении “Мои деревья” этот образ является последним, “крайним” подтверждением бренности человеческого существа, предельным опытом земной жизни. Это знание о том, что было, а не о том, что будет. “Дерево” противопоставляется человеку, когда ложное “мои” предполагает истинное “ничьи”, из которого возникает прежде всего понятие о бренности и ничтожности человеческой природы, “больной” и физически, и духовно. Однако в художественно-биографическом аспекте “Мои деревья” можно соотнести с “Голосом из вечности”, так как носившие наиболее личный характер стихотворения второй части цикла были опубликованы уже посмертно. Предполагавшийся для них подзаголовок “сны” многозначителен. Он позволяет соотнести “посмертную” часть цикла с “разговорами мертвых”. Духовное наполнение “снов”, “разговоров мертвых” в церковной письменности трансформируется, “выпрямляется” в биографическое, то есть становится непосредственным фактом посмертной судьбы художника, накладывающим определенный отпечаток на его творчество.

В таком аспекте “сны” И.С. Тургенева являют собой предчувствие грядущих изменений настоящего, которое происходит на фоне его “сжимания”, “умаления”: “Сожмись и ты, уйди в себя, в свои воспоминания...”; “Но будь осторожен... не гляди вперед, бедный старик!” (“Старик”) [8, с. 546]. Мир “впереди” – “яма” (“Старуха”); в “Конце света” – “провал”, “обрыв”, “почти отвесная, точно разрытая, черная круча”, которую стремительно заполняет море. Эта катастрофа насыщена переживанием своей неотвратимости, протекающей на фоне неподвижности мира: “Это небо – точно саван. И ветра нет... Умер воздух, что ли?” [8, с. 527]. Данное состояние – “обратное” тому, которое переживает “странник” в “Думе на берегу моря”. Бурному морю соответствует “житейское море, воздвигаемое бурей страстей” [9, с. 183], которое успокоится “в тишине гроба и могилы”. Если у И.С. Тургенева “ветра нет” предвещает удар стихии [8, с. 527], то в “Думе на берегу моря” автор замечает: “Утихнут ветры, уляжется море”. Размышления святителя о превратностях земного бытия сопровождаются понятием покоя, истинным и конечным смыслом всех бурь земных и житейских [9, с. 183]. Уход “в ограду святой обители” обретает черты не только духовного убежища, но и зримости очертаний “формы”, заключающей в себе содержание – “покой”, которые не только по своей сути противопоставляются изменчивости и бренности страстей, “бурь”, но и по своей определенности – наличию “образа”. “Бури”, страсти – то, что не может воплотиться, что еще не воплотилось. В этом смысле воплощение и есть покой. С другой стороны, раскрывается то значение воплощения, которое характеризует его как приобщение к вечности с точки зрения явленных в нем определенных формы и содержания. “Бури” – неопределенность, неизвестность, то, у чего еще нет “образа”. Они характеризуют “бренность”, “злободневность”, “текущий” момент существования. Духовные значения “бурь”, “моря” и “покоя” в “Думе на берегу моря” перекликаются с тем эстетическим содержанием, которое в них вкладывает И.А. Гончаров. Религиозное и эстетическое, художественное переживания подходят почти вплотную друг к другу, пересекаясь в понятии “покоя” и возникая из созерцания одного и того же явления природы – моря.

Заключение

Эта близость значима не столько с точки зрения родственности образов и состояний, на уровне которых она возникает, а, прежде всего, с точки зрения вызревающего в русской культуре соотношения духовного, религиозного аспек-

та восприятия бытия и художественного. Их взаимопроникновение очевидно. И не только в темах и образах, а, прежде всего, в характере понимания сущности и принципов организации художественного пространства, художественной ткани. Понятие покоя, соприкасающееся непосредственно с вечностью, становится таким же художественным принципом восприятия и воплощения действительности, каким со времен А.С. Пушкина является “простота” и родственное ему духовное состояние “смирение”. Поэтика “состояний”-“впечатлений” Гончарова, пронизанная стремлением к “уравновешиванию”, “покою”, есть, по сути, “художественная” аналогия восприятия действительности, стоящего за духовным состоянием “уединение”, о котором пишет свт. Игнатий Брянчанинов. “Расширение” круга действия мыслей и чувств, протекающее в рамках “уединения”, удаления от мира, реализуется в символическом реализме, присущем творениям Отцов церкви. Понятия и явления действительности воспринимаются в пограничном состоянии, как “сообщение”, указание на духовную, истинную реальность, где множественность явлений бытия тяготеет к своей “единственности”, заключенной в Божественном начале. Для слова как выражения понимания мира и человека в их идеальном значении определяющей становится способность к “отзывчивости”, то есть восприятие множественного в единственном. В данном аспекте “простота” в своем функциональном значении – очищение слова, его освобождение от тех внешних наслоений, которые оно приобрело в пространственно-временной архитектонике мироздания, усвоенной “сентименталистской” концепцией человека. В русской литературе “опыт Руссо” трансформируется в пространство его преодоления, возвращения к духовному опыту церковной письменности, что становится не только мировоззренческой проблемой, но и художественной задачей. Возвращение слову первоначального, “архаического” смысла как проявления “концентрированного”, внутреннего смысла характеризует организацию художественного пространства не с точки зрения “сентиментального” выражения, а духовного воплощения. Чувственный опыт становится не результатом, а поводом к действию, обусловленным не стремлением увидеть в себе всех, а увидеть во всем Бога.

“Замогильность” – факт истории бытования текста, посмертной судьбы художника, включенной в рамку автобиографии. Истина начинается там, где кончается “биография”, “мемуары”, и именно этот момент становится подспудным импульсом написания текста, определяющим его структуру и образность. Исповедь, в том виде, в каком она пришла в русскую литературу, отражает в себе “пограничный”, предельный момент существования текста, его “поворота” от биографии к мотиву духовного воскрешения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Крушельницкая, Е.В.** К вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе / Е.В. Крушельницкая // Русская агиография: исследования, публикации, полемика. – СПб., 2005. – С. 110–112.
2. **Фонвизин, Д.И.** Собр. соч. : в 2 т. / Д.И. Фонвизин. – Л. : Худож. лит., 1959.
3. **Достоевский, Ф.М.** Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф.М. Достоевский // АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский дом) ; глав. ред. В.Г. Базанов. – Т. 5. – Л. : Наука, 1973.
4. **Гоголь, Н.В.** Собр. соч. : в 7 т. / Н.В. Гоголь. – Т. 6. – М. : Худож. лит., 1985.
5. Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи : Мемуары современников. – М. : Изд-во МГУ, 1989.
6. **Лермонтов, М.Ю.** Собрание сочинений : в 4 т. / М.Ю. Лермонтов. – Т. 4. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1959.

7. **Достоевский, Ф.М.** Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф.М. Достоевский // АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский дом) ; глав. ред. В.Г. Базанов. – Т. 11. – Л. : Наука, 1974.
8. **Тургенев, И.С.** Дым; Новь; Вешние воды; Стихотворения в прозе / И.С. Тургенев. – М., 1981.
9. **Свт. Игнатий Брянчанинов.** Творения. Аскетические опыты. / Свт. Игнатий Брянчанинов. – Т. 1. – М. : Сретенский монастырь, 1996.
10. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского : в 5 т. – Т. 4 : Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994.

Поступила в редакцию 07.12.2012 г.

УДК 821.161.3.09-1

Е.И. СЕРДЮКОВА¹

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЭЗИИ АНАТОЛИЯ АВРУТИНА

В статье рассматриваются различные виды интертекстуальных отношений, занимающие значительное место в творчестве А. Аврутина. Публикация представляет собой актуальный для современного литературоведения анализ поэзии русскоязычного писателя Беларуси А. Аврутина с точки зрения присутствия в ней “чужого слова” (М. Бахтин). Интертекстуальный анализ поэзии А. Аврутина позволил установить многочисленные межтекстовые связи с Библией, творческим наследием эпохи золотого и серебряного веков русской литературы.

Введение

В современном литературоведении одной из наиболее значимых и широко обсуждаемых является проблема интертекстуальности и типологии отношений, образующихся в процессе использования “чужого слова” в художественных произведениях. Интертекстуальность является основной (универсальной) межтекстовой связью, с помощью которой осуществляется соединение авторского текста с предшествующими произведениями. В качестве компонентов взаимодействия “своего” и “чужого” слова (Ж. Женетт) выступают: цитаты, аллюзии (аллюзивные имена собственные), реминисценции, отношение текста к заглавию, эпиграфу, а также жанровая связь текстов.

Отметим тот факт, что определяющей тенденцией развития русскоязычной литературы Беларуси, и поэзии в частности, представляется обращение писателей к уже существующим известным произведениям, что, безусловно, проявляется в интертекстуальности. Поэтическое наследие А. Аврутина весьма репрезентативно относительно освещаемого в данной статье вопроса. Научные работы, посвященные интертекстуальному анализу поэзии А. Аврутина, отсутствуют, что делает данный анализ весьма актуальным.

Основная часть

Как известно, творчество любого писателя в той или иной мере принадлежит, с одной стороны, к определенному кругу литературных традиций, а с другой – к реалиям современности, к основным тенденциям развития литературы той эпохи, в которой непосредственно развивается это творчество. Другими словами, авторы, создавая свои художественные произведения, бессознательно, а порой и сознательно, оказываются под влиянием тем, идей, мотивов и сюжетов, активно культивируемых в творческом наследии предшественников.

¹ Выпускница факультета славянской филологии 1994 г.

Лирика А. Аврутина весьма сложна в плане интертекстуальности: в поэтическом мире изучаемого автора органично сочетаются и взаимодействуют, создавая своеобразный его идиостиль, отсылки к Библии и ее основным сюжетам и темам, к произведениям золотого и серебряного веков русской литературы.

Отношение А. Аврутина к Вере, к Богу и к миру в целом двояко. По сравнению с утверждением А. Андреева, «двоякость», амбивалентность (в буквальном смысле – двоякая суть), маргинальность, диалектичность – это сокровенный аврутинский угол зрения на мир» [1, с. 22]:

Поверуй... Вспомни... Усомнись...

Опять поверуй... [2, с. 131].

Апеллируя к Священному Писанию в своих стихотворениях, поэт дает возможность читателю самостоятельно, так сказать “наедине с молчанием” (одноименное название сборника стихов А. Аврутина), сделать свой выбор, определить свое отношение к Богу:

Я божьим служкам Бога не отдам,

Но сам к нему не брошусь в услуженье [2, с. 158].

В лирике А. Аврутина выделяется ряд стихотворений, в которых присутствуют аллюзивные имена собственные библейских героев – Иуда, Иов (Иоанн), Каин, Матфей и др. (“И осень – не осень... И птица – не птица...” [2, с. 74], “Я настолько горбат, что меня не исправит могила” [2, с. 144], “Все как всегда... Скрипят ступени...” [2, с. 86], “И странен взгляд. И странны эти речи” [2, с. 207], “Мне и стылого ветра довольно” [2, с. 99], “Черные отсветы черных прозрений” [2, с. 121], “И люди лгут, и слово лжет...” [2, с. 128], “Бестелесно, крадучись, в сознание” [2, с. 176] и др.). Аллюзивные имена собственные в поэтическом пространстве исполняют роль своеобразного культурного кода, они актуализируются в сознании по мере прочтения стихотворений и помогают не только выявлению межтекстовых связей, но и осознанию причастности к мировой культуре.

Обращается поэт и к известным библейским притчам и сюжетам, поэтически воссоздавая нравоучительные и назидательные истории. Библейские аллюзии позволяют расширять пространственно-временные горизонты современности, а в некоторых случаях и приоткрывать тайну будущего, давая свой, субъективный прогноз относительно дальнейшего развития человечества:

...И только Каин, ненасытный Каин

Все тот же – без потомков и предтеч.

И улетает глупое сознание

В иной простор, в иную пустоту.

И черная дыра над мирозданьем,

И крылья опадают на лету [2, с. 207].

Так реализуется в поэтическом пространстве А. Аврутина библейский сюжет о братоубийстве. Приведем еще один пример, в котором мастерски синтезируются реалии современности с историей о предательстве Иуды и послушании праведного Иова:

В небесном просторе, послушные гуду

Высоких машин и высоких столпов,

Ослушники тайно прощают Иуду,

Послушники внемлют, что скажет Иов... [2, с. 74].

Посредством специфического диалога лирического героя и Творца в стихотворениях А. Аврутина актуализируются библейские заповеди – основные законы, которые, согласно Пятикнижию, были даны самим Богом Моисею.

В современном мире люди часто забывают первоосновы Закона Божьего, и поэт напоминает читателю об их значимости и первостепенности:

Над сонмом житейских стихий
Хоть низко летай, хоть высоко,
Но помни:
Сперва – “Не убий”,
А там уже – “Око за око!” [2, с. 260].

Различные библейские идеи активно влетают в ткань поэтических произведений автора (идея существования рая и ада, идея Страшного суда, идея Воскрешения Духа Господнего на Пасху и т.д.), трансформируясь в своеобразные провидения, промыслы Господа. Эти деяния направлены на искоренение порока, зла и всего негативного, что окутывает нашу действительность. Отметим, что, обращаясь к истории христианства, к Священному Писанию, А. Аврутин показывает идею разобщенности мира, идею унификации Закона Божьего в сознании людей, что является определяющей чертой мировоззрения и миропонимания современного человека, “героя нашего времени”, нравственные ценности которого формировались в мире, где “правят ложь и хлеб”:

...В двадцатом столетии... Горе уму,
Когда этот ум существует для горя,
Впотьмах приближая вселенскую тьму
И вторя вселенскому ужасу, вторя... [2, с. 34].

Встречаются в поэзии А. Аврутина интертекстуальные отношения, образующиеся на уровне “текст/жанр”. Так, автор прибегает к жанру молитвы, трансформируя его из молитвы церковной в молитву поэтическую. Молитва в традиционном смысле этого понятия подразумевает особую форму поклонения (восхваления) или просьбы, обращенной к Всевышнему.

Лирический герой обращается к Богу с прошением, каждая строфа стихотворения начинается со слов “Охрани меня, Боже”. В современном мире наблюдается процесс разрушения, утраты божественных истин и заповедей, люди теряют сакральную связь с Богом:

И вселенская скорбь все стекает по впалой щеке,
Вымывая из душ то, что Богом дано человеку [2, с. 88].

Своей молитвой А. Аврутин показывает непреодолимое внутреннее желание своего лирического героя обрести стойкость и непоколебимость духа с целью противостоять мировому злу и насилию. Однако стихотворение получает ироническое завершение, что не представляется возможным в молитве канонической. Лирический герой предлагает Творцу снизойти в мир людей и испытать все тяготы и трудности жизни земной:

Поброди человеком, в песке оставляя следы,
И позволь мне себя хоть мгновенье почувствовать
Богом... [2, с. 88].

В. Ефимовская в статье “Откуда этот свет неяркий?” говорит о том, что “... осуждение и священства, и верующих, и самой веры вызывает недоумение и несогласие, которые нарушают восходящий процесс постижения поэтической книги А. Аврутина...” [3, с. 112]. С этой мыслью трудно не согласиться. Дело в том, что ироническое, насмешливое отношение к Богу, к его учению в художественном мире русскоязычного автора Беларуси действительно наблюдается еще в ряде случаев. К примеру, в стихотворениях “Послушай грешника, пророк” и “Я только под утро уснул”:

Так лучше помолчи, пророк,
Окстись витийствовать до срока.
Земля мала, а Бог далек,
И Божье царствие – высоко [2, с. 175].

Или
На “ты” обращаюсь к пророкам,
Пророки ж не смели на “ты”... [2, с. 184]

В вышеупомянутой критической статье В. Ефимовской отмечено: “Постижение и осмысление истории христианства, элементарных основ богословия, как мне кажется, помогло бы литературному герою А. Аврутина в его борьбе с пороком и злом...” [3, с. 112-113]. Безусловно, помогло бы. Однако не будем забывать о том, что А. Аврутин – поэт своего времени. Объектом его поэзии является жизнь в своей совокупности и человек с его пороками и слабостями. Многочисленные интертекстуальные отсылки к Книге Книг свидетельствуют о знании библейского вероучения самим поэтом, а неоднозначное отношение к Богу, которое мы наблюдаем в его стихотворениях, является своеобразным маркером нравственного, культурного и духовного воспитания (или его отсутствия) “героя нашего времени”, героя рубежа веков.

Характерными для лирики А. Аврутина являются отсылки к русской литературе, к ее незабываемым традициям. А. Чекменев пишет: « <...> творческая манера Аврутина уходит корнями в поэтическую стихию “серебряного века”. Но если взглянуть шире – то его творческая манера уходит как раз в стихийное буйство “золотого века”» [4, с. 122].

Стихотворение А. Аврутина “Голос” отсылает нас не только к творчеству А. Ахматовой (эпиграфом взята строка из стихотворения поэтессы “Мне голос был...”), но и к великому классику русской литературы А. Пушкину, а также обнаруживается отсылка к знаменитому стихотворению Б. Пастернака “Зимняя ночь”.

Стихотворение А. Ахматовой написано в 1917 г. и связано с личными переживаниями поэтессы в преддверии революции. Русскоязычный поэт Беларуси значительно расширяет тематику своего произведения. Во-первых, он задает читателю, и не только ему, риторический вопрос о назначении поэта:

Да, голос был... За что такая плата –
Неслышный голос слышать по ночам,
Когда в глазах – темно, подушка смята
И порознь тесно мыслям и речам? [2, с. 251]

Во-вторых, поэт, вслед за А. Ахматовой и А. Пушкиным, вопрошает: “Ты думою тревожной облечен – / Взойдет звезда пленительного счастья? (выделено А. Аврутиным – *Е.С.*) / Пробьется ль к людям тоненьким лучом?” [2, с. 251]. В данном примере интертекстуальным элементом выступает атрибутированная цитата, автор сознательно отсылает читателя к стихотворению А. Пушкина “К Чаадаеву”. Не менее очевидной является отсылка к стихотворению Б. Пастернака “Зимняя ночь”. Сравним:

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела [5, с. 75].

И

И видеть язычок свечи – той самой,
 Что февралем горела на столе [2, с. 251].

Это лирическое произведение позволяет говорить о наличии в творческом арсенале поэта такого вида интертекстуальных отношений, как центонные тексты. Н. Фатеева в своей монографии [6] определяет данный тип интертекстуальных отношений как “...целый комплекс аллюзий и цитат (в большинстве своем атрибутированных), и речь идет не о введении отдельных “интекстов”, а о создании некоего сложного языка иносказания, внутри которого семантические связи определяются литературными ассоциациями” [6, с. 137].

Например, в стихотворении “Эх, куда ж занесло русских женщин российское слово!” А. Аврутин обращается к сюжету, ставшему в литературе символическим: гибель молодых девушек на путях железной дороги. Уже эпитафией (Под насыпью, во рву некошеном... [2, с. 57]) поэт отсылает читателя к стихотворению “На железной дороге” А. Блока, в котором поэтически воссоздана картина гибели молодой девушки на рельсах железнодорожного полотна. Буквально каждая строка в лирическом произведении русскоязычного поэта – интертекстуальный элемент:

Сколько тех Катерин в темный омут
 бросалось в грозу!
 Вон Карениной выезд..
 <...> Про княжну – ту, что Стенька
 в шершавую бросил волну,
 Но закат настает... [2, с. 57]

Обозначенные строки корреспондируют с различными произведениями: с пьесой А. Островского “Гроза”, с романом Л. Толстого “Анна Каренина” и с прецедентной историей об утоплении княжны Разиным, нашедшей отклики в поэтическом наследии А. Пушкина (стихотворный цикл “Песни о Стеньке Разине”), М. Цветаевой (“Стенька Разин”) и др.

Стихотворение А. Аврутина “Кто в сотый раз пришел на эту землю” в тематическом аспекте затрагивает круг вопросов, интересовавших писателей разных эпох (А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, А. Ахматову, М. Цветаеву, В. Маяковского и др.), – восприятие и реализация поэтом-Творцом своего дара и предназначения. Иными словами, для А. Аврутина, как и для его предшественников, важна тема поэта и поэзии. Поэтическое творчество выступает в виде “сгустка боли, / А если боль окажется права” [2, с. 28], то “Мои слова потомок проглаголит, / Как я глаголю пращуря слова” [2, с. 28]. Эти строки отсылают нас к хрестоматийному:

Встань, пророк, и виждь, и внемли,
 Исполнишь волею моей,
 И, обходя моря и земли,
 Глаголом жги сердца людей [7, с. 150].

А. Аврутин, вслед за А. Пушкиным, представляет поэта в образе пророка, “полубога”.

Интертекстуальным элементом в поэзии А. Аврутина выступают аллюзивно-прецедентные имена собственные писателей и персонажей художественных произведений, которые вписываются в оригинальный авторский контекст: “Где-то

Хлебников бродит в рубище...” [2, с. 156]; “До сих пор в Путивле плачет Ярославна – / Князя Игоря как не было, так нет...” [2, с. 15]; “Сколько тех Катерин в темный омут бросалось в грозу! / Вон Карениной выезд...” [2, с. 57]; “И придет дядя Ваня к ужину / И сыночка окликнет: «Ваня!..»” [2, с. 54]; “Новолунье... Третье Мандельштама...” [2, с. 68]; “По России Пушкина и Блока, / Где опять всевластен Смердяков...” [2, с. 85]; “И гипсовый Сергей Есенин...” [2, с. 86] и др.

В стихотворении А. Аврутина “Прозрачный призрак принес прозрень” маркером интертекстуальности выступает эпитафия “Чуждый чарам черный челн” (К. Бальмонт, “Челн томленья”). Однако следует отметить, что автор отсылает не к смысловому содержанию лирического произведения, а к его форме:

Придет прислуга, поднос подхватит,

Письмо помятое подберет.

Пока парчою пылает платье,

Поручик пылкий портвейны пьет [2, с. 169].

Автор демонстрирует поэтические возможности тавтограммы – текст, все слова которого начинаются с одной и той же буквы. Подобного рода языковая игра обнаруживается и в других стихотворениях поэта (“Предаст любимый – / придет страданье”, “За то, что в трудный час пришла, / За то, что не пришла в трудный час”, “Россия... Родина... Рябина... / Распятые... Реченька... Роса...” и др.).

Заключение

Таким образом, анализ интертекстуального пространства поэзии А. Аврутина позволяет сделать вывод о широком использовании автором аллюзий, представленных именами собственными, эпитафий, цитатных и реминисцентных отсылок к Библии и произведениям русской литературы. Лирические произведения современного русскоязычного поэта Беларуси представляют собой диалог авторского сознания с предшествующей мировой литературой и культурой в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Андреев, А.** Осколки целого... поэзия... гармония / А. Андреев // Анатолий Аврутин : судьба и творчество : сб. ст. ; сост. А.Н. Андреев, Л.Ф. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2008. – С. 16–39.
2. **Аврутин, А.** Наедине с молчанием : книга поэзии / Анатолий Аврутин. – Минск : Маст. літ., 2007. – 303 с.
3. **Ефимовская, В.** Откуда этот свет неяркий? / В. Ефимовская // Анатолий Аврутин : судьба и творчество : сб. ст. / сост. А.Н. Андреев, Л.Ф. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2008. – С. 107–116.
4. **Чекменев, А.** Поэтические откровения Анатолия Аврутина / А. Чекменев // Анатолий Аврутин : судьба и творчество : сб. ст. ; сост. А.Н. Андреев, Л.Ф. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2008. – С. 117–151.
5. **Пастернак, Б.** Стихотворения и поэмы / Борис Пастернак. – Л. : Сов. писатель, 1990. – 254 с.
6. **Фатеева, Н.А.** Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – 3-е изд. – М. : КомКнига, 2007. – 280 с.
7. **Пушкин, А.С.** Собрание сочинений : в 10 т. / А.С. Пушкин. – М. : Худ. Лит., 1959. – Т. 2 : Стихотворения 1823 – 1836. – 799 с.

Поступила в редакцию 21.11.2012 г.

УДК 821.161.3.09

Т.І. ЖЫРКЕВІЧ*

БЕЛАРУСКА-ПАЎДНЁВАСЛАВЯНСКІЯ ЛІТАРАТУРНЫЯ СУВЯЗІ: ГІСТОРЫЯ СТАНАЎЛЕННЯ І РАЗВІЦЦЯ

У артыкуле дадзены звесткі з гісторыі развіцця літаратурных сувязяў беларусаў і паўднёвых славян. Ахарактарызаваны асноўныя перыяды ад старажытных часоў, калі кантакты ажыццяўляліся паміж усходнімі і паўднёвымі славянамі, да сучаснасці. Прасочваюцца агульныя літаратурныя крыніцы і заканамернасці развіцця названых народаў, указваюцца на несінхронны характар літаратурных адносін, на існаванне ідэі славянскай еднасці. Асабліва ўвага надаецца беларуска-паўднёvasлавянскім сувязям на сучасным этапе, калі адносіны сталі больш інтэнсіўнымі, дзейнымі і паступова перайшлі да шырокага ўзаемаабмену культурнымі каштоўнасцямі, да ўзаемадзеяння літаратур.

Уводзіны

Гісторыя літаратурных сувязяў паміж беларускім і паўднёvasлавянскімі народамі мае свае адметныя рысы. Развіццё іх літаратурнага працэсу адрозніваецца ад заходнееўрапейскага, дзе мае месца вылучэнне пэўных напрамкаў (рэнесанс, класіцызм, сентыменталізм, рамантызм) са сваімі жанрамі, стылямі, формамі мастацкага адлюстравання. Негатыўныя фактары (у прыватнасці, палітычная залежнасць ад іншых краін і звязаная з гэтым немагчымасць разгортваць сваю культуру) не дазволілі беларусам і паўднёвым славянам прыкнунць да агульнаеўрапейскага літаратурнага працэсу. “Неспрыяльныя грамадскія ўмовы – рост феадальнага прыгнёту, пашырэнне ідэй контррэфармацыі, дэнацыяналізацыя шляхты і гараджан, з якіх выйшла большасць тагачаснай інтэлігенцыі, – усё гэта адмоўна паўплывала на літаратурны працэс, запаволіла яго, пазбавіла некаторых звенняў”, – так характарызуе А.І. Мальдзіс развіццё беларускай літаратуры XVII – XVIII стагоддзяў [1, с. 336]. Падабенства гістарычнага лёсу беларускага і паўднёvasлавянскіх народаў паслужыла перадумовай для ўзнікнення літаратурных кантактаў і сувязяў.

Асноўная частка

Гісторыя кантактаў паміж беларускім і паўднёvasлавянскімі народамі вядзе ў глыбіню стагоддзяў. У залежнасці ад ступені развіцця беларускай і паўднёvasлавянскай культуры можна вылучыць наступныя перыяды фарміравання літаратурных узаемасувязяў. Вызначальнай рысай пачатковага этапу (IX – XIV стст.) з’яўляюцца кантакты ўсходніх і паўднёвых славян. Агульнай крыніцай станаўлення літаратур названых народаў з’явілася Візантыя, якая надавала адзіны напрамак літаратурнаму развіццю славян і ад якой яны перанялі хрысціянскую рэлігію і разам з тым засвоілі старажытнахрысціянскую літаратурную спадчыну. На гэты факт звяртае ўвагу Г.П. Тварановіч: “Падабенства беларускай і сербскай літаратур старажытнага перыяду тлумачыцца найперш візантыйскім пасрэдняцтвам, а таксама гістарычнай славянскай супольнасцю” [2, с. 14]. Аднолькавае паходжанне літаратурных традыцый усходніх і паўднёвых славян спрыяла, вядома, і наладжванню непасрэдных кантактаў. Як сцвярджае Г.П. Тварановіч,

* Выпускніца філалагічнага факультэта 1996 г.

многія паўднёваславянскія асветнікі “вызначыліся сваімі намаганнямі на ўсход-неславянскіх землях” [2, с. 13]. У іх ліку вядомыя сваёй падзвіжніцкай дзейнасцю на землях Вялікага Княства Літоўскага мітрапаліт Кіпрыян, яго паслядоўнік Грыгорый Цамблак, асветнік Дасіфей Абрадавіч, якія праявілі вялікую цікавасць да культуры і мовы тагачаснага беларускага народа і сваёй асветніцкай дзейнасцю паўплывалі на яго культурнае развіццё.

Наступны этап беларуска-паўднёваславянскіх сувязяў (XV – XVIII ст.) можна адзначаць як перыяд не толькі непасрэдных кантактаў, але і літаратурных тыпа-логій. Агульным напрамкам развіцця літаратуры беларусаў і паўднёвых славян з’явілася народна-паэтычная творчасць. “Народныя масы задавальнялі духоўныя, у тым ліку эстэтычныя, запатрабаванні сваёй жа вуснай творчасцю, якая набывала істотнае прагрэсіўнае значэнне, таму што была непарыўна звязана з вызваленчай барацьбой” [3, с. 132]. Гэта было абумоўлена прыгнечаным становішчам харватаў і славенцаў ад Аўстрыйскай імперыі Габсбургаў, сербаў і балгар – ад Турцыі; беларусаў – ад Польшчы. Н.І. Краўцоў адзначае, што ў Балгарыі, Сербіі і Славеніі мастацкая літаратура ў XVII ст., па сутнасці, не развівалася. Яна абмяжоўвалася рэлігійнымі (жыццё, гімны, пропаведзі) альбо дакументальнымі (хронікі, гістарычныя сачыненні) творами. “Тут не існавала ні эканамічных, ні палітычных, ні культурных умоў для літаратурнага развіцця” [3, с. 131]. Падабенства розных паўднёваславянскіх літаратур на гэтым этапе праяўлялася ў блізкасці жыццёвага матэрыялу, ідэйных памкненняў, мастацкіх формаў і сродкаў (тэмы, сюжэты, тыпы герояў, жанры, стыль). Найбольш папулярныя жанры, якія панавалі ў той час, – гэта балады, гістарычныя і гайдучкія песні. Асноўным у іх тэматыцы было адлюстраванне паднявольнага становішча народа, а ў сюжэтыцы – эпізодаў вызваленчай барацьбы супраць прыгнятальнікаў. У акрэслены перыяд сярод іншаславянскіх народаў стала вядомай творчасць многіх дзеячаў беларускай культуры – К. Тураўскага, Л. Зізанія (у сербскіх спісах), Ф. Скарыны. Пэўны ўнёсак у беларуска-паўднёваславянскія ўзаемаадносінны зрабілі пераклады з сербскай мовы на старажытную беларускую сярэднявечных аповесцяў пра Трышчана ды Іжоту, пра Баву-каралёвіча, Аляксандра Македонскага.

Складанымі для беларускай культуры з’яўляюцца XVII і XVIII стагоддзі. З літаратуры гэтага часу да нас дайшла нязначная колькасць беларускамоўных твораў. “Нашае прыгожае пісьменства было пераважна рукапісным і пакінула па сабе вельмі вузкае кола (беларускамоўных) твораў – пераважна ў копіях, шматжанравых зборніках” [2, с. 213].

Знаходжанне доўгі час пад прыгнётам іншай культуры і немагчымасць развіваць сваю паўплывала на запаволенасць развіцця паўднёваславянскіх літаратур. І паказальна, што іх росквіт супадае з разгортваннем нацыянальна-вызваленчага руху. Пачатак XIX ст. вылучае наступны этап у фарміраванні літаратурных сувязяў паміж славянскімі народамі. Асаблівасць яго ў тым, што адраджэнцкія тэндэнцыі маюць несінхронны характар: сербская літаратура атрымлівае новы штуршок для свайго развіцця з пачатку XIX ст., калі ў выніку палітычных змен Сербія набыла незалежнасць; балгарская – з сярэдзіны XIX ст., калі актывізаваўся нацыянальна-вызваленчы рух, а пасля Руска-турэцкай вайны 1878 г. усталявалася балгарская дзяржаўнасць; беларуская літаратура змагла раскрыць свае магчымасці толькі з пачатку XX ст. Але, нягледзячы на асінхронны характар развіцця славянскіх літаратур, у іх можна вызначыць агульныя рысы. Па-першае, літаратурны працэс гэтых народаў набыў ярка выяўлены нацыянальна-адраджэнцкі характар. Г.П. Тварановіч слушна сцвярджае, што “вусны народны

эпас садзейнічаў нацыянальна-этнічнаму самасвядомаснаму ўмацаванню паўднёвых славян, дапамог ім асіліць чатырохсотгадовае турэцкае ярмо” [2, с. 16]. Па-другое, адраджэнцкія тэндэнцыі спрыялі наладжванню новых кантактаў паміж славянскімі народамі, у выніку чаго з’явілася і атрымала распаўсюджванне ідэя славянскай еднасці, культурна-гістарычны змест якой трэба прызнаць больш важным за палітычны.

XX стагоддзе ўнесла свае карэктывы ў літаратурныя ўзаемасувязі беларусаў і паўднёвых славян. Тут можна вызначыць два перыяды, якія адрозніваюцца па якасці кантактаў і маюць свае асаблівасці. Першы – ад пачатку стагоддзя да Другой сусветнай вайны, другі – з пачатку 50-х гг. да сучаснасці.

Літаратурныя сувязі паміж беларускім і паўднёvasлавянскімі народамі да Другой сусветнай вайны не мелі сістэмнасці. Асноўная з прычын – палітычныя абставіны. З аднаго боку, Беларусь хоць і набыла магчымасць развіцця нацыянальных традыцый, але не мела самастойнасці. Усе кантакты беларускага народа са славянскім светам праходзілі ў рамках савецка-закежнага супрацоўніцтва. З другога – урады тагачасных Югаславіі і Балгарыі, як правіла, адмаўляліся ад сувязяў на дзяржаўным узроўні з савецкай рэспублікай. Тэя нешматлікія кантакты, якія ўсё ж мелі месца, у асноўным абмяжоўваліся фактамі перакладаў мастацкіх твораў, а з боку паўднёвых славян падтрымліваліся рэвалюцыйна настраенай часткай насельніцтва і навукоўцамі, якія цікавіліся развіццём славянскіх літаратур увогуле. Паводле звестак аўтараў кнігі “Беларуская савецкая літаратура за мяжой”, у 20 – 30-я гг. XX ст. югаслаўскія выданні – харвацкі “Агляд”, славенскія “Парастак”, “Дом і свет”, “Люблянскі зван” – сталі друкаваць артыкулы, якія “стваралі даволі шырокую панараму новай беларускай літаратуры” [4, с. 19], што сведчыла аб пэўнай актывізацыі літаратурных кантактаў паміж Беларуссю і Югаславіяй. Акрамя таго, выходзяць у свет пераклады твораў беларускіх пісьменнікаў (перавага аддавалася творчасці Я. Купалы і Я. Коласа). Асаблівую ўвагу звяртае на сябе “Усеславянскі зборнік”, выдадзены ў 1930 г. у Заграбе. Ён аб’ядноўвае 35 артыкулаў вучоных усіх славянскіх народаў, у тым ліку працы беларускіх даследчыкаў пра беларускую мову, літаратуру, культуру: “Да характарыстыкі дыялектаў паўднёвобеларускіх і пераходных да ўкраінскіх” Л.А. Бузюка, “Сучасны беларускі тэатр (1921 – 1926)” А.М. Вазнясенскага, “Сатырычна-камічныя творы беларускай літаратуры” Я.Ф. Карскага. Аўтарамі кнігі вызначаецца, што гэты быў першы выхад беларусазнаўцаў на агульнаславянскую арэну [4, с. 20].

У Балгарыі цікавасці да беларускай літаратуры спрыяў антыфашысцкі рух, які разгарнуўся пасля рэакцыйнага перавароту 1923 г. У барацьбе супраць фашысцкага кіраўніцтва большая частка творчай інтэлігенцыі пачала шукаць шляхі да збліжэння з савецкай культурай. А беларуска-балгарскія кантакты былі часткай савецка-закежных узаемасувязяў. Літаратары Балгарыі сталі звяртаць увагу на развіццё беларускай культуры, да гэтай пары мала ім вядомай. У 1927 г. балгарская газета дэмакратычнага накірунку “Паведамленні” апублікавала нататку пра навуковыя і культурныя ўстановы Беларусі. Літаратурна-навуковая газета “Накавальня” на працягу 1928 – 1929 гг. змяшчала матэрыялы пра нашу краіну, артыкулы беларускіх літаратуразнаўцаў (напрыклад, Зм. Снежкі “Культура Савецкай Беларусі”, “Сучасная беларуская літаратура”). “РЛФ” – легальны літаратурны орган камуністаў (у той час менавіта яны былі адзінымі інфарматарамі аб палітычным і культурным жыцці СССР) – змяшчаў артыкулы Т. Паўлава, Хр. Радзеўскага, А. Тодарава, Л. Агнянава-Рызора аб Беларусі. А. Тодараў

вызначыўся ў літаратурным асяроддзі як першы перакладчык беларускай паэзіі: у 1930 г. былі апублікаваны яго пераклады вершаў А. Александровіча “Сасна” і “Пагранічная вясна”. Звесткі аб развіцці беларускай літаратуры можна было знайсці ў штотыднёвіку “Літаратурны голас” (напрыклад, артыкулы пра Я. Купалу). У станаўленні і развіцці кантактаў паміж Беларуссю і Балгарыяй вызначаецца дзейнасць перакладчыка і літаратуразнаўцы Л. Агнянава-Рызора, які падтрымліваў цесныя сувязі з беларускім пісьменнікам Зм. Снежкам. З беларускага боку таксама праяўлялася цікавасць да літаратуры паўднёвых славян. Творчасць іншаславянскіх пісьменнікаў і вучоных асвятляў часопіс “Маладняк”. Беларускімі выдавецтвамі было надрукавана каля дзесяці твораў югаслаўскай літаратуры. Такім чынам, узаемазбліжэнне культур і літаратур беларусаў і паўднёвых славян набыло пэўную актыўнасць і адпаведныя перспектывы. Аднак працэс узаема сувязяў быў перапынены Другой сусветнай вайной.

Пасля заканчэння вайны 1939 – 1945 гг. у свеце назіраецца карэнная перастаноўка палітычных сіл. Краінам капіталістычнага свету быў супрацьпастаўлены свет краін “сацыялістычнага лагера”, куды ўвайшлі, трэба адзначыць, усе славянскія дзяржавы. Гэты “гістарычны паварот” прывёў да інтэнсіўнасці сувязяў паміж славянскімі народамі, што стала вырашальным фактарам далейшага развіцця іх садружнасці і станоўча адбілася на літаратурным працэсе.

З сярэдзіны 50-х гг. аднаўляецца знаёмства народаў паўднёвых славян з беларускай мастацкай літаратурай. У Югаславіі перакладчыкамі і папулярызатарамі твораў беларускіх паэтаў і празаікаў сталі М. Дзівовыч, М. Джэркавіч, Р. Пайковіч, Д. Якшыч, Я. Зор і інш. У Балгарыі прапагандыстамі беларускай культуры сталі Х. Ганаў, Л. Герава, Н. Інджаў, А. Германаў, Н. Вылчаў і інш. А ў Беларусі такія ролі выконвалі Л. Самасейка, Н. Гілевіч, В. Цімафеева, Л. Цімашкова, В. Нікіфаровіч, А. Мажэйка [4; 5].

Калі больш дакладна даследаваць праблему беларуска-паўднёvasлавянскіх сувязяў пасля Другой сусветнай вайны, то можна вылучыць наступныя перыяды ў іх развіцці: 50 – 60-я гг. – скачок у развіцці культурных і літаратурных адносін; 70 – 80-я гг. – пашырэнне супрацоўніцтва, з’яўленне сур’ёзных манаграфічных даследаванняў у галіне параўнальнага літаратуразнаўства; 90-я гг. – перыяд аслаблення кантактаў у выніку палітычных змен і цяжкага эканамічнага становішча постсацыялістычных краін, але трэба адзначыць магчымасць выступлення ў іх Беларусі як самастойнай дзяржавы, што, несумненна, з’яўляецца станоўчым момантам на гэтым этапе літаратурных узаема сувязяў. З пачатку XXI ст. літаратурныя сувязі паміж краінамі аднаўляюцца і перажываюць новы ўсплёск, які характарызуецца інтарэсам як да сучаснага літаратурнага працэсу, так і да спадчыны славянскіх краін. Паміж Беларуссю і паўднёvasлавянскімі краінамі былі падпісаны дагаворы аб культурным супрацоўніцтве. У пацвярджэнне адноўленых адносін былі праведзены Дні беларускай культуры ў Балгарыі і Сербіі. У сербахарвацкіх часопісах “Стремльєнь”, “Звоно-старо”, “Стварање”, таксама ў балгарскім часопісе “Панорама” з’явіліся рубрыкі, прысвечаныя творчасці беларускіх паэтаў. Балгарскія і сербскія выдавецтвы надрукавалі творы В. Быкава, зборнікі вершаў А. Разанава, Я. Янішчыц, М. Шагала, анталогіі беларускай паэзіі. Пракметнай падзеяй у культурным жыцці Беларусі і Балгарыі стаў зборнік вядомага літаратара Н. Вылчава “Беларуската моя тетрадка” (2000), у якім сабраны перакладзеныя ім творы беларускіх мастакоў. У гэты час выходзіць у свет другое, дапоўненае выданне кнігі вядомага балгарскага пісьменніка і папулярызатара беларускай літаратуры С. Паптонева “Беларус – бяла баллада”. Сярод

сучасных паўднёvasлавянскіх перакладчыкаў беларускай літаратуры на нацыянальныя мовы можна адзначыць імёны Е. Алекавай, А. Алексіева, З. Васілевай, М. Сібінавіча, М. Блэчыча.

Заклучэнне

Даследаванне літаратурных сувязяў паміж Беларуссю і паўднёvasлавянскімі краінамі паказвае, што гэты працэс складаны і мае свае асаблівасці. У ранні перыяд узаемасувязі не былі яшчэ пастаяннымі і трывалымі, ажыццяўляліся не на дзяржаўным узроўні, а на асобных кантактах дзеячаў культуры. Інтэнсіўнасць беларуска-паўднёvasлавянскіх сувязяў павялічваецца з цягам часу, яны становяцца больш дзейнымі і паступова пераходзяць да шырокага абмену культурнымі каштоўнасцямі, да ўзаемадзеяння літаратур.

Развіццё беларуска-паўднёvasлавянскіх кантактаў і літаратурных сувязяў акрэсліваецца некалькімі перыядамі: старажытны (IX – XIV стст.), які характарызуецца кантактамі ўсходніх і паўднёвых славян; XV – XVIII ст. – час літаратурных тыпалогій; XIX ст., калі набыла распаўсюджванне ідэя славянскай еднасці; першая палова XX ст., калі сувязі не былі яшчэ трывалымі і пастаяннымі, але набылі пэўную актыўнасць; другая палова XX ст. – перыяд інтэнсіўнага развіцця і ўзаемадзеяння літаратур.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Мальдзіс, А.І.** На скрыжаванні славянскіх традыцый: літ. Беларусі пераходнага перыяду (другая палова XVII – XVIII ст.) / А.І. Мальдзіс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 352 с.
2. **Тварановіч, Г.П.** Беларуская літаратура: паўднёvasлавянскі кантэкст: (Адзінства генезісу, тыпаў літаратур і характар узаемасувязей) / Г.П. Тварановіч. – Мінск : Беларуская навука, 1996. – 275 с.
3. **Кравцов, Н.И.** Проблемы сравнительного изучения славянских литератур / Н.И. Кравцов – М. : Изд-во МГУ, 1973. – 362 с.
4. Беларуская савецкая літаратура за мяжой / Г.Я. Адамовіч [і інш.] ; рэд. У.Л. Сакалоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 88 с.
5. **Ларчанка, М.** Жывая спадчына / М. Ларчанка. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1977. – 240 с.

Паступіў у рэдакцыю 13.07.2012 г.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- ВІШНЕЎСКИ**
Міхаіл Іванавіч – доктар філасофскіх навук, прафесар, заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь, першы прарэктар МДУ імя А.А. Куляшова
- РЫЕР**
Якаў Рыгоравіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова
- БУРАКОЎ**
Віктар Мікалаевіч – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А.А. Куляшова
- ПУШКІН**
Ігар Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання
- ПАЎЛАЎ**
Уладзімір Платонавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі права і гуманітарных дысцыплін Міжнароднага ўніверсітэта “МІПСА”
- ГРЭБЕНЬ**
Яўген Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры філасофіі і гісторыі Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта
- ЦУМАРАВА**
Алена Пятроўна – аспірант МДУ імя А.А. Куляшова
- ПАНУЖДАЕЎ**
Дзмітрый Мікалаевіч – начальнік факультэта павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў Магілёўскага вышэйшага каледжа МУС РБ
- ГРАМЫКА**
Марына Віктараўна – метадыст Магілёўскага дзяржаўнага абласнога інстытута развіцця адукацыі
- САЎЧАНКА**
Вольга Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры беларускай і рускай моў МДУ імя А.А. Куляшова
- КІСЛІЦЫНА**
Ганна Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дактарант Інстытута мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы НАНБ
- БАШКІРАЎ**
Дзмітрый Леанідавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры рускай літаратуры БДУ
- СЕРДЗЮКОВА**
Кацярына Іванаўна – аспірант БДУ
- ЖЫРКЕВІЧ**
Таццяна Іванаўна – старшы выкладчык кафедры рускай і замежнай літаратуры МДУ імя А.А. Куляшова

SUMMARIES

Bashkirov D.L. CONFESSION “SEPULCHRAL” CONTEXT IN RUSSIAN LITERATURE: METAPHOR OR ARTISTIC REALITY

The article deals with the issue of correlation between confessional and autobiographical motifs as a manifestation of religious principles within the humanistic artistic conception in Russian literature of the XVIII – XIX centuries. This issue is regarded as one of the main tendencies in Russian literature development covering a wide range of artistic problems and embodying interaction of aesthetic, religious and philosophical views of church and secular authors.

Burakov V.N. HOUSE RENT IN THE BSSR DURING THE INTERWAR PERIOD

The article analyses housing policy of the 1920 – 1930-s in the sphere of accommodation payment in the BSSR. It represents the dynamics of the principles and mechanisms of compensation apartment granting based on the state regulation of the housing relations. The author proves the dependence of house rent on a number of factors such as maintenance expenses, location, improvements, payer's class identity and income. The article reveals the reasons for municipal services unprofitability and accommodation problem.

Gromyko M.V. “THE BULLETIN OF VILENSKI ORTHODOX SACRED BROTHERHOOD” AS A REPRESENTATIVE OF THE CONSERVATIVE PRESS IN 1907 TO 1916

The article displays the view of “The Bulletin of Vilenski Orthodox Sacred Brotherhood” on the most important questions concerning socio-political life of the Russian Empire. The bulletin's propaganda and education via the press helped to support the position of the Orthodox Church, autocracy and Russian nation spirit in the Northwestern Krai.

Hreben Y.A. TAXES AND DUTIES OF BELARUSIAN POPULATION DURING NAZI OCCUPATION

The system of taxation and duties of the Belarussian civilian population during the Nazi occupation is analyzed in the article. It is based on the extensive database of the archival sources. The main taxes and fees paid by the urban population are characterized. The impact of taxation on the most disadvantaged citizens is displayed. A number of obligations imposed in rural areas are considered.

The author informs about sabotage of the tax policy by Belarussian people which resulted in the introduction of the bonus system by the German authorities. The effectiveness of taxing imposed by the occupation authorities is viewed in the context of the survival strategies of the population living in the occupied Belarus.

Kislitsina A.N. CURRENT PROBLEMS OF MODERN BELARUSIAN PROSE

The article outlines the characteristic features of the modern Belarussian literature. It is noted that the main problem of today's literary process is the absence of the reader who would appreciate serious literature written in Belarussian. This situation urges the authors to search for new creative strategies.

Pavlov V.P. MOGILEV REGION NATIVES IN THE RESISTANCE MOVEMENT OF POLAND AND CZECHOSLOVAKIA

The article highlights the participation of the Mogilev region natives who fought in the guerrilla groups in Poland and Czechoslovakia during the Great Patriotic War. Most of these were Soviet prisoners of war who managed to escape from the Nazi concentration camps as well as scouts and fighters of the units and groups sent by the Soviet authorities to Poland and Czechoslovakia.

Ponuzhdaev D.N. ROLE OF THE SOVIET WORKERS' AND PEASANTS' MILITIA IN SOCIAL AND POLITICAL LIFE IN WESTERN REGIONS OF THE BSSR (1939 – 1941)

The article deals with the impact of the Belarussian workers' and peasants' militia in the late 1939 – early 1941 on the social and political situation in western Belarus. It highlights the militia activities against the anti-soviet opposition forces. The author proves that the militia facilitated the Soviet party bodies in 1939 – 1941. Militiamen exposed and arrested participants of anti-soviet organizations and deported certain groups of inhabitants. The analysis of scientific research, historians' publications and archival sources reveals the functions of the Soviet Workers' and Peasants' militia activities.

Pushkin I.A. INTERETHNIC RELATION REGULATION AUTHORITIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS (1991 – 2010)

The article analyzes national policy in regulation of interethnic relations and solution of national group problems in the Republic of Belarus. Regulatory and legal basis that created favourable

conditions for developing cultures of ethnic groups and meeting their ethnic cultural needs was adopted by the governmental bodies in the 1990s. The body of executive and state power was established in the middle of the 1990s to provide conditions for keeping ethnic originality and implementing legislation to observe ethnic group rights. Three stages in the activities of the state bodies on interethnic relation regulation in the Republic of Belarus are described.

Riyer Ya.G. ON THE PROBLEM OF INEQUALITY, PROPERTY AND PUBLIC AUTHORITIES EMERGENCE

The state which emerged in the ancient times and has become a major universal social and political organization in the process of human development is a complex regulatory mechanism, the functions of which are intertwined with multiple social structures. Often it collides with these structures. A framework of state competences can be derived from the history of state formation, during which the original social structures of primitive communities were gradually replaced by new more accomplished forms. The article deals with the common origins of these new structures for the clan system, as well as with the main causes of their emergence, the stages of consolidation and their transformation into mandatory institutions with acquired means of coercion. The author also emphasizes the idea that social inequalities have always existed in society.

Sauchanka O.N. COHESION COMPOSITION TECHNIQUES IN BELARUSIAN FICTION

The author proves the influence of specific combinations of sentences on the interrelations between architectonics and composition as well as on the formation of writer's individual style. The article confirms the fact that the analysis of composition peculiarities always deals with the text external side. Complete characterization of architectonics originality is based on the internal organization of the text. Parallel and consistent sentence sequencing to form logical unities of different types in terms of modern Belarusian fiction is analyzed. The author draws the conclusion that the choice of composition techniques made to join sentences influences the complexity and expressiveness of the structure as a separate logical unity as well as of the whole piece of literature.

Serdiukova Y.I. INTERTEXTUALITY IN ANATOLY AVRUTIN'S POETRY

Various types of intertextual relations that hold a significant position in the creative work of A. Avrutin are considered in the article. The article is relevant to the contemporary literary criticism analysis of A. Avrutin's (Russian-language writer of Belarus) poetry in terms of «foreign words» (M. Bakhtin) in it. The analysis of A. Avrutin's poetry enables to find multiple intertextual connections with the Bible and with the heritage of «golden» and «silver» ages of Russian literature.

Tsumareva E.P. BELARUSIAN PROBLEMS IN THE NEWSPAPER "THE BORDER REGIONS OF RUSSIA" (1906 – 1912)

The article deals with the newspaper "The Border Regions of Russia" ("Okrainy Rossii") coverage of the formation and development of the national movement in the Northwestern Krai in the early twentieth century. It reflects the debatable issues such as recognition of the Belarusian ethnos and language. The author considers the interpretation of the terms "Belaya Rus", "Belarusian" in the press. The article describes the ratio of the drafting committee "The Border Regions of Russia" to the leaders of the Belarusian national movement.

Vishnevsky M.I. RELEVANCE OF CULTURAL AND EDUCATIONAL PHILOSOPHICAL SYNTHESIS

The article deals with the question of cultural-educational philosophical synthesis in close connection with the issue of the place and the role of philosophy in the system of culture. Cultural-educational synthesis is interpreted as a way of achieving a unity (in the framework of the educational activity) of dissimilar to the presuppositions and complementary philosophical concepts, approaches to the solution of theoretical and ideological problems.

Zhyrkevich T.I. BELARUSIAN-SOUTHERN SLAVIC LINKS IN LITERATURE: FORMATION AND DEVELOPMENT

The article highlights the development of literary connections between Belarusians and Southern Slavs. Its major stages from the ancient time up to the modern time are characterized. The common roots in literature of the mentioned above peoples are traced. The author underlines nonsynchronous character of their literary relations. Special attention is given to the relationships at the present stage.